

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Савинов Кирилл Леонидович

Особенности английской колониальной политики
первой четверти XVII в. на примере Нового Плимута

Специальность 07.00.03 — всеобщая история
(новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Хрулева И.Ю.

Москва — 2016

Оглавление

<u>Введение</u>	3
<u>Характеристика источников</u>	14
<u>Историографический обзор</u>	42
<u>Глава I.</u>	
<u>Основатели Нового Плимута в Старом Свете на рубеже XVI–XVII вв..</u>	82
1. Социально-экономическая, политическая и религиозная ситуация в Англии в начале XVII в.	82
2. Основные теологические догматы и принципы церковной организации английских сепаратистов	96
3. Путь отцов-пилигримов: от сельской общины к колониальному предприятию	110
<u>Глава II.</u>	
<u>Английская колонизация Северной Америки на рубеже XVI–XVII вв.</u>	137

1. Проблема колонизации в английской общественно-политической жизни	137
2. Поиск форм и инструментов организации английской колонизации	151
3. Новая Англия до прибытия отцов-пилигримов (1607–1620 гг.)	166
<u>Глава III. Колония Новый Плимут (1620–1625) гг.</u>	182
1. Социально-экономическое, политическое и церковное устройство Нового Плимута	182
2. Проблемы взаимоотношений Нового Плимута и индейских племен в 1620-х гг.	206
3. Две модели английского колониального предприятия: Мэрри-Маунт и Новый Плимут	222
<u>Заключение</u>	237
<u>Библиография</u>	251

Введение

Актуальность темы. В XVII веке английские колонисты достигли значительных успехов в освоении Америки, покорении ее коренных жителей, создании жизнеспособных институтов местного управления. Несмотря на успехи, первые колониальные проекты англичан были многочисленны, разрозненны, зачастую плохо подготовлены, осуществлялись различными социальными, религиозными и политическими группами. Нередко цели колонистов и их идейных вдохновителей менялись в процессе освоения Нового Света, а колонии оказывались убыточными или бесперспективными. Для того чтобы проанализировать специфический опыт английской колонизации, необходимо представить создание первых колоний не как череду авантур королевской власти, дворянства или торговцев, но как **колониальную политику**.

Королевская власть, мореплаватели-первооткрыватели и колонисты в начале XVII века пытались нащупать вектор этой политики. Ее ключевые компоненты включали в себя: религиозное и политическое обоснование права на завоевание Нового Света, организацию управления колониями из метрополии и поиск наилучших способов освоения территорий Америк. На эту политику повлияли примеры успешных колониальных проектов других европейских держав, а также практический опыт первых английских поселений.

Данная диссертация посвящена формированию английской колониальной политики на примере Нового Плимута — первого постоянного поселения в регионе Новая Англия. Новый Плимут был основан отцами-пилигримами — группой радикальных пуритан-сепаратистов из деревни Скруби, бежавших от религиозных репрессий в 1608 г. в Голландию, а в 1620 г. отправившихся в Новый Свет.

Есть несколько причин выбора именно этой колонии для исследования. В 1621 г. Новый Плимут стал первой жизнеспособной колонией в Новой Англии. Отцы-пилигримы смогли наладить контакты с коренными жителями, организовать торговлю пушниной и сельское хозяйство. Принятая ими модель церковной организации использовалась и другими религиозными диссидентами, которые прибыли в регион в 1630-х гг.

Другая причина заключается в важности отцов-пилигримов для американской историографии. Благодаря стараниям исследователей XIX в. горстка колонистов стала символом рождения американской государственности как в массовом сознании, так и в серьезных исследованиях. Несмотря на тот факт, что Новый Плимут не был первым английским поселением в Северной Америке (Джеймстаун в Виргинии был основан в 1607 г.), именно бежавшие от религиозного преследования пилигримы стали объектом самого пристального внимания историков и публицистов.

История подготовки экспедиции пилигримов показательна с точки зрения формирования колониальной политики. До того как они отправились

в Новую Англию, пилигримы поддерживали отношения со многими знаменитыми деятелями английской колонизации, обращались в торговые компании и акционерные общества. Через литературу о колонизации они приобрели знания о разнообразных колониальных проектах.

Хронологические рамки работы охватывают первую четверть XVII в. Нижняя граница — рубеж XVI–XVII вв., период формирования английской колониальной политики на основе практического опыта мореплавателей и работ философов и публицистов. В этот же период в английской деревне Скруби возникла община отцов-пилигримов. Преодолев трудности в Англии и Голландии, пилигримы смогли основать в 1621 г. стабильное поселение, преодолеть внутренние раздоры и наладить отношения с коренными жителями. К середине 1620-х гг. Новый Плимут окончательно сформировался как колония с четкой внутренней иерархией и дипломатическими отношениями с индейскими племенами и европейскими поселениями в Новом Свете, а «Великий исход» пуритан 1630-х гг. привел к потере Плимутом своего уникального статуса в регионе.

Цель диссертационного исследования — реконструировать, из чего складывалась английская колониальная политика; проследить, как элементы этой политики проявлялись в колонии пилигримов и как сама эта колония в конечном счете оказала влияние на освоение англичанами Северной Америки.

Для реализации этой цели были поставлены следующие **задачи**:

— проанализировать социально-экономическую и политическую

ситуацию в Англии на рубеже XVI–XVII вв.;

— рассмотреть учение сепаратизма — одного из течений английского радикального пуританизма, которое составило идейную базу конгрегации отцов-пилигримов;

— исследовать основные идеи и принципы английской колонизации, от туманных проектов времен королевы Елизаветы до колониальных описаний и хартий периода правления Якова I;

— изучить особенности правовых и экономических институтов, созданных для колонизации Америки;

— провести анализ взаимоотношений пилигримов в Новой Англии как с английскими колонистами, так и с коренными жителями;

Объектом исследования является английская колониальная политика в Северной Америке в первой четверти XVII в.

Предметом исследования диссертации является колония Новый Плимут, история ее основателей, особенности их религиозной доктрины, отношения колонистов с коренными жителями и метрополией и вклад Нового Плимута в освоение региона Новая Англия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Успех основателей Нового Плимута непосредственно связан с достижениям английских колонизаторов и пропагандистов освоения Нового Света. Пилигримы вовсе не стремились отгородиться от остального мира и были гармонично связаны с современными им общественными и политическими процессами. Сепаратисты понимали необходимость

компромисса и интеграции в существующую колониальную систему и подстраивали под нее свое религиозное учение.

2. Английская колонизация определялась англичанами как тройственный процесс завоевания, распространения христианства и торговли. Однако на практике успешно реализовать все три направления не удавалось. Миссионерская деятельность вовсе не заботила первых английских колонистов. Отцы-пилигримы в качестве движущей силы своего предприятия взяли именно миссионерский принцип, но их целью было не распространение христианства среди индейцев, а утверждение принципов пуританизма среди членов своей общины и других англичан, оказавшихся в Америке.

3. Отцы-пилигримы привнесли собственные нововведения в английскую колониальную политику. Ключевыми инструментами ранней колонизации были акционерные компании и королевские хартии, которые организовывали экспедиции и узаконивали завоевание новых земель. Однако эти институты не могли обеспечить контроль над колониями и оперативно реагировать на вызовы Нового Света. Отцы-пилигримы сыграли на слабости колониальных институтов и организовали Новый Плимут на принципах самоуправления и стремлении к автономии от метрополии.

4. Религиозные нормы пилигримов сыграли ключевую роль в успехе Нового Плимута. Методы управления колонией возникли благодаря соединению идеи божественного ковенанта, договора всей общины перед Богом, а также традиционных для английской колонизации хартий и

договоров.

5. Колониальной инновацией была и политика пилигримов в отношении коренных жителей. Колонисты Нового Плимута встроились в систему межплеменной дипломатии, добились заключения мирных договоров с вождями и поддерживали взаимовыгодное сотрудничество. Одновременно с этим, для того чтобы сплотить поселение и не допустить ассимиляции колонистов со стороны индейцев, пилигримы применяли насилие в случае конфликтов и намеренно представляли индейцев как экзотических, нечеловеческих существ, продолжая на практике с ними сотрудничать.

6. Путь пилигримов не был единственным вариантом реализации колониальной политики в регионе. Превращение Новой Англии в оплот радикального протестантизма произошло в результате долгой и планомерной борьбы с другими подходами к колонизации, носителями которых были английские дворяне и купцы из акционерных компаний. Сплоченность отцов-пилигримов, принятая ими система дисциплины помогла одержать победу в этой борьбе.

7. Предприятие пилигримов оказало значительное влияние на характер «Великого исхода» пуритан 1630-х гг. Именно успехи пилигримов повлияли на выбор места для «Великого исхода», а методы управления колонией и взаимоотношений с метрополией были повторены массачусетскими пуританами. Таким образом, масштаб предприятия пилигримов не повлиял на его важность для последующего развития Новой Англии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Первая глава посвящена изучению социально-экономической и политической ситуации в Англии рубежа XVI–XVII вв., широкому контексту английской Реформации, ее роли в возникновении различных течений пуританизма, в том числе религиозного сепаратизма. Немаловажную часть этой главы представляет анализ общины отцов-пилигримов, которая проделала путь от небольшой английской деревушки Скруби до города Лейдена в Голландии, где пилигримы приняли решение об участии в колониальном предприятии.

Во второй главе рассматривается, как формировалась риторика английской колониальной политики. Представляется важным узнать, какие люди определяли колониальную теорию и колониальную политику в конце XVI — начале XVII вв., благодаря каким институтам англичане проводили колонизацию и каких успехов они достигли к началу XVII в., когда к колонизации обратились пилигримы.

Третья глава посвящена опыту отцов-пилигримов в Новом Свете и реализации колониальной политики на практике. В центре внимания этой части исследования — заключение «договора на “Мэйфлауэр”», взаимоотношения с коренными жителями, акционерной компанией и конкурирующими поселениями. Нас также интересуют способы описания нового опыта, которыми пользовались отцы-пилигримы, их практика превращения методов объединения церковной общины в методы сплочения

колонии, а также взаимодействия Нового Плимута с носителями различных представлений о том, как должна проходить колонизация.

Теоретико-методологическая основа исследования. В основу диссертации положены принципы научной объективности и историзма, требующие применения научных подходов нескольких актуальных исторических школ.

Атлантический подход ставит своей задачей представить историю колонизации и развития американских колоний в непрерывной связи с историей метрополии. Эта концепция помогает проследить явные и косвенные связи, которые опутывали Атлантический мир, включавший не только европейские державы и американский континент, но и африканское побережье и острова Карибского бассейна¹. Этот мир был наполнен разнообразными колониальными проектами и торговыми предприятиями. Некоторые колонии и экспедиции, которые казались верным источником прибыли, оборачивались опасными авантюрами, а гораздо более скромные предприятия неожиданно показывали большую долговечность и эффективность.

В рамках атлантического подхода выделяют три основные концепции, различающиеся по своим масштабам и задачам². Циркуматлантическая (Circum-Atlantic) история занимается всей совокупностью связей, которые существуют между различными колониями, метрополией и другими

¹ *Greene J.P.* Transplanting Moments: Inheritance in the Formation of Early American Culture // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. 1991. Vol. 48., No. 2. P. 224–230.

² *The British Atlantic World, 1500–1800* / Ed. by Armitage D., Braddick M.J. Cambridge; New York, 2000. P. 16.

европейскими державами. Более локальный трансатлантический подход (Trans-Atlantic) рассматривает связи между двумя регионами или акторами.

Наконец, цизатлантический (Cis-Atlantic) подход заключается в изучении того, как отдельно взятая колония или группа колонистов испытывает на себе влияние глобального атлантического мира и в свою очередь меняет его. Именно этой концепции мы будем придерживаться, изучая отцов-пилигримов.

Нас интересует, как атлантический мир повлиял на рождение колонии пилигримов, как экономические, культурные и социальные силы в Европе и Америке сделали возникновение Нового Плимута возможным. В свою очередь, Новый Плимут оказал влияние на весь процесс колонизации Северной Америки после 1630-х гг., сформировав условия для переселения английских пуритан и для торговли с испанскими колониями, и для африканской работорговли³.

Другой методологический подход, определяющий наше исследование, относится к области имагологии⁴, изучению процесса саморепрезентации английских колонистов через противопоставления с другими народами. Создание собственного образа через фигуру «другого» многократно проявляется в английской колониальной политике, и пилигримы — лишь один из ранних и наиболее ярких примеров⁵.

³ *Bailyn B. The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955.. P. 8.*

⁴ *Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений: итоги и перспективы // Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010. С. 149.*

⁵ *Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge; New York, 2000..*

Имагология акцентирует внимание не только на этнических представлениях, но и на том, какую социальную роль несет разделение на своих и чужих, индейцев и англичан, на пуритан и сторонников церкви Англии и даже на пуритан-сепаратистов и другие течения протестантизма⁶.

Представления о «другом» крайне важны для собственной самоидентификации. Когда европейцы столкнулись с новизной американского континента, эта радикальная новизна заставила их пересмотреть многие привычные представления о собственном месте в мире и одновременно создать новые концепции и идеи, которые включали представления о божественном праве на завоевании Нового Света, о коренном отличии индейцев и африканцев от европейцев.

Основополагающее понятие имагологии — бинарное представление о своих и чужих. Формируя свой образ, отцы-пилигримы акцентировали внимание на отличиях, иногда религиозных, иногда националистических. Осознав себя как религиозную общину, отцы-пилигримы противопоставляли ее порокам англиканской церкви. В Голландии, активно интересуясь местной общественно-политической жизнью и колониальными проектами, пилигримы признавали себя англичанами, противопоставляя себя представителям других народов. В Новой Англии, уже внутри поселения, пилигримы разделяли чужаков (колонистов англикан) и членов общины, но соединяли эти две общности на основе противостояния с коренными жителями Америки.

⁶ Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений..

В исследовании были также использованы историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный методы анализа.

Историко-генетический метод, ориентированный на исследование динамических процессов, на выявление соотношения субъективного, личностного и объективных факторов исторического развития, позволил выявить основные причины переселения пилигримов сначала в Голландию, а затем и в Новую Англию. Он позволил показать причинно-следственные связи между общественными процессами в Англии и личными мотивами лидеров пилигримов и рядовых колонистов.

Историко-сравнительный метод, предполагающий раскрытие сущности изучаемых объектов, как по сходству, так и по различию свойств, послужили основным методологическим инструментарием при анализе различных колониальных теорий, специфики английского пуританизма и одного из его течений, сепаратизма, при сравнении различных колониальных проектов, таких как Новый Плимут и Мэрри-Маунт.

Историко-типологический метод позволяет упорядочить различные предметы изучения по качественно различным типам на основе определенных признаков. Таким образом, мы выявили общие черты английской колонизации, структуру сепаратистской общины и — в сочетании с методом моделирования — модель английской колониальной политики начала XVII в. Модель представляет собой абстрагированное выражение сущности объекта моделирования. Мы выстраиваем на основе общих черт и схожих структур усредненное, но максимально приближенное

к информации, существующей в источниках, представление о колониальном предприятии пилигримов, чтобы в дальнейшем эту модель можно было использовать для анализа других колоний.

Характеристика источников. Для анализа такого сложного явления, как колониальная политика, нам необходимы источники различного характера. Они относятся как к истории колонии отцов-пилигримов, так и к теологическим воззрениям, на которые опирались сепаратисты, а также к идеологии английского владычества в Северной Америке.

Особую важность представляют *публицистические источники*. По большей части информация о колониальных достижениях англичан, начиная с середины XVI столетия, распространялась именно через публицистическую литературу. Каковы же были особенности литературы, посвященной освоению новых земель, с точки зрения формы и содержания? Они вытекали из тех функций, которые несли в себе эти произведения, которые можно назвать если не по форме, то по содержанию, памфлетами⁷. С одной стороны, их целью было донести информацию о событиях в Новом Свете до большого количества людей, ведь от этого часто зависело будущее колонизационного проекта. Информация, почерпнутая из таких памфлетов, расходилась по всей стране и нередко использовалась вербовщиками для пропаганды среди потенциальных матросов и кабальных слуг. Акцент делался на риторике

⁷ Согласно распространенному определению, памфлет предполагает мягкую обложку, ограниченное количество страниц (не более 40) и публицистическое содержание. Книги XVII в. редко переплетались на этапе продажи, объем колониальной литературы зачастую составлял свыше 40 страниц, но ее содержание, злободневность и публицистический стиль говорят о родстве с памфлетами.

преодоления трудностей, на опровержении слухов о невзгодах и опасностях Нового Света.

Заглавие, вынесенное на обложку подобного произведения, могло состоять из нескольких десятков слов, набранных разным шрифтом, так как сама книга должна была служить рекламной брошюрой с полным изложением того, что в ней написано. Так, текст, называемый сейчас «Сообщением Морта»⁸ (название сократил опубликовавший его в 1736 г. Томас Принс), в 1622 г. вышел в Лондоне под названием «Сообщение или дневник об основании и о том, как идут дела у английской колонии, основанной в Плимуте, в Новой Англии, некими английскими путешественниками, торговцами и прочими. Включая трудности их путешествия по морю, благополучное прибытие, строительство и радостное поселение в хорошо защищенном теперь городе Новом Плимуте»⁹.

Другой целью публицистической литературы было добиться расположения у узкого круга заинтересованных лиц. Это могло быть связано с получением патента на земли, поиском финансирования новых экспедиций или поддержанием доверия у акционеров, вложивших деньги в предприятие в Новом Свете. Нередко из многочисленных вступлений и посвящений можно узнать, кому адресовался памфлет, хотя и здесь были свои трудности. В том же вступлении к «Сообщению Морта» легко затерялась фраза:

⁸ Winslow E. Mourt's Relation. (1622) / Ed. By. Dexter H.M. Boston, 1865.. Свое сокращенное название книга получила по имени редактора Морта. В работе использовалось репринтное издание 1865 г. с предисловием исследователя религиозного течения сепаратизма Генри Мартина Декстера.

⁹ Цит. по: Anderson D. William Bradford's Books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London, 2003. P. 33.

«Многоуважаемому другу, господину Д.П. Добрый друг, как мы не можем не принять во внимание благословение Бога, который привел нас в эту часть света.. так же мы рады тому, что нас стало больше и мы заслужили честь быть одобренными и допущенными к нашему владению под властью трижды благородных персон, председателя и Совета по делам Новой Англии, под чьей милостью и щедростью и от чьего имени мы все сплочены, чтобы служить им так, как только сможем; также под властью его величества, которому мы неимоверно обязаны...»¹⁰

Здесь все неслучайно. «Дорогой друг», скрытый под инициалами, — это Джон Пирс, один из купцов, финансировавших переселение пилигримов и формальный владелец патента на земли, где первоначально планировали селиться пилигримы. Обращение к Совету Новой Англии связано с тем, что совет выдал новую хартию и тем самым подтвердил законодательно существование колонии. Король упоминается третьим также неслучайно: совет действовал довольно рискованно, предоставляя хартию религиозным диссидентам, поэтому его следовало отблагодарить, прежде чем упомянуть короля, который лишь на словах обещал терпеть сепаратистов в Новой Англии.

Впрочем, конкретные цели памфлета могли быть еще более завуалированы. Они могли излагаться уже в самом тексте либо в виде размышлений, либо в комментариях, ремарках на боковых полях или в названиях глав. Часто эти трактаты содержали обвинения, направленные

¹⁰ Winslow E. Mourt's Relation. P. 35–36.

либо против конкретных недоброжелателей автора или колонии в целом, либо против тех, кто мог сомневаться в целесообразности предприятия или экспедиции. На такие обвинения чаще всего писались встречные памфлеты. Разгорались настоящие баталии: обвинительные письма и книги писали в Новом Свете, рукопись переправляли через океан и публиковали в Лондоне или Амстердаме, и тем самым вызывали новую волну публикаций. Причинами подобных споров могли быть как глубинные противоречия во взглядах авторов, так и конкуренция между колониальными предприятиями.

Наибольший интерес для нас представляют такие авторы, как сэр Уолтер Рэйли — придворный и путешественник, которого можно считать одним из первых теоретиков и практиков английской колонизации. Рэйли зародил у королевы Елизаветы и ее ближайшего окружения идею о возможности для англичан повторить успех католических держав, не вступая с ними в открытое противостояние¹¹. Он лично предпринял несколько экспедиций к берегам Северной Америки и даже попытался создать первое постоянное поселение на острове Роанок, недалеко от берегов Виргинии¹². Несмотря на неудачи, Рэйли снискал славу главного авторитета в вопросах освоения Нового Света среди англичан и в 1595 г. предпринял экспедицию, целью которой были поиски страны Эльдорадо¹³. Впервые авантюрист почерпнул эту легенду из испанской колониальной литературы, точно так же, как до этого благодаря ней узнал вполне реальные сведения о Северной

¹¹ *Raleigh W.* The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana. London, 1596.

¹² *Слезкин Л.Ю.* Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981. С. 34.

¹³ *Raleigh W.* Op. cit. Pref. xlvi.

Америке. Отчет Рэйли о путешествии в Гвиану содержит буквальные отсылки к работам испанских авторов. Он описывает реку Канури, населенную амазонками — именно так называется озеро, рядом с которым находится город женщин-воительниц у одного из испанских исследователей. Стоит ли пояснять, что и река, и озеро были плодами воображения¹⁴.

Теоретическое обоснование колонизации развивали кузены Хаклюйты, один из которых был адвокатом, а другой священником¹⁵. Наиболее плодовитым был младший, который собирал материалы об открытиях Нового Света и в 1590 г. издал масштабную «Книгу путешествий», а также писал проекты устройства будущих колоний и петиции к королеве. Он следовал за Рэйли в своих заимствованиях из работ испанцев и французов, но развивал колониальные теории с точки зрения протестантской теологии и островного английского патриотизма. Следует сказать, что на рубеже XVI–XVII вв. мало кто из английских авторов оказывался равнодушен к колониационным проектам, в том числе и Фрэнсис Бэкон, написавший важное эссе на эту тему, предлагая собственные, более рациональные способы организации колонии¹⁶.

Дело Хаклюйтов в начале XVII в. продолжил Сэмюэл Перчас, издав дополненное описание путешествий под названием «Хаклюйт: посмертное

¹⁴ Op. cit. P. 108.

¹⁵ *Hakluyt R.* The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation. London, 1589. *Hakluyt R.* A Discourse Concerning Western. London, 1584. Биографические данные также приводятся по изданию: *The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyt's* / Ed. by Taylor E.G.R. London, 1935.

¹⁶ *Bacon F.* Of plantations (1597) // *Essays*. Chicago, 1883.

издание...»¹⁷. В эту книгу вошли многочисленные описания географических открытий, совершенных англичанами, рассказы об экзотических землях, туземцах, способах организации колоний. Труд Перчаса стал популярен не только среди тех, кто интересовался колонизацией, но и в самых широких слоях населения в качестве развлекательного чтения.

Отправной точкой в источниках по Новой Англии является труд Джона Смита «Описание Новой Англии», вышедший в 1614 г.¹⁸. Авантюрист и путешественник Дж. Смит участвовал в бесчисленном количестве военных и торговых операций в Старом Свете и принимал непосредственное участие в основании Джеймстауна — первого постоянного поселения англичан в Виргинии. Свою славу он, однако, добыл, скорее, при помощи пера, а не шпаги. Смит вскоре после своей вынужденной отставки с поста руководителя Джеймстауна написал ряд памфлетов и автобиографических произведений, которые подогрели интерес к колонизации. «Описание Новой Англии» — важнейшее из них, плод долгого труда и предпринятой в 1614 г. экспедиции. Во время этой экспедиции была также составлена подробная карта, которая, вполне возможно, использовалась пилигримами¹⁹.

Наибольшая заслуга Смита заключается в том, что он одним из первых выдвинул идею о постоянном поселении в «Северной Виргинии» (Новой Англии), которая раньше рассматривалась только как база для

¹⁷ *Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others. Vols. 1–4. London, 1625.*

¹⁸ *Smith J. A Description of New England (1614). Boston, 1865.*

¹⁹ *Adair J. Founding Fathers: The Puritans in England and America. London, 1982. P. 120.*

ньюфаундлендских рыболовов. Проект Смита предполагал постепенное освоение региона посредством небольших факторий, которые со временем будут превращаться в самодостаточные форпосты английского влияния и в полной мере смогут использовать преимущества торговли рыбой²⁰. Эти идеи вдохновили многих, в том числе и купцов, спонсировавших пилигримов, чьи планы были связаны с рыбной ловлей.

«Описание Новой Англии» представляет собой настоящий гимн американскому континенту. Регион оказывается «лучшим местом для здоровья людей и плодородия растений: почва, которая способна дать любые злаки, фрукты или семена... умеренный климат и самая чистая вода... в недрах много железа для судостроительства, и вряд ли алхимик может вам сказать больше, чем знаю я»²¹.

Новая Англия, до того момента считавшаяся холодным и непригодным для жизни местом, предстает перед нами в рассказе Смита краем неограниченных возможностей для всех туда прибывающих. Под влиянием Джона Смита формировался образ Америки, которая могла решить все проблемы жителей Старого Света.

Важным произведением Смита является также изданная в 1624 г. книга «Общая история Виргинии, Новой Англии и Сомерских островов»²². В ней Смит собирает вместе разрозненные факты по истории освоения Северной Америки. В большинстве случаев он использует фрагменты собственных

²⁰ *Smith J.* A Description of New England. P. 28–29.

²¹ *Ibid.* P.10-37.

²² В кн.: *Travels and Works of Captain John Smith.* Vols. 1–3 | Ed. by Arber E. Edinburgh, 1910.

работ, однако в описании высадки пилигримов у мыса Код Джон Смит цитирует в качестве источников памфлеты отцов-пилигримов, опубликованные в 1622 и 1624 гг.²³ Смит не упоминает об этом заимствовании, между тем цитирует памфлеты практически дословно, прибегая к прямой речи и такой манере описания событий, будто он сам принимал в них участие²⁴.

Произведения пилигримов, изданные в 1620-е гг., могли отличаться стилистически от колониционных трактатов англикан, но цель у них была такая же, как у книг Рэйли, Хаклюйтов и Смита: привлечь в Новый Плимут людей и деньги, а также добиться расположения короля. «Сообщение Морта», повествующее о событиях в Новой Англии с 6 сентября 1620 г. по ноябрь 1621 г., явно было написано с целью как можно скорее отправить сведения в Европу. Фактически, это публикация фрагмента дневника, представляющего собой чистое повествование, лишенное какого-либо осмысления событий. Важнее всего то, что, несмотря на различия в некоторых деталях, канва «Сообщения» полностью совпадает с более поздней и подробной «Историей поселения в Плимуте». Дневник Эдварда Уинслоу (а именно он положен в основу этого памфлета) становится своеобразным ключом к труду губернатора Брэдфорда, благодаря минимальной дистанции между публикацией и описываемыми событиями.

Памфлет от другой публицистических работ отличает точность

²³ В компиляции использован памфлеты: *Winslow E. Mourt's Relation..* London, 1622; *Winslow E. Good Newes From New England.* London, 1624.

²⁴ *Travels and Works of Captain John Smith.* Vol. 3. P. 214–256.

наблюдений, особенно в тех случаях, когда Уинслоу был непосредственным очевидцем событий. Так, описание им первой разведывательной высадки пассажиров «Мэйфлауэр», в результате которой они впервые увидели индейцев и их поселения, сделано гораздо подробнее, чем во всех последующих источниках. Мы узнаем о том, что разведывательный отряд не только наткнулся на спрятанные запасы маиса и бобов, оставленные индейцами, но и нашел остатки форта, построенного европейцами²⁵.

Из «Сообщения» мы можем узнать и о других событиях, показавшихся будущим хронистам «малозначительными». Уинслоу пишет о спорах по поводу места для будущего поселения, об обстоятельствах договора с индейцами и экспедициях вглубь континента. Все эти события еще не обросли символическим значением, что было характерно для пуританских хроник. В памфлете в качестве приложения содержится небольшое публицистическое воззвание одного из членов лейденской общины Роберта Кашмена «Основания и размышления, касающиеся законности отъезда из Англии в Америку» (Reason and consideration touching the lawfulness of remouving out of England into the parts of America)²⁶. Кашмен прибыл в Новый Свет на год позже и не застал событий, упомянутых в памфлете. Он повествует о притеснениях, которым подвергались религиозные диссиденты в старой Англии, и благах американского континента для развития Реформации.

²⁵ Winslow E. Mourt's Relation. P. 48.

²⁶ Ibid. P. 143-154.

Другой памфлет — «Добрые вести из Новой Англии» — представляет собой гораздо более продуманное произведение²⁷. Он включает в себя два вступления публицистического характера, а дневниковая структура заменена более привычным для нас делением на главы. Уинслоу и его вероятный соавтор Брэдфорд продолжают скрупулезно пересказывать события тяжелых будней молодой колонии, сконцентрировав свое внимание на взаимоотношениях с индейцами, что было особенно актуально после виргинских событий 1622 г., когда коренные жители неожиданно напали на жителей Джеймстауна²⁸.

Нравоучительный характер — яркая черта этого памфлета. К 1624 г. дела Нового Плимута значительно улучшились, набирала обороты торговля с индейцами, исчезла угроза голода. На этом фоне погрязшая в раздорах Виргиния, опустошенная к тому же индейцами, была легкой мишенью для атаки. Одно из предисловий к «Добрым вестям» представляет собой перечисление пороков колониального правления, таких как недостаток дисциплины и благочестия или злоупотребления руководителями властью²⁹. Все это недвусмысленно намекает на бурную политическую жизнь Виргинии. Целью подобного заявления было представить Плимут более перспективным поселением и привлечь на свою сторону влиятельных людей в Старом Свете, что являлось насущной необходимостью для религиозных диссидентов, лишенных государственной поддержки.

²⁷ Winslow E. Good Newes From New England (1624). Amherst, 1996.

²⁸ Winslow E. Good Newes From New England P. 7.

²⁹ Ibid. P. 4.

Пилигримов тревожили и другие проблемы, которые нашли свое отражение в этом памфлете. Отношения между купцами-авантюристами³⁰ и колонистами к 1623 г. обострились до предела. Колония не приносила прямых прибылей, отчего на лидеров пилигримов постоянно сыпались обвинения и упреки. Наиболее предприимчивый из купцов Томас Уэстон попытался создать свое собственное доходное поселение, но потерпел неудачу, навлек на себя гнев индейцев и английских властей. «Добрые вести из Новой Англии» в этой связи играли роль оправдательного документа. Необходимо было доказать непричастность пилигримов к неудачам конкурирующей колонии и в то же время показать порочность практики купцов, для которых стремление к наживе было важнее, чем успех предприятия³¹.

Таким образом, в этом памфлете Уинслоу и Брэдфорд сумели совместить непосредственность повествования, характерную для дневников, с морализаторством и тенденциозностью, присущих пуританской литературе XVII–XVIII в. Пилигримы довольно быстро поняли, что для выживания колонии необходимы не только крепкие стены форта и торговля. Самое главное — вовремя послать в Англию хорошие новости. Они могли принести поселению влияние, деньги и колонистов.

Если говорить о восприятии проекта пилигримов в Англии и

³⁰ Так, согласно традиции, называют плимутских и лондонских торговцев, которые финансировали экспедицию пилигримов. Слово «авантюрист» (adventurer) в данном случае означало, что эти люди пускали свой капитал в оборот, принимали участие в предприятии.

³¹ Winslow E. Good Newes From New England. P. 28.

критическом взгляде на их колониальное предприятие, то совершенно необходимо упомянуть еще одного автора. Томас Мортон, доверенное лицо главы Совета Новой Англии Фердинандо Горджеса, был главным оппонентом сначала пилигримов, а затем и пуритан, как в Старом, так и в Новом Свете. Горджес создал поселение Мэрри-Маунт, которое с 1624 по 1628 гг. составляло серьезную экономическую и идеологическую конкуренцию Новому Плимуту.

В Англии в 1637 году Мортон издал проникнутую полемическим духом книгу «Новый Английский Ханаан», в которой обвинил сепаратистских лидеров Нового Плимута в жестоком обращении с индейцами и колонистами, пренебрежении королевскими указами, жадности и других преступлениях³². А главное, Мортон представил совершенно уникальное описание Новой Англии и свое особое видение колониальной политики, контрастирующее с идеологией пилигримов.

Датировка книги представляет определенные трудности. Известно, что Мортон завершил написание «Нового Английского Ханаана» в период с 1634 по 1637 гг., а название зарегистрировал даже раньше, в 1632 году, в «Книге регистрации издателей»³³. У Мортонa были высочайшие покровители, в том числе и среди тех, кто заведовал церковной цензурой. Тем не менее Мортон указал в книге, что она издана в Амстердаме, да еще и приписал имя

³² *Morton T. New English Canaan. London, 1637.* В диссертационном исследовании цитируется по изданию: *Morton T. New English Canaan: Text, Notes, Biography & Criticism / Ed. by J. Dempsey. Digital Scanning Inc. 2000.*

³³ *A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London: 1544-1640. London, 1877*

несуществующего издателя. Цензорам книга показалась очередной пуританской брошюрой, и они конфисковали тираж, который был выпущен в Англии с разрешения церковных иерархов. Чтобы получить тираж обратно, Мортон выпустил второе издание, которое маскировалось под первое, якобы изданное в 1632 г.³⁴

Основатель Мэрри-Маунта долгое время воспринимался как бунтовщик и разрушитель моральных устоев Новой Англии, контрабандист и чуть ли не разбойник. При этом его собственное произведение «Новый Английский Ханаан» и другие документы, относящиеся к Совету Новой Англии и его лидеру Фердинандо Горджесу, показывают, что намерения и масштабы деятельности Мортон были гораздо больше, чем проявления обычного бунта против традиционной иерархии.

Проект Мортон представлял не только коммерческую конкуренцию Плимуту, но иной взгляд на настоящее и будущее Новой Англии: «Чем больше я смотрел на эту землю, тем больше она мне нравилась», — пишет лидер Мэрри-Маунта вместо описаний холодов и невзгод, которым посвящены пуританские хроники³⁵. Уникальны и оценки коренных жителей, оставленные Мортоном: «Встретил я в Новом Свете два вида людей — христиан и язычников — и последние оказались гораздо лучше»³⁶.

Все эти памфлеты помогают лучше понять основной источник данной диссертации, **хронику** «История поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфорда.

³⁴ *Morton T. New English Canaan. P. xxx.*

³⁵ *Morton T. New English Canaan. P. 12*

³⁶ *Morton T. New English Canaan. P. 20*

Хотя жанровая атрибуция «Истории» сложна, мы выделяем ее в отдельную категорию. О ней мы говорим отдельно не только потому, что это основной источник диссертации и важное произведение американской и английской литературы, но и из-за жанровых особенностей: «История» одновременно и исторический трактат, повлиявший на всю американскую историографию пилигримов, и, отчасти, религиозное произведение о торжестве Реформации в Америке и Англии, а также оригинальное колониальное описание. Брэдфорд уникален в своем «простом и ясном» стиле изложения, реалистичном и даже пессимистическом взгляде на колонизацию, подробными сведениями и цитированием документов и писем. Книга Брэдфорда послужила образцом для жанра пуританской хроники, который развивали такие авторы, как секретарь Брэдфорда Натаниэль Мортон и пуританский интеллектual Коттон Мезер³⁷.

Следует более подробно остановиться на личности автора. Примкнув еще в юности к общине сепаратистов в Скруби, он разделил все радости и горести этого сообщества. Во многом «История поселения в Плимуте» — автобиографическая книга. Брэдфорд родился около 1590 г., в раннем возрасте потерял отца и был отдан на попечение родственников, в конце концов действительно воспитывался в семье лидера общины пилигримов Уильяма Брюстера. Трудно сказать, когда Брэдфорд стал принимать непосредственное участие в руководстве общиной. Отстраненный стиль

³⁷ *Morton N.* New England Memoriall. Cambridge (Mass.), 1669; *Mather C.* Magnalia Christi Americana: Or, The Ecclesiastical History of New England. Boston, 1702.

изложения губернатора не дает возможности понять, кто стоял за решением конгрегации переехать в Новый Свет или кто именно был автором договора на «Мэйфлауэр».

Одно совершенно очевидно: к моменту прибытия в Америку у Брэдфорда было достаточно влияния для того, чтобы после смерти Джона Карвера, назначенного губернатором еще до основания поселения, быть избранным на эту ответственную должность и сохранять рычаги управления колонией на протяжении более чем 30 лет.

История публикации книги губернатора крайне необычна. Свою летопись Брэдфорд начал писать в 1630 г., но закончил ее лишь к началу 1650-х гг. До XIX в. книга, полностью готовая к публикации, хранилась в семье Брэдфордов как семейная реликвия. Впрочем, даже тогда эта рукопись оказывала влияние на американское историописание.

Первым к ней обратился секретарь губернатора Натаниэль Мортон, для создания своей компиляционной работы «Летопись Новой Англии» в 1669 году³⁸. Летопись охватывает почти полувековой период истории колонии, при этом канва, концепция и даже наиболее важные пассажи фактически взяты из «Истории» Брэдфорда. Мортон не скрывал того, что пользовался книгой губернатора как источником для своей собственной работы. В то же время он и не способствовал публикации оригинального труда.

Возможно, это было связано с волей потомков Брэдфорда, возможно, с

³⁸ Morton N. New England's Memorial (1669). Boston, 1826.

другими обстоятельствами, нам неизвестными, но на протяжении XVIII в. «История поселения в Плимуте» так и не была опубликована, оставаясь при этом важнейшим источником по ранней колониальной истории. Преподобный Томас Принс в 1736 г. при написании «Хронологической истории Новой Англии»³⁹ почти без изменений перенес в свою работу более десяти страниц из хроники пилигримов⁴⁰. Позднее, в 1767 г. Томас Хатчинсон активно использовал ее для своей «Истории Массачусетса»⁴¹.

Как бы то ни было, Хатчинсон был последним, кто успел воспользоваться манускриптом до начала Войны за независимость. Церковь, в которой хранился труд Брэдфорда и другие литературные сокровища ранней колониальной истории, была разграблена англичанами и использовалась в качестве школы верховой езды. К началу XIX в. часть документов была возвращена, в том числе и дневниковые записи губернатора, которые давали массачусетским антикварам основания полагать, что «История поселения» действительно существовала, но дневники не могли возместить утраты бесценной рукописи.

Лишь в 1840 г. доктор Александр Янг сделал первые шаги для того, чтобы восстановить утраченную «Историю» пилигримов. Посетив в конце 1830-х гг. хранилище возвращенных документов, он, используя сравнительный метод, доказал, что одна из рукописей, которая ранее

³⁹ *Prince T.* A Chronological History of New-England in the Form of Annals. Boston, 1736.

⁴⁰ *Young A.* Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. Massachusetts, 1844. P. vi.

⁴¹ *Hutchinson T.* The History of Massachusetts: From the First Settlement Thereof in 1628 Until the Year 1750. Salem, 1764.

считалась черновиком или ранним вариантом работы Натаниэля Мортонa, в действительности является переписанным рукой Мортонa отрывком из «Истории поселения в Плимуте». Окончательно сомнения доктора Янга рассеялись, когда он нашел на полях рукописи пометку о том, что этот текст изначально был написан губернатором Нового Плимута — Брэдфордом⁴².

Опубликованный в 1841 г. в «Хронике» Янга отрывок⁴³ не мог заменить пропавшую рукопись, но благодаря его работе в научный оборот был введен текст с точно установленным авторством Брэдфорда. Используя эту информацию, преподобный Джон Барри в 1855 г. сделал другое открытие. Он узнал в недавно вышедшей «Истории протестантской епископальной церкви в Америке» архиепископа Оксфорда Сэмуэля выдержки из хроники Брэдфорда. Источником этих отрывков значились вовсе не работы Мортонa, Принса или Хатчинсона, а некая «История поселения в Плимуте из Фулхэмской библиотеки». Под этим названием скрывался оригинальный манускрипт.

Совместные изыскания Джона Барри и Чарльза Дина и несколько месяцев переписки с епископом позволили Массачусетскому историческому обществу в 1856 г. сделать копию «Истории Поселения» и впервые издать ее

⁴² *Young A. Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. Massachusetts, 1844.. P. vi.*

⁴³ Книга представляет собой не только фрагмент книги Брэдфорда, но это сборник, составленный из нескольких документов, обнаруженных и опубликованных Янгом. Большую ценность имеют и другие документы этого сборника. В частности, подробный дневник Брэдфорда и Уинслоу о первых годах пребывания в Новом Свете, который является прототипом памфлета «Сообщение Морта». Также Янг опубликовал и другие небольшие произведения: работу Уинслоу «Добрые вести из Новой Англии», письмо Роберта Кэшмена — друга и торгового партнера пилигримов, произведение Уинслоу 1646 г. «Краткое изложение истинных событий первого поселения в Новой Англии».

в Америке, в качестве оригинальной работы. Сам манускрипт, впрочем, попал в Соединенные Штаты лишь в 1897 г., после долгих переговоров с англиканской церковью. С него было сделано издание 1908 г., ставшее классическим в наши дни и послужившее основой для всех последующих изданий и переводов, в том числе перевода «Истории поселения в Плимуте» на русский язык⁴⁴.

Появление во второй половине XIX в. столь важного источника дало мощный толчок изучению ранней колониальной истории. Было найдено недостающее звено — работа, которая в глазах исследователей того времени могла создать надежную систему координат в разрозненном массиве текстов XVII в. Критический анализ произведения губернатора Плимута, впрочем, должен был стать уделом историков XX столетия. Фактически работа Брэдфорда продолжила выполнять свою миссию по мифологизации ранней американской истории. Однако «История поселения в Плимуте» дает нам такое количество информации, что без нее невозможно изучение экономической и религиозной жизни пилигримов.

Формально «Историю поселения» можно отнести к жанру пуританской хроники, однако она обладает рядом особенностей. Стремление следовать наиболее прославленным образцам протестантской литературы своего времени, знакомство с идеями Жана Бодэна⁴⁵ и влияние литературы о колонизации привели Брэдфорда к созданию уникального произведения —

⁴⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М., 1987.

⁴⁵ Подробнее в: *Anderson D.* William Bradford's Books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London, 2003.

исторической хроники, которая в эпоху «всемирных историй» и всеобъемлющих трактатов обо всем на свете описывает жизнь и быт крошечной общины. Более того, эта община вводится в контекст Большой истории.

В начале своей рукописи Брэдфорд пишет о развитии протестантизма в Англии, королевских репрессиях, религиозных диспутах и тех событиях, которые подготовили свержение монархии Стюартов и «падение епископов со всеми их судами, канонами и обрядами»⁴⁶. Автор стремится показать переселение конгрегации в Голландию, а затем в Новую Англию в качестве подвига во имя спасения и утверждения истинной веры во всех английских владениях.

Манера изложения фактов в «Истории поселения» намеренно аскетична и лишена многих характерных черт барочной литературы того времени. В отличие от произведений Джона Смита, повествование ведется от третьего лица. Брэдфорд не только не упоминает о том, что он сам является участником событий, но даже опускает некоторые события личного характера, такие как смерть первой жены или пышная свадьба с участием индейского вождя, на которую он был приглашен.

Согласно кальвинистским представлениям, природа и история — лишь декорации, через которые Бог обращается к человеку посредством знамений. Событие имеет значение не само по себе, а потому, что оно может сказать о моральных качествах того или иного человека или что оно говорит о его

⁴⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 28.

религиозной общине. Последнее для Брэдфорда гораздо важнее,. Природа, пока к ней не приложен труд человека, бессмысленна и даже греховна, а коренные жители, скорее всего, прокляты и в любом случае не интересны сами по себе. Дискуссии, споры, проявления героизма или прегрешения — главное, что волнует историографа отцов-пилигримов, потому что только это имеет для него высшее значение⁴⁷.

Описание событий у Брэдфорда всегда схематично, рассуждения о дурном поведении и человеческих пороках, напротив, изобилуют деталями. Так, рассказ о противостоянии с Муртоном занимает полторы страницы, из которых мы почти ничего не знаем о том, что же происходило, когда Мэрри-Маунт и Плимут еще не начали враждовать. Когда же Брэдфорд описывает торговлю оружием с индейцами или расточительные празднества, то его воображение распаляется, рассказ становится пространным. Грех гораздо более привлекателен для описания, чем событие.

Губернатор Нового Плимута стремился проводить ясные параллели между библейской историей и историей своей общины. Факты, которые излагает Брэдфорд, в понимании радикальных протестантов XVII в. являлись не только описанием событий современной им истории, но и отражением библейских событий. Факты имеют значение не столько сами по себе, сколько в контексте духовной борьбы общины пилигримов.

Однако композиция книги и привлечение Брэдфордом дополнительных

⁴⁷ *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625. Oxford, 1988. P. 60.

источников, главным образом писем, делает его самобытным и глубоким автором, не лишенным проницательности и глубины. Из «Истории поселения» можно узнать тексты всех основных договоров, которым Плимут обязан своим существованием, перипетии переселения в Голландию и Новый Свет, а также, что важно, уникальные данные о зарождении сепаратизма в самой Англии. В конце книги нашлось место для нескольких публицистических памфлетов Брэдфорда. Это — «Воспоминания о старейшине Брюстере», написанные в форме некролога, и «Диалог между юношей, рожденным в Новой Англии, и пожилым человеком, приплывшим из Голландии и старой Англии», в котором излагаются воззрения Брэдфорда на изменения, что произошли с колонией и сепаратистской общиной с момента ее основания⁴⁸.

Теологические произведения сепаратистов крайне важны для понимания доктрины пилигримов, целей конгрегации в Англии, Голландии и Новой Англии, взаимоотношений внутри общины, в том числе относящихся к финансовой и правовой сфере. Более того, учение о божественном ковенанте, предопределении и церковной дисциплине повлияло и на принятие решения о переселении сначала в Голландию, а затем и в Новую Англию.

Оправдывая свое название, сепаратисты выстраивали жизнь общины так, чтобы как можно меньше соприкасаться с официальными институтами

⁴⁸ Оба произведения приведены отдельно в книге Янга. См.: *Young A. Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. Massachusetts, 1844. P. 414, 459.*

для принятия важнейших решений. Пасторы, заявлявшие об отделении от англиканства, должны были создать взамен старой церкви и старых социальных связей новую церковную и общественную жизнь с проработанными ритуалами, правилами и нормами поведения. Для сепаратистских теологов, как будет показано в первой главе, важнейшей проблемой была церковная дисциплина, которая не просто регулировала религиозную жизнь, но пронизывала все сферы человеческого существования.

Пастор пилигримов Джон Робинсон в своих многочисленных работах не только развивал протестантскую теологию, но и устанавливал принципы такой дисциплины, в том числе практические наставления о воспитании детей, устройстве гражданского управления, решении споров, построении крепкого общества. Эти размышления появляются уже в первой его работе «Обоснование отделения от церкви Англии» 1610 г., где он в радикальной форме отвергает англиканскую церковь и отстаивает принципы другой, более совершенной, с его точки зрения, формы религиозной жизни⁴⁹.

Важным, однако, представляется то, что произведения Робинсона, которые поначалу были нападками на устои англиканства, постепенно меняли свою интонацию. Сепаратистам-изгнанникам вдали от своих противников в Англии предстояло построить новую жизнь, и именно ее обсуждение, споры с другими пасторами диссидентских церквей стали

⁴⁹ *Robinson J.* Justification of Separation from the Church of England. Amsterdam, 1610..Нами также использовался сборник: *The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vols 1–3.* London, 1851.

занимать Робинсона. К середине 1610-х гг., когда его община приняла решение о переселении из Голландии в Новый Свет, теология Робинсона становится более миролюбивой по отношению к англиканам, менее радикальной и более склонной к компромиссам.

Трактат «О религиозном исповедании» предполагает создание общества, где сепаратисты и англикане могли бы жить вместе и совершать совместные молитвы⁵⁰. Робинсон излагает эти идеи в работе «О допустимости посещения службы английской церкви»⁵¹. Изменения в теологии были вызваны, с одной стороны, насущной необходимостью подготовить паству к жизни в Новом Свете с колонистами-англиканами, с другой — были реакцией на чрезмерный радикализм иных сепаратистских общин, которые раздирали схизмы и противоречия на теологической почве.

На фоне растущей религиозной нетерпимости и подозрительности слова Робинсона звучали неожиданно примиряюще: «Не может не быть законным среди членов различных церквей общаться в делах праведных и правильно совершаемых <...> и мы не должны отвергать в церквях то, что в них хорошо, только потому, что в них есть плохое. <...> Это ясно дано нам в деяниях пророков и самого Христа, которые посещали еврейскую церковь, и деяниях апостолов в первых церквях, где было много видимых свидетельств злоупотреблений»⁵².

Помимо работ Робинсона мы использовали фрагмент из сочинений

⁵⁰ *Robinson J.* Of Religious Communion, Private and Public. Leiden, 1614.

⁵¹ *The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers.* Vol. 3. P. 353.

⁵² *The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers.* Vol. 3. P. 358.

Джона Смита — сепаратистского теолога⁵³, с которым полемизировал пастор пилигримов, а также материалы из сборника Генри Мартина Декстера «Конгрегационализм за последние 300 лет, через его тексты»⁵⁴. Также дополнительную информацию удалось получить из сборников так называемых ересиографий, англиканских книг, в которых подробно разбирались различные пуританские течения. Целью этих произведений была каталогизация ошибок и заблуждений пуритан. Количество течений и сект делало проблематичными попытки церковных иерархов противостоять ереси, и эти каталоги должны были исправить ситуацию и представить подробный анализ маргинальных учений. Этот анализ был по большей части негативным, но давал представление о разнообразии религиозных взглядов в стюартовской Англии и о том, как нормы сепаратизма воспринимались его противниками⁵⁵. Такова, например, общая характеристика сепаратистов, где в утрированной форме представлены те проблемы, с которыми действительно сталкивались эти религиозные диссиденты: «Они называют себя сепаратистами по той причине, что они отделяют себя от церкви Англии, но также по причине, что они отделяются друг от друга. <...> Это отделение сочетается с исключением из церкви и обречением сыном родного отца или братом родного брата на адские муки»⁵⁶.

⁵³ *Smith J.* Principles and Inferences Concerning the Visible Church. Amsterdam, 1607; *Smith J.* The Differences of the Churches of the Seperation. Amsterdam, 1612.

⁵⁴ *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature New York, 1880.

⁵⁵ *Edwards T.* Gangraena: or A catalogue and discovery of many of the errours, heresies, blasphemies and pernicious practices of the sectaries of this time. London, 1646. *Pagitt E.* Heresiography; or a Description of the Hereticks and Sectaries of These Latter Times. London, 1645.

⁵⁶ *Pagitt E.* Heresiography. P. 46.

Эпистолярные источники, касающиеся пилигримов в интересующий нас период, немногочисленны. Самые значимые письма, как уже было сказано, можно найти в «Истории» Брэдфорда, но мы привлекли и дополнительные источники. Интерес представляют письма с описаниями Нового Плимута, сделанные тремя совершенно разными людьми в период с 1623 по 1625 годы. Это: отчеты секретаря губернатора Виргинии Джона Пори, письма агента компании купцов-авантюристов Эммануэля Альтама и описание голландца Исаака де Разьера⁵⁷. Эти источники сообщают о событиях, которые Уинслоу и Брэдфорд посчитали малозначительными или даже нежелательными для упоминания, таких как пожар 1622 г., когда сгорели многие постройки в поселении, или личные подробности из жизни Брэдфорда, которые он обычно опускал в своей «Истории», такие как его свадьба. Однако эти письма не меняют принципиально сложившуюся картину о состоянии колонии в ранний период. Важной представляется публикация писем Уильяма Брэдфорда губернатору Массачусетса Джону Уинтропу, хотя они охватывают период с 1631 г.⁵⁸ Они содержат сведения о тесных контактах между поселениями, развитии региона, совместной борьбе с внешними угрозами, обмене мнениями касательно решений спорных ситуаций.

Наш обзор доступных **источников официального характера** следует

⁵⁷ Three Visitors to the Early Plymouth (1963). Amherst, 1997.

⁵⁸ Letters of William Bradford to Governor John Winthrop // MayflowerHistory.com [Сайт] URL: <http://static.squarespace.com/static/50a02efce4b046b42952af27/t/50a93e49e4b0726ad3f13611/1353268809648/LettersofBradfordToWinthrop.pdf> (дата обращения: 09.09.2014).

начать со сборника решений церковных судов из электронного архива Ноттингемского архиепископства⁵⁹. Мы можем узнать о примерной численности общины, социальном и экономическом положении ее лидеров, получить представление об обвинениях, которым подвергались сепаратисты в Англии, штрафах, которые им необходимо было платить. Заседания церковных судов говорят о тех мерах, которые англиканские церковные иерархи применяли для борьбы с различными пуританскими течениями.

Поиск и издание документов, связанных с английским и голландским периодами жизни отцов-пилигримов, были предприняты на рубеже XIX–XX вв. Генри Мартином Декстером — любителем старины и исследователем сепаратизма⁶⁰. Итогом этой работы стала книга «Англия и Голландия пилигримов», отредактированная его сыном Муртоном Декстером⁶¹. Это не только одна из самых блестящих монографий о европейском наследии отцов-пилигримов, но и важный источник по этой теме. По ходу повествования приводятся уникальные городские архивы Амстердама и Лейдена, личная переписка, выдержки из теологических сочинений и разнообразные факты из жизни других сепаратистских общин. Документы, относящиеся к Голландии, наиболее подробны, так как пилигримы оставили

⁵⁹ The University of Nottingham's Manuscripts and Special Collections. Nonconformist church records [Электронный ресурс] // The University of Nottingham [Сайт] URL: <http://www.nottingham.ac.uk/manuscriptsandspecialcollections/collectionsindepth/non-conformistchurches/introduction.aspx> (дата обращения: 09.09.2014).

⁶⁰ Еще двумя антологиями, где цитируются уникальные документы официального характера, стали труды Эдварда Арбера и Александра Янга. См.: *Arber E. The Story of Pilgrim Fathers*. Boston, 1897; *Young A. Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625*. Massachusetts, 1844.

⁶¹ *Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims*. Boston, 1905. P. 411–593.

после себя записи о приобретении домов и издательском деле лидера общины старейшины Брюстера. Эти материалы свидетельствуют о жизни английских изгнанников в Амстердаме и Лейдене, об их вовлеченности в экономическую жизнь и университетских спорах этой страны⁶².

Сведения о переселении пилигримов в Новую Англию содержатся в материалах, предоставленных сайтом <http://mayflowerhistory.com>. Здесь можно найти список колонистов, отправившихся на корабле «Мэйфлауэр»⁶³, инвентарную опись корабля⁶⁴, оригинальный патент Джона Пирса⁶⁵. Эти сведения при сопоставлении с фактами из хроники Брэдфорда и изысканиями Мартина Декстера дают достаточно точную картину численности и материальных ресурсов колонистов.

Самые ранние судебные записи Нового Плимута относятся к 1623 г., они фиксируют разделение земли и противоречия, которые возникали между сепаратистами и остальными колонистами, однако они мало говорят об особенностях колониального предприятия. Мы располагаем изданием 1861 г., которое было сделано с рукописного манускрипта свода законов, написанного, очевидно, секретарем губернатора Брэдфорда Натаниэлем Мортонем (впоследствии губернатором поселения), а отчасти Эдвардом

⁶² *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905. P. 312–401.

⁶³ Plymouth Probate Records of Mayflower Passengers [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт]. URL: <http://mayflowerhistory.com/probate-records> (дата обращения: 09.09.2014).

⁶⁴ Probate Inventory of the Mayflower (1624) [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт] URL: <http://mayflowerhistory.com/probate-inventory-of-the-mayflower> (дата обращения: 09.09.2014).

⁶⁵ Peirce Patent of 1621 [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт] URL: <http://mayflowerhistory.com/pierce-patent> (дата обращения: 09.09.2014).

Уинслоу, доверенным лицом губернатора⁶⁶. Важность представляет для нас публикация в этом сборнике договоров с индейцами. Существуют и церковные записи, но они не позволяют судить о чем-то большем, чем точное количество умерших и родившихся колонистов⁶⁷.

Для лучшего понимания работы этих колониальных институтов мы использовали сборники документов и отчетов акционерных компаний⁶⁸. В первую очередь нас интересует издание «Договоры, хартии и законы колонии Новый Плимут» 1836 г.⁶⁹ В нем собраны все земельные хартии и правовые документы, касающиеся устройства колонии, начиная с важнейшей для нас — королевской хартии 1620 г. о создании Совета Новой Англии. В этом пространным документе детально перечисляются границы территорий, которые подпадают под действие патента, состав совета, обязанности матросов, капитанов, колонистов, членов совета, купцов и всех, кто может быть задействован в колониальном предприятии. Именно этот документ, а также последующие хартии и акты, выпущенные на его основе, определили те рамки, которые королевская власть поставила перед пилигримами и купцами, что финансировали их предприятие.

Другие хартии, связанные с первой колонией Роанок, а также

⁶⁶ Records of the Colony of New Plymouth. 1623–1682 / Ed. by Pulsifer D. Boston, 1968.

⁶⁷ Plymouth Church Records, 1620-1859. Plymouth, 1920.

⁶⁸ The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies. London, 1910; Records of the Council For New England 1622–1638. Cambridge, 1867. Gorges F. The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth: Together with the Charter of the Council at Plymouth, and an Appendix, Containing the Articles of Confederation of the United Colonies of New England, and Other Valuable Documents: Published Agreeably to a Resolve, Passed April 5, 1836.

⁶⁹ Gorges F. The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth. 6.

Виргинией, Гвианой, Провиденсом и Массачусетсом, собраны в масштабный том «Календарь государственных бумаг: Колониальная серия»⁷⁰. Он включает в себя не только хартии, но и отчеты о заседаниях парламента, официальные ноты губернаторам и множество других документов, однако именно королевские хартии представляют для нас наибольший интерес.

Подводя итог анализу источников, мы можем утверждать, что главную проблему, нехватку документов официального характера, компенсирует обилие публицистической литературы, теологических трактатов и выдержек из деловой переписки, которая является составной частью хроники Брэдфорда.

Историографический обзор

Сама по себе литература о пилигримах огромна, тем не менее мы не могли ограничиваться только работами, посвященными истории Нового Плимута. Необходима более широкая перспектива, которую могут предоставить различные монографии и статьи, посвященные идеологии колонизации и становлению английских владений в Америке, социально-экономическим причинам миграции англичан в Новый Свет, идеям пуританизма и сепаратизма, акционерным компаниям, осуществлявшим колонизацию, коренным жителям Новой Англии. Только благодаря широкой перспективе можно оценить все особенности

⁷⁰ Calendar of State Papers, Colonial Series: America & West Indies 1574–1660 / Ed. by W.N. Sainsbury, Sir J.W. Fortescue. London, 1860.

колониальной политики пилигримов, понять на их примере, каким образом европейцы воспринимали Новый Свет, могли противостоять непредвиденным ситуациям и достигать результатов.

Интерес к предприятию отцов-пилигримов в разные периоды американской истории был различен. Можно говорить об определенных циклах, которые влекли за собой возобновление или угасание внимания исследователей и общественности к их наследию. В конце XVII в., после той информационной волны, которую вызвали памфлеты и письма основателей Нового Плимута и «Летопись Новой Англии» Натаниэля Мортон⁷¹, включение этого региона в культурный ареал Массачусетса привело к забвению пилигримов. Плимут был маленькой колонией, утратившей свою независимость, и в центре внимания оказались события «Великого исхода» пуритан 1630-х гг., чему способствовали произведения таких авторов, как губернатор Массачусетса Джон Уинтроп и Коттон Мезер, один из самых плодовитых пуританских историков и публицистов рубежа XVII–XVIII в.

После «Славной революции» (1688–1689 гг.) религиозный протест пилигримов был неудобен и замалчивался. Томас Хатчинсон, будучи лидером лоялистов в Войне за независимость, гораздо больше подчеркивал тот факт, что отцы-пилигримы действовали с разрешения короля, чем то, что они бежали в Новый Свет от религиозных преследований, или то, что они были первыми, кто учредил самоуправление в английских колониях,

⁷¹ *Morton N.* New England's Memorial (1669). Boston, 1826.

подписав договор на «Мэйфлауэр»⁷².

Но все изменилось на рубеже XVIII–XIX вв. Отцам-основателям независимого американского государства был интересен именно этот «гражданский» аспект истории Нового Плимута. Джеймс Уилсон и Джон Адамс⁷³ возродили интерес к пилигримам (в том числе учредив празднование Дня праотцов-пилигримов с 22 декабря 1769 г.⁷⁴) и представили их в качестве основоположников американской конституции, которая, по их мнению, начала формироваться еще в начале XVII в.⁷⁵ Это привело к формированию мифа об отцах-пилигримах как гордых диссидентах, которые отринули тиранию Старого Света и отправились в Америку, чтобы создать новое, более совершенное общество. Соответственно, и отдельные участники предприятия пилигримов и их колония в целом удостоились в XIX в. повышенного внимания.

В XIX в. можно выделить два направления, в рамках которых происходила разработка проблематики пилигримов. Первое направление сконцентрировалось на написании биографий. Авторы, которых можно сюда отнести, чаще всего историки-любители или краеведы. Господствующим

⁷² По мнению Хатчинсона, «договор на “Мэйфлауэр”» был вынужденной необходимостью, связанной с тяжелым положением пассажиров и тем фактом, что «английские законы не могли им помочь в сложившейся ситуации». См.: *Hutchinson T. The History of the Colony and Province of Massachusetts— Bay (1764–69) / Ed. by L. Shaw Mayo. Vols 1–3 (1936). Cambridge (Mass.), 1970. P. 350, 354.*

⁷³ Уилсон Джеймс — государственный деятель, один из создателей конституции США. Адамс Джон — второй президент США, дипломат, писатель, один из отцов-основателей Соединенных Штатов.

⁷⁴ До этого момента праздник отмечался нерегулярно. Первоначально его праздновали только жители Нового Плимута. Бостон и другие города Массачусетса присоединились к празднованию лишь в 1797 г.

⁷⁵ *Sargent M.L. The Conservative Covenant: The Rise of the Mayflower Compact in American Myth // The New England Quarterly. 1988. Vol. 61. No. 2 P. 233–251.*

слоям Новой Англии было крайне важно подчеркнуть знатность и древность происхождения, вот почему подобные изыскания имели целью не один только праздный интерес. Авторы не писали чистую биографию, но включали «всеобщую» историю в рамки биографического очерка⁷⁶.

Другой подход к изучению проблематики пилигримов в XIX в. можно назвать «публицистическим» — история пилигримов была лишь фоном для политических или философских размышлений. Так, Чарльз Фрэнсис Адамс в 1895 г. написал работу с многообещающим названием «Массачусетс: его историки и история»⁷⁷. Но вместо анализа интеллектуальной жизни колонии мы можем прочесть о поступательном развитии гражданских свобод, толерантности и демократии в Америке⁷⁸. Местом рождения всех этих достижений цивилизации, по мнению автора, является Массачусетс.

На страницах монографий все действия пилигримов были проникнуты осознанием важности выпавшей им миссии, которая заключалась в том, чтобы «заложить основу или сделать к тому первые шаги»⁷⁹ для распространения христианства. То, что миссионерские устремления основателей Нового Плимута по большей части оставались только декларацией о намерениях, в расчет не принималось. Крайне слабо исследователи XIX в. представляли себе связь между английским обществом XVII в. и основателями Нового Плимута вне контекста борьбы за

⁷⁶ См., например: *Steele A.* Chief of the Pilgrim. Philadelphia, 1956; *Hunter J.* The Founders of New Plymouth. London, 1854. И более современное произведение: *Jenkins T.* Captain Myles Standish. Boston, 1905.

⁷⁷ *Adams Ch.F.* Massachusetts: Its Historians and Its history. Boston, 1895.

⁷⁸ *Ibid.* P. 4–7.

⁷⁹ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. М., 1987. С. 40.

утверждение протестантизма. Но именно в этот период было найдено или заново открыто большое количество источников, которые в конце концов пролили свет на историю сепаратизма и колонизации Новой Англии.

К концу XIX в. в процессе изучения наследия раннего колониального периода в американской историографии сформировалась так называемая имперская школа. Если авторы-публицисты XIX в. настаивали на исключительности американского опыта, то сторонники имперского подхода, которые зачастую могли найти информацию о раннем периоде американской истории лишь в европейских архивах, настаивали на том, что колонии были в первую очередь частью английской культуры. Они считали, что для изучения возникновения США необходимо рассматривать единый опыт англичан и американцев.

Яркими представителями этой школы были Мартин Декстер и Эдвард Арбер⁸⁰, и именно благодаря их изысканиям в европейских архивах нам доступны многие источники. Эти авторы редко высказывали свое мнение напрямую, предпочитая обширные выдержки из архивов и писем осмыслению колониальной истории. Но представляется очевидным, что для них ключ к пониманию пилигримов и специфика массачусетской истории заключались в уникальном опыте конгрегационализма⁸¹ и пуританизма, а также особенности жизни религиозных диссидентов в Голландии⁸².

⁸⁰ *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897; *Dexter H.M.*; *Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905.

⁸¹ *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature New York, 1880.

⁸² *Powicke F.J.* Henry Barrow, Separatist and the Exiled Church of Amsterdam. London, 1900.

Самым ярким и известным представителем имперской школы был Генри Осгуд⁸³. Согласно его концепции общие настроения английского общества, совместные усилия многих купцов, придворных, пропагандистов колонизации, моряков и матросов сделали возможным освоение Нового Света, а не индивидуальные успехи пилигримов или авантюристов, вроде Рэйли или Дж. Смита. Более того, происхождение большинства колониальных общественно-политических институтов Осгуд видит в акционерных компаниях, которые создавались англичанами⁸⁴. Джеймс Траслоу Адамс в книге «Основание Новой Англии» 1921 г. развивает идеи Осгуда и пишет о деятельности монопольных торговых компаний, отводя им не меньшую роль в деле колонизации, чем религиозности пилигримов⁸⁵. Тем не менее работы этих ученых чрезмерно акцентировали внимание на законодательных и финансовых документах, отчего многие другие особенности колоний, в первую очередь религиозные, оставались без внимания.

Непосредственный интерес для нашей работы представляет книга Артура Персиваля Ньютона «Колонизационная активность английских пуритан»⁸⁶. Работа 1914 г. посвящена пуританской колонии на Бермудах — Провиденсу, ее истории и закату. Фактически это история акционерной компании купцов-авантюристов, схожей с той, что спонсировала

⁸³ *Osgood H.L.* The American Colonies in Seventeenth Century. Vols 1–3. New York, 1904–1907.

⁸⁴ *Osgood H.L.* The Corporation as a Form of Colonial Government // *Political Science Quarterly*. 1896. Vol. 11. No. 2..

⁸⁵ *Adams J.T.* The Founding of New England. Boston, 1921.

⁸⁶ *Newton A.P.* Colonizing Activities of English Puritans. New Haven (Conn.), 1914.

пилигримов. Наше внимание привлекла теоретическая база исследования Ньютона. Его объяснение пуританской колонизации в корне отличается как от привычной теории о религиозном диссидентстве, так и от чрезмерно материалистических подходов, которые возникнут позднее⁸⁷.

Для А.П. Ньютона процессы, происходившие на Бермудах и в Новой Англии, напрямую связаны с ситуацией в Англии и могут быть объяснены через эти события. Обратной стороной этой теории стал подход ученого, согласно которому революция в Англии во многом была порождением того образа мыслей, что сформировался в английских колониях. Самоуправляющиеся демократические компании-общины, построенные на общности экономических и религиозных интересов, являлись прототипом для кромвелевской армии и своеобразной социальной лабораторией духа индипендентства, который в конце концов возобладал в метрополии.

Карл Бекер в работе «Возникновение американского народа» развивает эту теорию и пишет о том, что миграция была частным делом колонистов и практически не приносила прибыли, и пример Нового Плимута не является исключением из правил⁸⁸. Главной причиной «великого исхода» были социальные изменения в раннестюартовской Англии. Бейкер приводит интересные цифры, демонстрирующие убыточность колоний. Реформацию, сепаратизм и революцию автор считает «бунтом среднего класса», направленным против старых порядков. В конечном итоге это привело к

⁸⁷ *Newton A.P.* Colonizing Activities of English Puritans. P. i.

⁸⁸ *Becker C.* Beginnings of the American People. New York, 1915.

утверждению среднего класса уже в Новом Свете.

Имперский подход, несмотря на свою продуктивность, не стал общераспространенным. Концепция американской исключительности, которая появилась в историографии XIX в., вновь проявилась в прогрессистском подходе и доминировала в американской историографии до 1970-х гг. Лишь в 1980-х имперская школа получила неожиданное продолжение в так называемом атлантическом подходе, о котором мы расскажем в соответствующем разделе.

Прогрессистская школа появились почти одновременно с имперской школой, но в конечном итоге доминировала в американской историографии с начала XX в. до 40-х гг. Развитию этой школы способствовал подъем других социальных наук: социологии, экономики, психологии. Вооруженные представлениями о том, что американская история построена на борьбе различных классов и групп — имущих и неимущих, городских и сельских жителей, севера и юга, аристократии и демократии, — прогрессисты рассматривали исторический процесс как движение от меньшей степени свободы к большей. В этом контексте пилигримы и пуритане воплощали собой консервативные, автократические тенденции, а увлечение ими историков XIX в. рассматривалось как признак отсталости или намеренного культивирования антидемократического мифа. Однако критическое отношение к материалу, использование новых подходов и желание пересмотреть устоявшиеся мнения касательно американской истории принесли результаты.

Ярким примером прогрессистской работы является труд Вернона Льюиса Паррингтона «Основные течения Американской мысли», посвященный интеллектуальной истории Соединенных Штатов. Нас интересует прежде всего первый из трех томов этого масштабного произведения — «Система взглядов колониального периода (1620–1800 гг.)»

89

Пуританское движение и предприятие пилигримов получили в работе Паррингтона материалистическую интерпретацию. Автор признает важную роль пуританизма в формировании современной американской цивилизации, но его оценка массачусетских пресвитериан далеко не так однозначна. Автор выделяет два течения: кальвинистское, которого придерживались собственно обитатели Массачусетса, и лютеранское, близкое к отцам-пилигримам и квакерам⁹⁰. Если представители второго течения были настроены более демократично по отношению к принципам строительства церкви и государства, то строгие приверженцы Кальвина создали в Америке настоящую «теократию» с массачусетским магистратом во главе⁹¹. Роль протестантизма в целом Паррингтон считает позитивной, а идеи Лютера через Роджера Уильямса получили в конце концов распространение на всей территории будущих Соединенных Штатов. Ортодоксальная же «теократическая» модель зашла в тупик и разложилась изнутри под влиянием

⁸⁹ *Parrington V.L. Main Currents in American Thought: The Colonial mind. New York, 1927.* Далее работа цитируется по русскому изданию: *Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли: Система взглядов колониального периода. В 3 т.. Т. 1. М., 1964.*

⁹⁰ Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. С. 49–62.

⁹¹ Там же. С. 60.

мощного экономического фактора — средних слоев фермерства, препятствующих олигархическому правлению в любом его виде⁹².

Критический анализ пуританизма и сепаратизма проявился и в книге «Первые американцы: 1607–1690» Томаса Джефферсона Вертенбекера, опубликованной в 1927 г.⁹³ Работа затрагивает организацию сельского хозяйства, особенности одежды и питания и, что немаловажно, зарождение первых городов в Новой Англии. Автор также разоблачает наиболее популярные мифы, связанные с пилигримами. Так, День благодарения долгое время отмечался от случая к случаю. Поводом к его празднованию могли послужить победы протестантов во время Тридцатилетней войны или победы над индейцами, или просто удачный урожай⁹⁴. Любопытна позиция Вертенбекера по поводу того, как убеждения пилигримов влияли на экономическую жизнь. Фактически, по мнению автора, сельское хозяйство было нужно первым поселенцам скорее для реализации идеи независимости и обособленности религиозной общины. Но в реальности для торгового баланса были необходимы меха и рыбные промыслы, и никакие идеи не могли изменить этого обстоятельства⁹⁵.

Эта же борьба с мифом о божественной миссии пилигримов проявилась в книге Г. Хоува «Пролог Новой Англии», которая посвящена экспедициям в Новую Англию, совершенным до 1620 г.⁹⁶ По мнению Хоува,

⁹² Там же. С. 49–62, 66.

⁹³ *Wertenbaker T.J.* The First Americans: 1607–1690. New York, 1927..

⁹⁴ Ibid. P. 273–274.

⁹⁵ Ibid. P.50.

⁹⁶ *Howe H.F.* Prologue to New England. Boston, 1969..

в своем восхвалении пилигримов английские и американские историки «фактически забыли о первом веке английской колонизации — в XVI в.»⁹⁷. Хоув пишет о том, что до «Мэйфлауэр» было осуществлено около 40 официальных экспедиций, и все они, так или иначе, внесли свой вклад в успех отцов-пилигримов и организаторов «великого исхода». Таким образом, колонизация предстает не как смелая вылазка одиночек, но как коллективный труд многих поколений мореплавателей.

Труд «Колониальный период американской истории» профессора Йельского университета Чарльза Эндрюса продолжила тенденцию внедрения новых концепций в изучение ранней американской истории⁹⁸. Интересна точка зрения Эндрюса на систему взглядов религиозных диссидентов и на причины, по которым они решились на переселение. «То, что большая часть этих людей была крайне религиозна по духу и покорна тому, что, как они думали, было волей Господа, не вызывает сомнений. Но именно неудовлетворенность материальными условиями побуждала этих мужчин и женщин сменить окружение для того, чтобы найти лучшую жизнь в землях, в корне отличавшихся от того, к чему они привыкли», — пишет Эндрюс⁹⁹. В работах, подобной этой, постепенно вырабатывалась концепция, согласно которой колониальная активность религиозных диссидентов могла бы быть объяснена через своеобразно понятые отношения базиса и надстройки. Религиозная риторика и мировосприятие якобы маскировали реальные

⁹⁷ Ibid. P. 3.

⁹⁸ *Andrews Ch.M.* Colonial Period of American History. Vols. I–IV. Vol. I. Yale University Press, 1937..

⁹⁹ Ibid. P. 67.

экономические основы пуританской миграции. Тем не менее оставалось слишком много проблем, которые такая материалистическая интерпретация не могла объяснить, и желание историков игнорировать религиозную составляющую в действиях пилигримов и пуритан во многом было мировоззренческой позицией, а не результатом исследований.

Отношение к отцам-пилигримам и наследию пуританского Массачусетса было во многом пересмотрено в рамках так называемой школы консенсуса, или, как ее еще называли, интеллектуальной школы. Такие влиятельные историки, как Перри Миллер и Дэниель Бурстин, выступили против навязываемого прогрессистами видения американской истории как арены борьбы за власть и доминирования одних лишь экономических факторов¹⁰⁰. Вместо того чтобы останавливаться на конфликтах, которые, по мнению Миллера и Бурстина, не были таким уж частым явлением в истории США, представители школы консенсуса предлагали обратить внимание на то, что объединяло американцев. Этим связующим звеном оказались идеи, культурное наследие, которое, начиная с колониального периода, пронизывало всю американскую историю, неожиданным образом соединяя различные классы, штаты и национальности.

Пуритане больше не были страшными угнетателями свободы, интеллектуальная школа нашла в учении пуритан ростки демократических идей, а религиозные причины переселения вновь стали приниматься во

¹⁰⁰ *Miller P.* The New England Mind: From Colony to Province. Boston, 1939; *Boorstin D.* The Americans: The Colonial Experience. Chicago, 1958.

внимание. Теология и публицистика сепаратистов и пуритан стала интересовать специалистов сама по себе в их стремлении понять уникальное восприятия мира людей XVII столетия.

Если ученые, придерживающиеся имперского подхода, считали, что на формирование институтов управления в Новой Англии и затем во всей Америке повлияло наследие английского колониального управления, а прогрессисты видели в колониальных ассамблеях арену борьбы различных группировок, то Перри Миллер в работе «История мысли в Новой Англии: от колонии к провинции» говорит о важности пуританской теологии для формирования колоний¹⁰¹. Церковная дисциплина, учение пуритан и сепаратистов о конгрегации, которая являлась союзом верующих перед лицом Бога, не были абстрактными размышлениями, маскирующими «истинные» экономические отношения. Идеология пуритан напрямую влияла на их способы управления колониями. Оказалось, что без истории идей понимание колониального периода было невозможно.

Это наглядно видно в масштабной работе Дэниеля Бурстина «Американцы: Колониальный опыт»¹⁰². Она является первой частью трилогии этого выдающегося ученого, и впервые была опубликована в 1958 г.¹⁰³ Трилогия представляет собой глобальную ретроспективу американской общественной, политической и научной мысли. В

¹⁰¹ *Miller P.* The New England Mind: From Colony to Province (1939). Boston, 1961. P. 11.

¹⁰² *Бурстин Д.* Американцы: Колониальный опыт. М., 1993.

¹⁰³ В эту трилогию входят также книги: *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт. М., 1993; *Бурстин Д.* Американцы: Демократический опыт. М., 1993.

«Колониальном опыте», как явствует из названия, Бурстин дает анализ развития общественной и политической мысли начального периода американской истории. Работа разбита на три части. В первой анализируется ситуация в отдельных колониях, от их основания и до конца XVIII в. Бурстин в самом начале подчеркивает, что Америка была в первую очередь местом крушения утопий Старого Света¹⁰⁴. На основании этого он выделяет какую-либо главную идею, господствовавшую у теоретиков этой колонии, и наблюдает в динамике соотношение этой «мечты» и реальности.

Применительно к пуританам Бурстин подчеркивает положительные стороны их ортодоксальной утопии. Признавая господствующую роль религии в жизни Массачусетса, автор в то же время утверждает, что религиозность эта была сугубо практического свойства. Она не выливалась в бесконечные теологические диспуты, препятствовала появлению различных сект¹⁰⁵, а также делала пуритан практичными людьми, настроенными «всецело посвятить себя практическому приложению христианства — не уточняя символов веры, но возводя стены Храма Сионского»¹⁰⁶. Не отрицая проблем Массачусетса, в том числе и религиозных, Бурстин считает пуританизм главной позитивной силой развития колонии, определившей и сформировавшей весь ее дальнейший путь.

Однако не стоит думать, что исследователи вернулись к стандартам XIX в. и превозносили интеллектуальное наследие пилигримов и пуритан. С

¹⁰⁴ Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. С. 10.

¹⁰⁵ Там же. С. 15–17.

¹⁰⁶ Там же. С. 15.

50-х гг. в поле зрения историков оказались те, кто создавал миф о пилигримах и представление о Новой Англии как колыбели американской демократии. Появились критические работы, где этот миф разбирается на составные элементы¹⁰⁷.

Оппозицию подходу Бурстина и Миллера внутри интеллектуального направления представляет профессор Т. Брин. В работе «Пуритане и предприниматели», посвященной сравнительному изучению ранней истории Виргинии и Массачусетса, он указывает на необходимость акцентировать больше внимания на влиянии английской культуры и системы общественных отношений на колонистов, и не объяснять все различия между регионами только через религию¹⁰⁸.

Важное место в интеллектуальной школе занимает Эдмунд Морган. Нас интересует его монография «Видимые Святые. История Пуританской идеи», где подробно анализируется идеология пуританизма¹⁰⁹. В книге изучаются концепции церковного устройства. Она продолжает тематический цикл автора, рассказывающий о различных аспектах радикального английского протестантизма. Вторая глава посвящена устройству сепаратистской церкви и тем изменениям, которые она претерпела в Старом и Новом свете. Также Морган уделяет внимание условиям принятия новых членов в «церковь святых» и церковной дисциплине сепаратистов. Третья

¹⁰⁷ *Craven W.F.* The Legend of the Founding Fathers. New York, 1956; *Gay P.* A Loss of Mastery: Puritan Historians in Colonial America, University of California Press, 1966.; *Callcott G.H.* History in the United States 1800–1860: Its Practice and its Purpose. The Johns Hopkins University Press, 1970.

¹⁰⁸ *Breen T.H.* Puritan and Adventurers. Change and Persistence in Early America. New York, Oxford, 1980.

¹⁰⁹ *Morgan E.S.* Visible Saints. The History of a Puritan Idea. Ithaca; New York, 1965.

глава посвящена взаимодействиям массачусетских пуритан и плимутских сепаратистов в религиозной сфере, а две последние главы — становлению общей для Новой Англии церковной системы и специфике массачусетской ортодоксии. Американский историк Л. Зифф также описал функционирование общины и ее дисциплину в терминах социологии, снабдив исследование многочисленными примерами, относящимися к 1630-м гг., но актуальными для сопоставления практики пуритан и пилигримов¹¹⁰.

Интеллектуальный подход повлиял и на отношение к экономической истории. Книга Бернарда Бэйлина «Купцы Новой Англии в XVII веке»¹¹¹ открывает перед нами другие неизвестные стороны колонизации. Хотя цель работы — это изучение эволюции класса торговцев в Новой Англии, первые главы посвящены купцам, входившим в акционерные компании, от таких крупных объединений, как Лондонская Виргинская компания, до компании купцов-авантюристов, финансировавших основание Нового Плимута. История освоения Нового Света освещается через призму деятельности этих предприятий. Особенности взаимоотношений пилигримов и лондонских купцов даются с принципиально новых позиций, не как противостояние бесчестных торговцев и благородных пуритан, но как внутренняя проблема единого коммерческого предприятия, где две группы боролись за реализацию своих интересов. Бэйлин двигался дальше в сторону социальной, а затем и

¹¹⁰ Ziff L. The Social Bond of Church Covenant // American Quarterly. 1958. Vol. 10. No. 4. P. 454–462.

¹¹¹ Bailyn B. The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955.

атлантической истории, став одним из ее основоположников.

Параллельно развивающаяся английская интеллектуальная история также касалась пилигримов и той религиозной среды, из которой они появились. Интерес представляет статья М. Кертиса «Отчужденные интеллектуалы стюартовской Англии». В центре внимания оказываются социальные и культурные проблемы, которые привели к тому, что столь большое количество блестяще образованных священников и представителей провинциального дворянства становились сторонниками пуританизма, а затем и участниками революции. Развивая радикальное высказывание Гоббса о том, что именно университеты привели к революции, Кертис своеобразно подтверждает этот тезис. Он доказывает, что «перепроизводство» талантливых специалистов, которые не могли найти себе место ни в англиканской церкви с ее системой покровительства и зависимостью от епископской иерархии, ни в системе государственного аппарата, привело этих людей к глубокой неудовлетворенности жизнью и заставила их искать другие пути самовыражения. Учитывая, что община Скруби возникла как раз благодаря союзу разочарованного дворянина почтмейстера Брюстера и опального пастора Робинсона, это исследование более чем актуально для нашей темы¹¹².

Книга оксфордского ученого Рэймонда Уайта «Традиция английского сепаратизма: от мучеников королевы Марии до отцов-пилигримов»¹¹³ так же,

¹¹² *Curtis M.H.* The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // *Past & Present*. 1962. No. 23. P. 25–43.

¹¹³ *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim. Oxford, 1971.

как и работа Моргана, создает цельную картину развития радикального пуританизма на протяжении второй половины XVI — начала XVII вв. Работа помогает понять как социальные причины возникновения сепаратистского учения, так и его теологические основания¹¹⁴. Расширить представления о раннем сепаратизме помогает также книга Майкла Тольме, посвященная развитию этого учения в Лондоне в 1620-х гг.¹¹⁵ Однако при всем обилии материалов по истории сепаратизма, которыми располагают эти авторы, они редко выходят за рамки истории религии для того, чтобы объяснить мотивы переселения сепаратистов.

Для понимания такого сложного явления, как английский сепаратизм, с его разнообразными течениями, идеологами и центрами притяжения мы использовали две работы: «Сообщество святых» Стивена Брешлоу и «Джон Робинсон и традиция английского сепаратизма» Тимоти Джорджа¹¹⁶. Для нас было важно разобраться в позиции пастора пилигримов Робинсона в контексте общего течения радикального пуританизма-сепаратизма. Так, авторы отмечают акцентирование внимания пастора на позитивном восприятии нового, что было не свойственно пуританским теологам, для которых само слово «новизна» была ругательством. Робинсон пусть и разделял эту риторику на словах, но постоянно приводил в пример положительные инновации. Иисус, по его мнению, сделал даже больше

¹¹⁴ Анализ теологических оснований сепаратизма получил свое продолжение в работе: *Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625. Oxford, 1988.*

¹¹⁵ *Tolmie M. The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616–1649. Cambridge, 1977.*

¹¹⁶ *Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625; George T. John Robinson and the English Separatist Tradition. Georgia, 1982.*

Моисея и ветхозаветного Бога в определении тех законов, по которым должен жить человек, чтобы прийти к спасению¹¹⁷. Прослеживают авторы и постепенное смягчение взглядов Робинсона, от полного отрицания церкви Англии до идеи о возможном сосуществовании с ней.

Монография Питера Кэрролла «Пуританизм и дебри. Интеллектуальное значение границ Новой Англии» подходит к изучению интеллектуальной жизни пуритан с точки зрения психологии¹¹⁸. Задачу своей работы автор видит в применении нового подхода к изучению пуританского образа мысли и колониальной истории идей. «Исследования по интеллектуальной истории пуританизма главным образом акцентируют внимание на наследии Старого Света в сознании жителей Новой Англии. <...> Но в описании структуры пуританской системы ценностей эти исследования сводят к минимуму, если не отрицают совсем, значение Нового Света в переосмыслении и структурировании пуританских идей», — пишет Кэрролл. Таким образом, главной задачей автора является попытка проследить влияние Нового Света на мировоззрение пуритан¹¹⁹.

Кэрролл показывает, как отдельные положения учения пуритан реализовались на практике; как колонисты интерпретировали реальность и Библию, для того чтобы примирить идеалистические построения своих вождей и практику жизни в Новом Свете. Ключевое понятие работы —

¹¹⁷ *Brachlow S.* Op. cit. P. 66.

¹¹⁸ *Carroll P.N.* Puritanism and the Wilderness. The Intellectual Significance of the New England Frontiers 1629–1700. New York; London, 1969.

¹¹⁹ *Ibid.* P. 1.

«wilderness» — дебри, неосвоенные дикие земли, с которыми столкнулись колонисты.

Схожей проблематике посвящена монография Марвина Бреслоу «Зеркало Англии: взгляд английских пуритан на другие народы»¹²⁰. Здесь в роли «других» выступают не жители Северной Америки, но ближайшие соседи англичан, которым приписывались подчас столь же необычные черты, что и американским индейцам. Книга помогает лучше понять важность переезда в Голландию для членов конгрегации Скруби.

Интеллектуальная история, постепенно усложняясь, продолжала свое развитие до 1980-х гг., когда ей на смену пришли более критические подходы, такие как новая социальная история.

Получившая развитие с 1970-х гг. новая социальная история, или, как она называлась также, новая левая история (для того чтобы отличаться от прогрессистов, которые также часто были сторонниками марксизма или использования социологии в своих исследованиях), выступила с критикой двух наиболее влиятельных исторических школ прошлого. И прогрессисты, и представители интеллектуальной школы, по мнению социальных историков, упускали из виду главное — простых людей.

Многочисленные и важные для понимания колонизации группы зачастую ускользали от внимания историков — речь идет о роли женщин, африканских рабов, коренных жителей. Эти группы просто не вписывались в картину мира, которую создавала историография до распространения новой

¹²⁰ Breslow M.A. A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618–1640). Amherst, 1970..

социальной истории. Благодаря новым подходам к прочтению массовых источников историки получили более сложное и многогранное представление о колонизации, об отношении элит и масс, о сложностях взаимоотношений между колониями и метрополией. Пилигримы снова потеряли свою важность, слишком малозначительными казались их успехи. Но общие достижения новой социальной истории, в конце концов, оказались применимы и к небольшому поселению в Новой Англии.

Работа Дугласа Хилла «Англичане на пути в Новую Англию» 1975 г. посвящена истории английской иммиграции¹²¹. Пуританская иммиграция представляется в этом контексте всего лишь одним из эпизодов общего переселения жителей Англии в Новый Свет. История плимутцев интересует автора лишь постольку, поскольку они были первопроходцами в деле освоения Новой Англии. В то же время работа Хилла содержит интересные сведения о пилигримах, в частности, раскрываются глубинные экономические и политические причины их переезда из Голландии в Америку.

Однако социальная история иногда напрямую интересовалась пилигримами, открывая самые необычные аспекты их жизни¹²². Так, в 1970 г. появилась работа «Маленькое сообщество: семейная жизнь в плимутской колонии»¹²³ Джона Димоса, посвященная бытовым аспектам существования

¹²¹ Hill D. The English to New England. London, 1975.

¹²² Rutman D.B. Husbandmen of Plymouth. Farms and Villages in the Old Colony, 1620–1692. Boston, 1967; Nickerson W.S. Land Ho! — 1620. A Seaman's Story of the Mayflower Her construction, Her Navigation and Her First Landfall. New York, 1997.

¹²³ Demos J. A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. New York, 1970.

закрытой общины пуритан-сепаратистов. Устойчивость Нового Плимута, размеренность ритма его жизни, по мнению автора, делала это поселение отличной лабораторией для изучения быта колонистов. При этом испытания пилигримов до их путешествия в Новый Свет стали одним из важнейших факторов, оказавших влияние на все последующее развитие конгрегации. Англия, Голландия, специфический опыт диссидентства — все это, по мнению автора, сыграло свою роль в Новой Англии.

С 1980-х гг. в историографии раннего колониального периода стало трудно говорить о доминировании какого-то одного подхода. По мнению историка Алана Тейлора, на данный момент актуальны сразу три школы: этноистория, атлантический подход и так называемая история окружающей среды (*environmental history*)¹²⁴. К этим подходам мы бы также добавили культурную антропологию.

Атлантический подход акцентирует свое внимание на том, что без соединения истории Англии с историей колониальной Америки невозможно составить ясную картину этого единого культурного, экономического, социально-политического пространства. Точкой пересечения Старого и Нового Света была выбрана Атлантика. Впоследствии атлантический подход признал необходимым включить в сферу своих интересов побережье Африки, Южной Америки и Карибских островов, так как проблемы рабства, торговли с испанскими и португальскими владениями оказались слишком значительны, чтобы их игнорировать.

¹²⁴ *Taylor A. American Colonies. New York, 2001. P. xiv.*

Во многом атлантический подход был связан с новой социальной историей. Так, книга Вирджинии Андерсон «Генеалогия Новой Англии: «Великий исход» и общественные процессы в XVII веке» продолжает традицию социального анализа причин переселения в Новую Англию¹²⁵. Первая глава этой работы посвящена мотивам иммиграции и сопровождается многочисленными примерами людей, происходивших из разных социальных групп, уехавших в Новую Англию. Интересна мысль автора о том, что никогда нельзя судить по облику иммигрантов об облике самого населения¹²⁶. Большинство тех, кто отправлялся в Новый Свет в XVII в., были молодыми холостыми мужчинами, теми, кто не мог найти свое место в английском обществе

Специфика «великого исхода» заключалась в том, что уезжали те, кто обычно этого не делал. Не одиночки, оторванные от своих корней, но целые семейства, кланы, почтенные и уважаемые люди. Новая Англия привлекала переселенцев всех возрастов, что было нетипично для других вариантов ранней колонизации. «Великий исход» был в первую очередь переселением семей, поэтому он не сопровождался разрывом устоявшихся связей.

Довольно скромное место заняли пилигримы в работе Д. Кресси «Переселение. Миграция и связь между Англией и Новой Англией в XVII веке»¹²⁷. По мнению Кресси, роль Нового Плимута была скорее

¹²⁵ *Anderson V.D.* New England's Generation: the Great Migration and the Formation of Society in the Seventeenth century. Cambridge, 1991.

¹²⁶ *Ibid.* P. 9.

¹²⁷ *Cressy D.* Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth Century. Cambridge, 1987.

идеологической. Успех этого весьма рискованного предприятия создал основания для дальнейшей колонизации. Принципиальный интерес для автора рассматриваемой монографии представляют другие вопросы: процесс накопления знаний о Новом Свете и их распространение, реакция английского общества на эту информацию, мероприятия короны и частных лиц, а также причины иммиграции, феномен сервентов, соотношение религиозного и материального фактора в событиях «великого исхода». Кресси анализирует различные проекты создания колоний, представления о том, какими должны быть английские владения в Новом Свете. С нашей точки зрения, успех Нового Плимута действительно можно расценивать как достижение пропаганды, но, с другой стороны, именно благодаря пропаганде и циркуляции сведений о Новом Свете «великий исход» оказался возможен.

Одним из ярких примеров пересечения трансатлантической и интеллектуальной истории является монография Дугласа Андерсона «Книги Уильяма Брэдфорда: История поселения в Плимуте и печатное слово»¹²⁸. Автор реконструирует те источники, благодаря которым была написана «История поселения в Плимуте», анализирует литературные влияния и популярные идеи написания исторических сочинений в XVII в., на которые опирался Брэдфорд. Аристотель, Жан Боден, послания Апостола Павла — все это оказывается таким же реальным для губернатора Плимута, как традиции индейцев-алгонкинов и экономические отношения с купцами,

¹²⁸ *Anderson D.* William Bradford's Books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London, 2003..

финансировавшими предприятие. Конечно, иногда Андерсон стремится чрезмерно подчеркнуть влияние издательского дела и литературы на практическую деятельность Плимута. Он утверждает, что на борт «Мэйфлауэр» пилигримы взяли с собой детали для сборки печатного станка, настолько велико было их желание издавать книги. Этой любопытной теории посвящено множество страниц, но доказательств — изданных в Новой Англии книг — не существовало.

Схожую проблематику, но в соединении с историей экономики и окружающей среды, затрагивает Н. Банкер в новейшей работе «Быстрое бегство из Вавилона: Пилигримы Мэйфлауэра и их мир» 2010 года¹²⁹. В ней полностью проявляется глобальность атлантического подхода: не делая принципиально важных открытий, автор использует историю пилигримов, чтобы обнаружить необычные факты и связи между предприятием пилигримов и экономическими и политическими процессами эпохи: от торговли пушниной, ключевого источника дохода сепаратистов в Новой Англии, до королевской религиозной политики и пуританского отношения к миру и истории.

Одной из самых ярких работ в рамках данного направления стала монография Дэвида Фишера о волнах иммиграции из Англии и их влиянии на американскую культуру¹³⁰. По мнению автора, различия между колониями во многом заключались в том, что они притягивали население разных

¹²⁹ *Bunker N. Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. New York, 2010.*

¹³⁰ *Fischer D. Albion's Seed: Four British Folkways in America. New York, 1989.*

районов Англии, и у представителей этих регионов были различные представления об общественном устройстве, религиозных верованиях и отношениях с коренными жителями. Фишер выделяет четыре волны иммиграции: пуритан из Восточной Англии, которые отправлялись в Новую Англию; дворян и сервентов из Южной Англии, которые направлялись в Виргинию; квакеров из центральных графств, которые колонизировали Дэлавер; выходцев из Шотландии, которые заселяли Джорджию, Нью-Йорк и Алабаму. Наиболее эффективно его теория работает как раз на примере массачусетских пуритан, для которых действительно была характерна миграция соседских общин, семейных кланов, религиозных конгрегаций.

Однако масштабные обобщения и выводы Фишера породили волну критики, другие исследователи отмечали, что, во-первых, достаточно трудно выделить общую культуру для того или иного региона Англии, отличную от культуры других регионов¹³¹. Во-вторых, четыре американских региона как объект миграции определенных групп англичан не подтверждаются на практике. В Новой Англии пуритане с Севера составляли существенный, но не преобладающий процент. Миграция в реальности оказывалась менее структурированной¹³². Мы считаем, что подход Фишера, тем не менее, можно и нужно использовать, однако различия между регионами определяются не народными культурами метрополии, а культурой колонизации, которая

¹³¹ *Greene J.P.* Transplanting Moments: Inheritance in the Formation of Early American Culture // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. 1991. Vol. 48. No. 2. P. 224–230.

¹³² *Fischer D.* Albion and the Critics: Further Evidence and Reflection // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. 1991. Vol. 48. No. 2. P. 260–308.

различалась от региона к региону, определяла отношения к собственности, управлению, религии.

Транс-атлантический подход акцентировал свое внимание и на идеологии английской колонизации. В этом контексте нас интересует ряд работ о возникновении теории английского колониализма. Книга «Повелители этого мира» повествует, как из идей всеобщей монархии, миссионерства и идеологического наследия римской империи европейские державы создавали идеологию, оправдывающую и легитимирующую колонизацию¹³³. В конечном итоге миссионерство стало главным оправданием колонизации.

Если говорить не о глобальном идеологическом противостоянии, а о ситуации в самой Англии, то Клаус Кнорр в своей книге «Британские колониальные теории 1570–1850»¹³⁴ пытается нащупать грань между идеологическими установками королевской власти и желаниями различных социальных групп Англии рубежа XVI–XVII вв., между пропагандой и реальными проблемами, которые были у английского общества и которые можно было бы решить при помощи создания колоний. Нас интересует прежде всего вторая глава, о теориях колонизации до 1660 года. В подразделах приводятся цитаты и аргументы в пользу различных устремлений английских идеологов, от распространения христианства и поиска северного прохода в Индию до идеи о том, что дикая природа Нового

¹³³ *Pagden A.* *Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France 1500–1800.* Ashgate / Variorum, 1998.

¹³⁴ *Knorr K.E.* *British Colonial Theories 1570–1850.* Toronto, 1994.

Света удовлетворит потребность всех джентри в охоте. В то же время автор иногда чрезмерно стремится показать разрыв между реальностью и идеологией. Так, по его мнению, перенаселенность Англии, один из факторов, вызвавших отток населения в Новый Свет, была всего лишь идеологической уловкой. В целом монография дает представление о том, что колонизация была не единым порывом англичан, а скорее общей возможностью для совершенно разных групп населения добиться своих целей, иногда реальных, но зачастую достаточно иллюзорных.

Исследование Дэвида Армитейджа связывает эти колониальные теории с английской Реформацией, которая дала толчок к зарождению национализма и колониальным амбициям¹³⁵. В центре внимания — кузены Хаклюйты и их многочисленные тексты, в которых он находит отсылки и к учениям Аристотеля, и к различным текстам идеологов протестантизма. Английский национализм, зажатый между античным наследием и христианской риторикой — вот что оказывается в поле зрения автора.

Патрисия Сид в своей монографии о церемониях, при помощи которых европейцы заявляли о своих правах на территории Нового Света, подходит к инструментам колонизации с другой стороны¹³⁶. По ее мнению, для англичан самым важным было преобразующее воздействие человеческого труда. Поэтому при первой же возможности они старались посадить дерево или несколько растений, высадить изгородь или каким-либо иным способом

¹³⁵ Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge; New York, 2000.

¹³⁶ Seed P. *Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640*. Cambridge, 1995.

преобразовать природу той территории, на которую они заявляли права, в то же время право первооткрывателя, на которое опирались португальцы, не имело для них никакого значения. Также исследовательница рассматривает колониальные традиции испанцев, построенные на риторике завоевания неверных, и французов, которые включали в свои ритуалы коренных жителей, заставляя их приносить присягу французскому королю. Голландцы же рассматривали право на владение через призму получения прибыли и установления торговых маршрутов.

Ребекка Бах в своей книге «Колониальные изменения: Культурная продукция нового атлантического мира, 1580–1640» исследует каким образом англичане вырабатывали свою колониальную идеологию, как отвлеченные на первый взгляд тексты оборачивались инструментами господства в Новом Свете и как новизна Америки проникала в сознание жителей Англии¹³⁷. В своей работе она опирается на материалы различных литературных произведений, пьес, личных свидетельств, праздничных шествий и ритуалов.

Интерес представляют главы об образах Нового Света в праздничных церемониях лондонского мэра и театральных масках при королевском дворе как о двух различных подходах к колонизации. Привлекает внимание описание бунта простых колонистов на Бермудских островах. Обычно бунт матросов и сервентов выражался в чрезмерном пьянстве, ношении дорогой,

¹³⁷ *Bach R.A.* Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640. New York, 2000.

неподобающей статусу одежды или нетрадиционных для того времени сексуальных отношениях, но бунтовщики на островах пошли гораздо дальше в разрушении иерархии и стали называть части островов в свою честь, за что и понесли наказание. Наконец, крайне интересна глава с анализом произведений Джона Смита, его описаний экзотических танцев индейцев Виргинии, которые, по версии автора, несли совершенно противоположный смысл. Смит думал, что ему показывают развлечение, в то время как индейцы запугивали капитана ритуальной пляской.

Продолжая традицию Герберта Осгуда, историки атлантической школы задавались вопросами о том, за счет каких ресурсов было возможно освоение Америки, каково было состояние английского общества, что оно обратило свое внимание на отдаленный континент, и при помощи каких инструментов колониальные идеи применялись на практике. Исследователи зачастую обнажают невидимые механизмы колонизации, которые скрывались за официальным фасадом деклараций, договоров и назначений¹³⁸.

Новейшие походы в этноистории направлены на то, чтобы проанализировать роль индейцев в достижениях европейцев и чтобы разоблачать якобы достоверные свидетельства путешественников, которые скорее были пропагандистскими установками. Так, во вступлении к своей книге Мэтт Коэн приводит пример записи одного из колонистов, который,

¹³⁸ *Rabb T.K.* Investment in English Overseas Enterprise, 1575-1630 // *The Economic History Review. New Series.* 1966. Vol. 19. No. 1; *Jones H.* The Colonial Impulse: An Analysis of the "Promotion" Literature of Colonization. New York, 1984; *Hugh T. Lefler*, Promotional Literature of the Southern Colonies // *Journal of Southern History.* 1967. No 33.

проверяя волчью яму, нашел там индейца, попросившего его освободить и назвавшегося гонцом с важным посланием. С точки зрения колониста, это была ироничная ситуация, вместо дикого зверя в яму попался зверочеловек, такой же глупый, как волк, но он освободил дикаря, раз у того было важное для белых сообщение. Автор же раскрывает иные аспекты этой истории: именно индейцы были основными распространителями важных сведений, необходимыми для передачи сообщений в Новой Англии, а конкретно этот индеец, попавшись в опасную ловушку, вполне возможно, ловко обманул незадачливого колониста, сыграв привычную для англичан роль курьера¹³⁹.

Необычный подход к этноистории представлен Элдена Вогана и Дэниэла Рихтера «Преодолевая культурные барьеры: индейцы и поселенцы Новой Англии», посвященную взаимодействию колонистов и коренного населения¹⁴⁰. Центральное место в работе этих исследователей занимает феномен отказа от своей культуры и добровольного присоединения к другой. Гораздо более распространены были случаи принятия индейской культуры европейцами, а не наоборот. Это объяснялось тем, что колонисты были более открыты для контакта и понимали преимущества образа жизни индейцев для выживания в Новом Свете. Впрочем, авторы также приводят истории коренных жителей, добровольно принимавших христианство и пытавшихся адаптироваться в сообществе колонистов. Таких индейцев было немного, однако они сыграли важную роль в посреднической торговле и

¹³⁹ *Cohen M.* The Networked Wilderness Communication in Early New England. Minnesota, 2009. P. 9.

¹⁴⁰ *Vaughan A.T., Richter D.K.* Crossing the Cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605–1763. Worcester, 1980.

дипломатических отношениях между представителями двух культур.

Можно утверждать, что исследования, посвященные коренным жителям, необходимы для понимания специфики Новой Англии. Современные историки стремятся найти в письменных источниках английских колонистов, устных преданиях индейцев и сравнительных антропологических исследованиях свидетельства об истинных отношениях между коренными жителями и колонистами, которые не сводились к абсолютному противостоянию, а представляли собой более сложную картину¹⁴¹.

Если индейцы в современных исследованиях выходят на широкую историческую арену и предстают равноправными участниками отношений с европейцами, а не предметом изучения этнографов, то, с точки зрения культурной антропологии, английские колонисты сами могут рассматриваться как причудливый продукт далеких для нас культурных и моральных представлений.

Для нашей диссертации важно исследование Джеймса и Патриции Дитц «Время их жизни: Жизнь, любовь и смерть в Плимутской колонии», проведенное на основании судебных и административных документов Нового Плимута¹⁴². Оно раскрывает многие до этого времени неизвестные

¹⁴¹ *Oberg M.L.* Dominion and civility : English imperialism and native America, 1585–1685. Ithaca, New York, 1999; *Gordon C.* New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Remaking of Early America Calloway. The Johns Hopkins University Press, 1998; *Adolf L.A.* Squanto's Role in Pilgrim Diplomacy // *Ethnohistory*. 1964. Vol. 11. No. 3. P. 247–261; *Weaver J.* The Red Atlantic: Transoceanic Cultural Exchanges. UNC Press Books, 2011.

¹⁴² *Deetz J., Deetz P.S.* The Times of Their Lives : Life, Love, and Death in Plymouth Colony. New York; Houndmills, England, 2000.

факты об организации быта, проступках и наказании, рождении и смерти в колонии, норме и отклонениях от нее. Теология преподобного Робинсона и идеи других пуританских идеологов пронизывали, по мнению авторов, не только сферу управления поселением. Все то, что мы сейчас считаем личной жизнью, было объектом пристального внимания пуританских идеологов.

Монография Дэвида Вэйра «Ранняя Новая Англия: общество, построенное на ковенанте» описывает историю отношений между колонистами, включенными в религиозную общину сепаратистов или пуритан (в случае с Массачусетсом), и теми, кто принадлежал только к политическому организму колонии и старался отстоять свою религиозную независимость¹⁴³. В центре внимания автора оказываются механизмы «включения» и «исключения», господствовавшие в Новой Англии.

В 2010 г. вышла работа Марты Финч, название которой можно перевести как «Реальность тела в ранней Новой Англии»¹⁴⁴. В ней суммируются выводы многих монографий по истории ментальности и создается общая картина мировоззрения сепаратистов. В качестве центрального элемента этого мировоззрения предлагается двоякое восприятие тела и в соответствии с этим двоякое восприятие дисциплины у лидеров пилигримов. Преподобный Робинсон был не только видным теологом и одним из вдохновителей создания гражданского общества в Новом Плимуте, но и автором трактатов о воспитании. Религиозная община

¹⁴³ Weir D.A. Early New England: A Covenanted Society. Cambridge (Mass.), 2005.

¹⁴⁴ Finch M.L. Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England. New York, 2010.

виделась пилигримам прежде всего как коллективное тело, которое точно так же, как и тело индивида требует внимания и дисциплины и может быть изменено посредством воспитания. В то же время и отношение к телу реальному приобретало дополнительные символические значения. Попытка понять эти значения может пролить свет на характер организации трудовой и политической жизни Нового Плимута.

Для нашего исследования крайне важна статья Майкла Бернхема «Торговцы, деньги и честная экономика в книге Уильяма Брэдфорда»¹⁴⁵. Автор исследует хронику пилигримов с необычной стороны — с точки зрения экономической теории XVII в. Он отмечает, что далеко не случайно Брэдфорд уделяет так много внимания договорам с купцами и финансовому состоянию колонии, постоянно говорит о бедности и богатстве, приводит точные суммы в указании тех или иных сделок. Как отмечает автор, мы слишком часто увлекаемся идеей религиозного ковенанта и «договором на Мэйфлауэр» и упускаем из внимания важность для пилигримов понятия честной сделки, прозрачной экономики. Бернхем исследует двойственное отношение пилигримов к сложной экономике акционерных компаний: с одной стороны, они были обязаны воспользоваться услугами компании для отправки в Новый Свет, с другой стороны, они боялись? что, увлекшись коммерцией, потеряют свою идентичность как общины. Эти опасения Брэдфорда подтвердились для многих религиозных групп в Новом Свете, и

¹⁴⁵ *Burnham M.* Merchants, Money, and the Economics of “Plain Style” in William Bradford’s *Of Plymouth Plantation*. // *American Literature*. 2000. No 72 (4). P. 695–720.

Бернхем фиксирует эти ранние волнения.

В этих культурных исследованиях в центре внимания часто оказываются пропагандисты колонизации, авторы колониальной литературы. Джон Смит стал восприниматься не как предприимчивый авантюрист, а скорее как ловкий мастер «пиара» и самовосхваления¹⁴⁶. Его колониальные описания и истории преподносятся через призму его собственной личности, тонкую игру, которую он вел с литературной публикой, королевским двором и акционерными компаниями.

Томас Мортон в новейших исследованиях предстает талантливym литератором елизаветинской эпохи, мыслящим категориями позднего Возрождения¹⁴⁷. Его поселение Мэрри-Маунт представляло собой сознательный проект, созданный для конкуренции с пилигримами и пуританами, чьим строгим репрессивным принципам он противопоставлял личную свободу колонистов, дружеские отношения с индейцами, использование эклектических ритуалов для сплочения колонии.

Видение Мортонa можно назвать дворянским взглядом на колонизацию. Как и пилигримы, джентри хотели построить в Новом Свете идеальное общество, которое выглядело как отражение представлений о «старой доброй сельской Англии», где хозяин манора осуществлял

¹⁴⁶ Woodward W. Captain John Smith and the Campaign for New England: A Study in Early Modern Identity and Promotion // *New England Quarterly. A Historical Review of New England Life and Letters*. 2008. No 81 (1). P. 91–125.

¹⁴⁷ Zuckerman M. Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount // *The New England Quarterly*. 1977. Vol. 50. No. 2; Drinnon R. The Maypole of Merry Mount: Thomas Morton & the Puritan Patriarchs // *The Massachusetts Review*. 1980. Vol. 21. No. 2. P. 382–410; Dempsey J. Reading the Revels: The Riddle of May Day in “New English Canaan” // *Early American Literature*. 1999. Issue: 3. Vol. 34. P. 283–312.

патриархальную власть над своими подданными, проводил время в праздности и достатке, где религиозные различия или требования торговцев и ремесленников не играли большой роли.

Необходимо дать общую характеристику **отечественной историографии**, посвященной пилигримам. Наш выбор здесь крайне ограничен, стоит скорее рассматривать ее как совокупность отдельных работ, поскольку не приходится говорить о существовании применительно к ранней колониальной истории каких-либо школ или направлений.

Значительный вклад в отечественную американистику рассматриваемого периода внес доктор исторических наук Л.Ю. Слезкин. В серии работ «У истоков американской истории» он попытался на основании широкого круга источников дать представление о политической, культурной и религиозной жизни английских колонистов как Севера, так и Юга. Интерес представляют главным образом три его монографии. Две части цикла «У истоков американской истории»: «Виргиния, Новый Плимут. 1606–1642»¹⁴⁸ и «Массачусетс, Мэриленд. 1630–1642»¹⁴⁹, и ознакомительная работа «Легенда, утопия, быль в ранней американской истории»¹⁵⁰. В последней работе исследователь уделит внимание наиболее важным эпизодам колониальной истории, которые дали наибольший материал для мифов, умозрительных конструкций и идеологических построений.

Монографии Слезкина, написанные популярным языком, являются

¹⁴⁸ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978.

¹⁴⁹ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд. 1630–1642. М., 1980.

¹⁵⁰ Слезкин Л.Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981.

прежде всего результатом работы над источниками, а не следствием выдвижения каких-либо оригинальных концепций. Автор, следуя марксистской методологии, видит в американских колониях (как Виргинии, так и Новой Англии) ростки будущего капиталистического общества, которые смогли тем успешнее развиваться в Новом Свете, чем дальше они были от пережитков феодальной системы метрополии. Лейтмотивом монографий Слезкина (в том, что касается пуритан) является идея отхода отцов-пилигримов и массачусетских конгрегационалистов от своих первоначальных идеалов. Подчеркивается определенное «разложение» пуритан под влиянием буржуазных веяний, которым был дан толчок в Новом Свете.

Монография Ю.Г. Акимова, посвященная история соперничества Англии и Франции в Новом Свете, затрагивает такие черты английской колониальной политики, как ее непоследовательность, участие в колонизации различных политических, религиозных и экономических агентов, слабость королевских институтов в колониальных процессах начала XVII в.¹⁵¹

Статьи М. Белана, посвященные колониальным идеям в Англии конца XVI — начала XVII столетия¹⁵², соприкасаются с проблематикой нашей диссертации, но рассматривают колониальную теорию на примере Виргинии

¹⁵¹ Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII вв. СПб., 2005

¹⁵² Белан М.А. Джон Смит и восприятие Нового Света англичанами в начале XVII века // Вестник Московского университета. Сер. 8. М., 2014. № 4. С. 48–66; Белан М.А. Томас Хэрриот: ученый, исследователь и пропагандист колониальной экспансии // Средние века. Вып. 74 (3-4). М., 2013. С. 204–220.

и работ таких идеологов, как Рэйли и Хаклюйты.

Для понимания связи между зарождением английского национализма и Реформацией мы обратились к написанной Е.А. Макаровой главе в коллективной работе «Национальная идея в Западной Европе в Новое время»¹⁵³. Исследователь связывает зарождение национальной идеи с народной реакцией на Реформацию: во время репрессий Марии Кровавой представители различных сословий были готовы пойти на смерть или отправиться в изгнание, так как считали, что они сами в праве трактовать Библию и принимать самостоятельные решения о своей религиозной жизни. Этот импульс затем трансформировался в мощное чувство национальной гордости за английский язык, на который Библия была переведена, за страну, которая противостояла католическому миру, за королевскую власть в том случае, если она способствовала углублению реформы церкви.

Автором, обратившим свое пристальное внимание на проблематику пуританизма в Новом Свете, является И.Ю. Хрулева. Ей принадлежит ряд статей¹⁵⁴ и монография «Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке»¹⁵⁵. Объектом исследования автора является идеология пуританизма. Сконцентрировав свое внимание на причинах и характере «великого исхода», И.Ю. Хрулева рассматривает

¹⁵³ Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005.

¹⁵⁴ Хрулева И.Ю. У истоков американской демократии: политическая доктрина новоанглийского радикального пуританизма // США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004.

¹⁵⁵ Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.

главные вопросы: каким образом возникла в сознании пуритан идея «Града на Холме» (религиозного и гражданского сообщества, заботящегося о делах истинной веры и включающего в себя лишь праведников), как она была воплощена в жизнь и как менялась под воздействием реальных американских условий? Интеллектуальный мир Новой Англии показан через его творцов — религиозных и политических деятелей Массачусетса, а также их противников.

«Великий исход», по мнению автора, вовсе не был простой политической иммиграцией. «Это было хорошо спланированное предприятие, с целью построения библейского общества на земле “Нового Света”», — утверждает исследователь, описав принципы построения этого общества¹⁵⁶. Автор показывает, как постепенно в нем проявляется атмосфера нетерпимости и даже ортодоксии, демонстрирует попытки навязать волю бостонского магистрата другим поселениям, что нарушало принципы конгрегационализма.

Научная новизна работы. Традиционно, подходя к проблеме колонизации, исследователи игнорируют значение предприятия пилигримов в колониальной политике англичан в начале XVII в. Авторы масштабных исследований по истории освоения Америки рассматривали основателей Нового Плимута скорее в роли неопытных первопроходцев¹⁵⁷, чьи

¹⁵⁶ Там же. С. 58.

¹⁵⁷ *Andrews Ch.M.* Colonial Period of American History. Vols. I–IV. Vol. I. Yale University Press, 1937; *Cressy D.* Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth century. Cambridge (Mass.), 1987; *Anderson V.D.* New England's Generation: The great Migration and the Formation of Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1991.

достижения были впоследствии преувеличены писателями XIX в.¹⁵⁸ В настоящий момент Новый Плимут представляет наибольший интерес для специалистов по микроистории и истории ментальности.

Результатом настоящего исследования является утверждение, что Новый Плимут был одним из промежуточных, но важных достижений английской колонизации, в котором переплелись колониальные идеи елизаветинской эпохи, достижения английского и голландского капитализма и радикальный религиозный поиск. Многие черты Нового Плимута, которые интерпретировались историками как особенности протестантской этики или сепаратистского мировоззрения, в действительности восходили к общим основаниям английской колониальной политики.

В исследовании показано, что отцы-пилигримы создали жизнеспособное поселение Новый Плимут, переосмыслив и модернизировав английскую колониальную политику своего времени. Исходя из особенностей этой колониальной политики можно утверждать, что колониальное предприятие отцов-пилигримов — это своеобразный итог устремлений англичан, продукт не только идеологии радикальных пуритан, но и таких вдохновителей английского владычества в Новом Свете, как Уолтер Рэйли и Роберт Хаклюйт.

¹⁵⁸ Такие работы были весьма распространены в конце XIX — начале XX вв., но иногда встречаются и сейчас: *Jenkins T.* Captain Myles Standish. Boston, 1905; *Caffrey K.* The Mayflower. New York, 1974; *Dillon F.* The Pilgrims. New York, 1976.

Глава I. Основатели Нового Плимута в Старом Свете на рубеже XVI–XVII вв.

1. Социально-экономическая, политическая и религиозная ситуация в Англии в начале XVII в.

Англия начала XVII в., несмотря на разгром испанской Непобедимой армады и несмотря на экспедиции елизаветинских пиратов, была далека от статуса великой морской державы. Англичане все еще оставались народом, «вскормленным землей»¹⁵⁹. Население страны составляло четыре миллиона человек, большая часть из которых проживала в крошечных деревнях, насчитывающих от трех до восьми сотен жителей. Это был замкнутый сельский мирок с локальным центром в виде церковного прихода, двора бэйлифа¹⁶⁰ или почтовой станции. Правильнее было бы сказать, этот мир хотел казаться замкнутым. В действительности, со второй половины XVI в. Англия испытывала сильнейшее воздействие со стороны континентальной Европы, и для аграрных районов это воздействие зачастую было негативным.

Процесс огораживания — по словам Броделя, текстильная «индустриализация» Англии¹⁶¹ — был вызван ростом цен на шерсть и сукно в Голландии и Северной Италии. В погоне за прибылью землевладельцы

¹⁵⁹ Kohn H. The Genesis of English Nationalism. P. 24.

¹⁶⁰ Бэйлиф — локальный представитель королевской власти невысокого ранга. Вся страна была разделена на 53 графства (shires), 13 из которых располагались в Уэльсе. Во главе графства находился королевский лорд-лейтенант, в подчинении которого находились шерифы, помощники шерифов и бэйлифы.

¹⁶¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Том I. Время мира. М., 2007. С. 377.

отбирали у крестьян общинные земли и собирали свои разрозненные владения в единые массивы, пригодные для пастбищ. Один пастух приносил больший доход, чем десять человек, занимавшихся земледелием. Руководствуясь такой логикой, землевладельцы всеми силами старались «очистить» свои земли от нерентабельных арендаторов.

Далеко не всегда это происходило насильственным путем. Значительную часть свободных крестьян, в том числе из числа отцов-пилигримов, составляли так называемые копигольдеры. Они владели землей согласно договору с владельцем манора¹⁶². Плата за обновление такого договора постоянно увеличивалась и не была формально чем-либо ограничена, а срок его действия уменьшался. Началась настоящая «революция цен». В результате большое количество людей потеряло земли и оказалось оторванным от своего привычного уклада. В этой связи кажется вполне справедливой фраза исследователя, который писал, что пилигримы с такой легкостью покинули Англию, потому что «там у них ничего не оставалось»¹⁶³.

Огораживания сыграли положительную роль в развитии мануфактурного производства в деревне и способствовали росту городов, однако стали причиной относительной перенаселенности Англии. Перенаселенность была результатом неприспособленности к новой ситуации экономических и социальных механизмов английского общества. В стране

¹⁶² *Laslett P.* The World We Have Lost. New York, 1967. P. 72.

¹⁶³ *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905. P. 403.

появилось значительное количество людей, которые не могли найти работу и средства к существованию.

Перефразируя слова Томаса Мора, овцы не «съели», но «обокрали» людей. На практике это означало колоссальное перенапряжение экономических сил страны. Бывшим сельским жителям приходилось скитаться с места на место в поисках работы или зависеть от благотворительности обеспеченных горожан.

Американский исследователь Генри Мартин Декстер приводит пример небольшого городка Шеффилда¹⁶⁴, в котором в 1615 г. при населении в 2207 человек насчитывалось 725 нищих, существовавших только на пожертвования. При этом собственников, способных делать эти пожертвования, было не более 260, и, кроме нищих, от них зависела примерно половина населения города (включая родственников и слуг). И это была еще достаточно стабильная система, способная на выживание и минимальное воспроизводство. Жестокое законы против бедняков, эпидемии и частые восстания говорят о том, насколько остро ощущался кризис по всей стране¹⁶⁵.

Одновременно с этим джентри, которые, казалось бы, должны были получать преимущества от «революции цен» и торговли шерстью, в реальности чувствовали, что их позиции и даже социальный статус находятся под угрозой со стороны занятых в крупной торговле купцов из больших

¹⁶⁴ Dexter H.M.; Dexter M. *England and Holland of Pilgrims*. Boston, 1905. P. 7.

¹⁶⁵ *Laslett P. The World We Have Lost*. P. 126–128.

городов. Последние происходили и из числа свободных крестьян и из торговых корпораций Лондона и других крупных портов. Младшие сыновья джентри сами все чаще вовлекались в торговлю или финансировали операции в Новом Свете, а торговцы могли покупать земли и даже претендовать на дворянские титулы, которые корона охотно раздавала для того, чтобы покрывать свои расходы¹⁶⁶.

Параллельно с экономическими изменениями шли важные процессы в политической сфере. Происходило формирование национальной идентичности, которая поначалу складывалась из противопоставления англичан своим главным соседям и соперникам — французам и испанцам. Королевская власть была далека от абсолютной и зависела от парламента. Генрих VIII и Елизавета I поддерживали конструктивные отношения с парламентом, но Яков I уже начал в открытую воевать с этим институтом, который препятствовал тому, чтобы у королевской власти появились возможности проводить активную политику.

Английские правители XVII в. жили с мыслями об имперском величии и абсолютной власти, воспитанные на примере Священной Римской империи и Древнего Рима. В действительности короли не могли уговорить своих подданных даже на налоги, необходимые для создания регулярной армии и флота, и были вынуждены полагаться на старинные формы самоуправления¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Rabb T.K. Investment in English Overseas Enterprise, 1575-1630 // The Economic History Review. New Series. 1966. Vol. 19. No. 1. P. 72.

¹⁶⁷ Laslett P. The World We Have Lost. P. 59.

Таким образом, Англия пилигримов — страна, переживающая постоянные изменения, связанные с политической борьбой, перестройкой экономических отношений, религиозными дебатами, которые из-за вовлеченности в них короля приобретали особенную остроту. Ожидание потрясений, ностальгия по прошлому, которое у пуритан приобрело форму ранней христианской церкви, у равнодушных к Реформации джентри — тоску по старой доброй Англии мифических феодальных времен, а у короля мечты об абсолютной власти. Все это переплеталось с процессом английской Реформации.

Ее началом послужил разрыв с католической церковью, произошедший 1530-е гг. при Генрихе VIII. В отличие от континентальной Европы, в Англии этот процесс был инспирирован «сверху», посредством королевского указа и одобрения парламента. Планы Генриха VIII не имели долгосрочного характера — он хотел укрепить свое положение, присвоить церковные богатства и стать человеком, объединяющим светскую и духовную власть. Также это позволяло ему расторгнуть брак с Екатериной Арагонской и жениться на Анне Болейн¹⁶⁸.

Эгоистическое предприятие Генриха принесло больше пользы стране, чем самому королю. Брак с Анной Болейн не продлился долго и закончился трагически. Церковные богатства были распроданы, и в долгосрочной перспективе это подорвало благосостояние короны и ее рычаги влияния на локальные религиозные сообщества, которые могли на правах собственников

¹⁶⁸ *Morgan E.S. Virginians at Home: Family Life in the 18th Century. Williamsburg, 1952. P. 9.*

приходов сами приглашать священников.

Более того, разрешенный перевод Библии на английский язык был воспринят с огромным энтузиазмом не только среди священников и богословов, но и среди простых людей. В книге «Английская Библия и революция XVII века» Кристофер Хилл упоминает о жалобе Генриха VIII парламенту на то, что Библию «обсуждают, рифмуют, поют и бренчат в каждой пивной и таверне»¹⁶⁹. Ключевой текст Средних веков и раннего Нового времени, доступ к которому раньше имели лишь те, кто знал латынь, вдруг стал доступным почти для всех.

Несмотря на подъем народной Реформации, положение самой Англиканской церкви было шатким. Она долгое время не имела четкой идеологической основы, даже символ веры появился не сразу. Эдуард VI за время своего короткого правления (1547–1553 гг.) попытался изменить ситуацию, но распространение Писания и религиозные споры только усилились.

Пришедшая ему на смену Мария Тюдор (1553–1558 гг.) немедленно попыталась провести контрреформацию. Впрочем, возврат к католицизму был обречен на провал. Королева не только не смогла вернуть своих подданных в лоно католической церкви, но своими репрессиями породила первых протестантских мучеников. Несколько сотен человек, представители разных сословий были сожжены на кострах за свои убеждения; рассказы о них, собранные Джоном Фоуксом в «Книгу мучеников» стали еще одной

¹⁶⁹ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. (1993). М., 1998. С. 30.

популярной книгой, которую наравне с дешевыми изданиями Библии переправляли контрабандой из Голландии в Англию¹⁷⁰.

Смерть ненавистной всем королевы Марии не решила проблемы. «Королева-протестантка» Елизавета I была далека от идеи углубления Реформации, для нее важнее было поддерживать консенсус между различными группами своих подданных. Церковь Англии осталась на тех же промежуточных позициях, что и раньше, и они были закреплены в 1563 г. в «39 статьях». Пышная обрядность, сохранение иерархии и епископата сочетались с демонстративным отказом от католицизма.

Проблемы английской церкви лежали не только в области изменчивой внутренней политики и теологической несостоятельности. С разрушением монашества и прекращением контактов с Римом возникла проблема в поддержании церковной жизни как таковой. Священников отчаянно не хватало, а доверие к ним со стороны прихожан часто было низким, так как священнослужители покорно исполняли волю королевской власти. Они вернулись к католицизму во время царствования Марии, а потом даже без формального покаяния стали считаться протестантскими священниками при Елизавете¹⁷¹. В условиях бурной реакции представителей всех сословий на Реформацию, требовалось и более надежное, и более компетентное духовенство.

Священники должны были сочетать образованность, умение толковать

¹⁷⁰ Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии.// Национальная идея в западной Европе в Новое Время / Под. ред. В.С. Бондарчука. М., 2005. С. 19–21.

¹⁷¹ Morgan E.S. Visible Saints. P. 6

Писание и вести проповедь наравне с континентальными протестантскими пасторами, но делать это исключительно в соответствии с генеральной линией, изложенной в «39 статьях» и других предписаниях англиканской церкви¹⁷². Конечно же королевской власти не удалось создать таких идеальных священников.

Вместо этого в ряды священнослужителей попало множество лояльных, но малообразованных людей, обладавших в глазах критиков англиканства низкими моральными качествами и полной неспособностью организовать церковную жизнь и дисциплину своей общины. Благодаря записям доносов на таких пасторов мы можем узнать много и о провинциальной жизни Англии XVII в., и о состоянии ее церкви: «Мистер Левит, пастор в Леден Родинг, известный грубиян, игрок в кости, любитель соколиной охоты, очень легкомысленный человек, у которого есть ребенок от служанки с тех самых пор, как он был возведен в сан», «Джеймс Аллен, викарий в Шопланде... не способен читать проповедь, так как не может прочесть Символ веры ни на латыни, ни на английском, тем не менее был сделан священником вот уже как три или четыре года»¹⁷³.

Таким образом, священники, которые должны были отстаивать авторитет церкви, сами нуждались в контроле и дисциплине и вряд ли могли оказывать влияние на свою паству, тем более что ее отношение к церковным нововведениям часто было неоднозначным. Не только среди аристократов,

¹⁷² *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. P. 72.

¹⁷³ *Morgan E.S.* Visible Saints. P. 8–9.

но и среди простых людей оставалось немало католиков. Северный Ноттингемшир, родина отцов-пилигримов, участвовал в двух католических восстаниях: в «Благодатном паломничестве» 1536–1537 гг. и «Северном восстании» 1569 г. Вполне возможно, что большая часть местной элиты была протестантской лишь во втором поколении, как пишет исследователь Эдвард Арбер, еще дед почтмейстера Брюстера, основателя общины пилигримов, был католиком¹⁷⁴.

Желание церковных иерархов и королевской власти держать под контролем нерадивых священников и паству приводили к появлению все большего числа церковных судов и контролирующих организаций. Церковная жизнь все больше формализовалась для того, чтобы священники не могли отступать от намеченного властью пути, распространялись институты официальных осведомителей и аттестационных комиссий, нередким было и обычное доноительство. Так, на первой публичной проповеди Джона Робинсона, когда он должен был получать лицензию проповедника, присутствовало сразу несколько тайных и явных доносчиков¹⁷⁵.

Политика церковных судов и епископального контроля заключалась в том, чтобы наказывать не игроков в кости, а высокообразованных пасторов, которых возмущало отсутствие свободы в церковной жизни и доставшаяся от католицизма иерархия. Такие священники пополняли число сторонников

¹⁷⁴ The Lives of the Protestant Bishops of the Church of England. Vol. I. Part II. P. 58–63. Цит. по: *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 50.

¹⁷⁵ *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905. P. 55.

углубления Реформации, которых называли пуританами.

Пуританизм зародился среди тех священников и мирян, что бежали на континент от репрессий королевы Марии на континент и обратились к протестантизму напрямую через Кальвина, Цвингли и Бусера¹⁷⁶. Они были знакомы с церковной организацией в протестантских государствах на континенте и нередко получили также первый опыт создания независимых церквей¹⁷⁷. Составляя активное меньшинство в английском обществе, эти люди боролись за обновленную церковь, очищенную от всех признаков католицизма.

Теологическая система пуританизма была не менее зыбкой, чем учение официальной церкви. Пуританские теологи впитал в себя наследие сразу нескольких континентальных течений и содержал в себе элементы как кальвинизма, так и лютеранства, которые в значительной мере переосмыслились островными богословами, а также теми, кто скрывался от преследований в Голландии. Взгляды и церковная практика этих богословов могли сильно отличаться друг от друга в обрядовой части, отношении с церковными властями или в теологических тонкостях. В то же время они имели общую черту — их целью было углубление английской Реформации.

Все пуритане выступали против епископата и считали, что церковные должности должны включать только проповедника, дьякона, старейшину, учителя и никого другого. Между церквями не должно быть иерархии, разве

¹⁷⁶ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 80–81.

¹⁷⁷ Morgan E.S. Visible Saints. P. 5.

что ассамблеи независимых церквей. Позднее, перед самым началом Английской революции, среди пуритан произойдет разделение на пресвитериан, которые считали, что для лучшего поддержания церковной дисциплины должны также существовать синоды с контролирующими полномочиями, и индепендентов, которые придерживались мнения о необходимости полной автономии отдельных общин¹⁷⁸.

Рвение пуритан поддерживало не только осознание неправильности официальной английской Реформации, но и причины социально-экономического характера. Как уже было сказано, государство было заинтересовано в том, чтобы в официальной церкви появилось большое количество способных талантливых священников. Как было показано в исследовании Марка Кертиса «Отчужденные интеллектуалы ранней стюартовской Англии», Оксфорд и Кембридж, столкнувшись во время елизаветинского правления с этим запросом, к началу XVII в. выполнили свою задачу настолько хорошо, что переполнили страну амбициозными молодыми людьми с блестящим образованием¹⁷⁹.

Количество вакантных мест было невелико, приход мог получить скорее лояльный, чем образованный пастор¹⁸⁰. Священникам-интеллектуалам приходилось довольствоваться временными заработками или второстепенными ролями, вроде помощника пастора или лектора. Это вызывало у них желание порвать с системой, которая и в светской и

¹⁷⁸ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. С. 30.

¹⁷⁹ Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past & Present. 1962. No. 23. P. 27.

¹⁸⁰ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 2. P. 174.

духовной своей части связана с большим количеством несправедливостей и злоупотреблений¹⁸¹.

В уменьшении количества вакантных мест для молодых священников были виноваты такие черты англиканской церкви, как «плюрализм» и «нонрезидентство», когда в юрисдикцию одного священника входило сразу несколько приходов, которые он навещал лишь время от времени. Изначально эта система была временным компромиссом из-за нехватки кадров, но со временем она стала раздражающим препятствием для тех, у кого не было влиятельных покровителей, но кто считал себя более подготовленным и компетентным в вопросах проповеди и толкования священных текстов¹⁸².

Таким образом, не только континентальная теология, но и вполне ощутимые материальные проблемы в самой Англии заставляли людей бороться с пороками англиканской церкви. Первоначально пуритане пытались добиться этого законными методами. В 1600 г. был составлен список из 91 пункта с перечислением того, что было неправильным в церкви Англии; среди них — форма литургии и молитв, посты и запрет на бракосочетания в определенное время, пренебрежение проповедями, институт епископата и церковных судов.

Затем последовали и другие петиции и парламентские обращения, споры с англиканскими епископами и богословами. Часто пуритане были

¹⁸¹ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 2. P. 107.

¹⁸² Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625. Oxford, 1988. P. 23.

теми самыми доносчиками, что докладывали о нарушениях провинциального духовенства. Однако королевская власть не желала менять сложившуюся в английской церкви ситуацию. К тому же умеренная Реформация уже стала привычной для широких масс, которые ненавидели папистов, но и не одобряли чрезмерного рвения радикалов, требовавших отмены многих традиционных праздников и обрядов¹⁸³.

Тогда пуритане избрали тактику малых дел и реформ на местах. В провинции, вдали от церковных судов процветали различные направления пуританизма. Все зависело от желаний тех, кому принадлежали приходы, будь это влиятельные аристократы, местные чиновники или простые джентри. Нередко опальные проповедники, у которых не было своих приходов, и епископы отбирали у них лицензию, переходили от одного покровителя к другому¹⁸⁴.

В самом сердце королевства процветал пуританизм. В принадлежавшем купеческим и ремесленным гильдиям лондонского Сити, центральной части города, местные власти, пользуясь практически полной независимостью от короны, насаждали особую форму исповедания, которая значительно отличалась от англиканства и больше тяготела к континентальному кальвинизму¹⁸⁵. Корона была вынуждена мириться с этим. После расправ Марии Кровавой явные преследование отошли в прошлое, все

¹⁸³ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. С. 91.

¹⁸⁴ Collinson P. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. London, 1983. P. 43.

¹⁸⁵ Dillon F. The Pilgrims (1973). New York, 1975. P. 18.

ограничивалось локальными запретами, лишением приходов и штрафами¹⁸⁶.

В 1604 г. на конференции в Хэмптон-кorte Яков I, от которого как от короля пресвитерианской Шотландии все ждали углубления Реформации, отверг петицию пуританских богословов, твердо дал понять, что шотландских порядков в Англии не будет, и начал кампанию преследования неугодных. Большая часть пуритан, среди которых в действительности было немало влиятельных и высокопоставленных лиц, все еще надеялась на то, что им удастся изменить церковь на местах. Но наименее защищенные священники и лекторы и их сторонники миряне испытали настоящее отчаяние от сохранения статус-кво в церкви Англии¹⁸⁷. Нежелание властей идти на компромисс способствовало радикализации протестантского движения.

Такие богословы, как Ричард Фитц и Роберт Броун, пошли дальше в своем осуждении официальной церкви¹⁸⁸. Если умеренные пуритане хотели изменить церковь изнутри, но не думали порывать с ней, то Броун и его сторонники (броунисты) провозгласили, что единственный способ осуществить реформы состоит в том, чтобы порвать с англиканской церковной организацией и создать собственную. Богословы исходили из того, что церковь Англии утратила свою святость, она не может поддерживать религиозную дисциплину¹⁸⁹, обеспечить победу Реформации и

¹⁸⁶ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. С. 90.

¹⁸⁷ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 1 P. 93.

¹⁸⁸ Morgan E.S. Visible Saints. P. 17.

¹⁸⁹ Под **церковной дисциплиной** мы понимаем систему контроля над моральным обликом паствы в религиозных и светских делах. Контролировать поведение в христианстве полагалось через триаду мер:

эффективно управлять паствой. Более того, развивая кальвинистский догмат о предопределении, радикальные пуритане считали необходимым разработать новые принципы организации церкви и создать подлинную «церковь святых»¹⁹⁰.

2. Основные теологические догматы и принципы церковной организации английских радикальных протестантов

В Англии сепаратизм возник во многом благодаря опыту иммиграции времен Марии Кровавой, когда английские диссиденты создавали в изгнании независимые религиозные общины. В большинстве случаев существование этих церквей держалось в секрете, число сторонников было невелико, и часто они были просто временными объединениями энтузиастов. Но в 1580 г. в Норвиче Роберт Броун не только создал независимую церковь, но и осмелился публично защищать свою позицию¹⁹¹. Его можно считать основателем движения сепаратистов, хотя впоследствии Броун отрекся от своего учения и призывал религиозных диссидентов вернуться в лоно англиканской церкви.

Сепаратизм, который создавался благодаря работам многих авторов,

обличение, увещание, отречение. В раннем христианстве, и сектантских общинах эта практика применялась повсеместно, но в католицизме и национальных протестантских церквях принимала более формальный характер.

¹⁹⁰ *Morgan E.S.* Visible Saints. P. 24.

¹⁹¹ *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature New York, 1880. P. 61–128.

нельзя было назвать цельным учением. Скорее, это был особый эмоциональный и интеллектуальный настрой части кембриджских профессоров и духовенства, обучавшегося в этом университете. Они заражали своими идеями паству, но в целом сепаратистские настроения не находили в начале XVII в. большого количества последователей.

Более того, умеренные пуритане осуждали сепаратистов, так как идея разрыва с церковью сводила на нет все попытки обустроить уже существующую церковь. Броунисты обвинялись в чрезмерной гордыне, непатриотичности и в том, что в своем желании приблизиться к чистоте ранних церквей сепаратисты шли на «множество странных и опасных новшеств»¹⁹². И действительно, нововведения, зачастую не связанные уже ни с какой традицией раннего христианства, повсеместно возникали в сепаратистских общинах. Так, конгрегация теолога Джона Смита, бежавшая в Амстердам, отказалась от использования религиозных книг во время службы. Проповедь и молитва должны были идти от сердца. Разрешалось лишь зачитывать отрывок из Ветхого Завета на иврите или Нового Завета на греческом¹⁹³.

В XVII столетии новизна была обвинением, упреком. Какими бы радикальными не были изменения, происходившие в обществе, их агенты всегда заявляли о восстановлении древних прав или возвращении к более надежным старинным практикам, то есть считали себя консерваторами,

¹⁹² *Hooker R.* Of the Laws of Ecclesiastical Polity. (1594) / Ed. Hill W.S. New York, 1993. P. 183.

¹⁹³ *Pagitt E.* Heresiography: or a description of the Hereticks and Sectaries of These Latter Times. London, 1645. P. 60.

борющимися с позднейшими наслоениями. Как утверждал Джон Робинсон, пастор пилигримов, оправдывая отделение от национальной церкви, «мы со своей стороны, так как мы верим в Слово Божье, считаем, что наше учение не новое, а возрождение старой истины»¹⁹⁴.

Но несмотря на эту риторику, сепаратизм в начале XVII в. был невозможен в английской реальности в условиях правления Якова I. Путь сепаратизма становился мученическим путем. Для королевской власти сепаратизм граничил с государственной изменой. Церковь Англии во многом формировала национальную идентичность, понятия церкви и общества были тесно переплетены¹⁹⁵.

Принятие доктрины сепаратизма в любой долгосрочной перспективе означало изгнание. Некоторые общины, такие как конгрегация Джона Смита из Гейнсборо, стремились к изгнанию, в том числе, и потому, что Голландия с ее свободой совести и печати смогла бы удовлетворить писательские амбиции пастора. Конгрегация Скруби покидала страну гораздо менее охотно. Однако перспектива изгнания была неотъемлемой частью идеологии английского сепаратизма¹⁹⁶.

Что же двигало этими людьми, которые верили безработным выпускникам Кембриджа и были готовы вместе с ними претерпеть трудности изгнания и заключения? Вот как Уильям Брэдфорд, губернатор Нового

¹⁹⁴ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 1. P. 43.

¹⁹⁵ Hill D. The English to New England. London, 1975. P. 12.

¹⁹⁶ Dexter H.M. The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature New York, 1880. P. 73; Walker W. The Creeds and Platforms of Congregationalism. New York, 1893. P. 21.

Плимута, описывал зарождение сепаратизма в Ноттингемшире: «На севере страны, как и в других местах, многие просвещены были словом Божиим, познали невежество свое и грехи. Исправились и вступили на путь праведный... Несчастливым житья не стало от церковных судов и чиновников их... пока в свете слова Божьего не прозрели еще глубже истину. Что незаконны не только жалкие и гнусные обряды, но что не должно подчиняться надменной тирании прелатов; ибо такое подчинение противоречит свободе Святого Писания, отягощает совесть человека и вынуждает его в молитвах своих греховно смешивать бога и людей»¹⁹⁷.

Самое важное здесь — постоянная апелляция к личному мнению верующих в противовес традиционным авторитетам. Королевская власть и официальная церковь могут ошибаться и ошибаются как раз потому, что навязывают свою точку зрения тем, кто пришел к истине посредством личного знакомства со священными текстами.

Характеристика сепаратистов удивительным образом совпадает с описанием мировоззрения мучеников времен Марии Кровавой. Вот что пишет о них Е.А. Макарова: «Причина, по которой эти люди сознательно и спокойно шли на смерть, коренилась в их уверенности и способности думать за самих себя. Они не считали себя менее способными, чем другие, читать и понимать Библию и интерпретировать Закон Божий. <...> Целью истинной религии они полагали обеспечить правление Божьего Закона в этом мире»¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М., 1987. С. 30.

¹⁹⁸ Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 19.

Проведение такой параллели отнюдь не случайность¹⁹⁹. Идея мученичества была тем, что объединяло высшие и низшие слои сторонников Реформации. Эта идея была освящена традицией, неразрывно связана с исторической памятью англичан. «Книга мучеников» Джона Фоукса²⁰⁰ была широко известна по всей стране, на нее ориентировался и цитировал Уильям Брэдфорд, истории протестантских мучеников хорошо знали простые люди.

Не в этом ли состояла привлекательность сепаратизма? Он позволял членам общины почувствовать себя борцами за дело протестантизма, и не путем медленных реформ и локальных изменений, которым шла большая часть пуритан²⁰¹, но путем демонстративного и явного отказа от признания господствующей религиозной доктрины. Простые члены общин видели в сепаратизме возможность духовного подвига и самоутверждения в мире, где религия регламентировалась королевскими постановлениями²⁰². Неодобрение со стороны большинства и традиционных авторитетов лишь служило доказательством правильного выбора сепаратистов. Гонения были вписаны в судьбу мученика за веру, они были необходимым испытанием. К тому же если церковь Англии впала в заблуждения и не могла быть спасена, как и утверждали идеологи отделения, то никакие осуждения не могли

¹⁹⁹ Генри Барроу, один из основоположников сепаратизма, также идентифицировал себя как мученика. Долгое время он предпочитал заключение и преследование в Англии изгнанию. Подробнее см.: *Powicke F.J. Henry Barrow, Separatist and the Exiled Church of Amsterdam. London, 1900.*

²⁰⁰ *Fox J. Book of Martyrs, containing an Account of the Sufferings and Death of the Protestant in the Reign of Queen Mary. London, 1563.*

²⁰¹ *Dexter H.M. The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature. P. 23.*

²⁰² *Cushman R. Reason and Considerations Touching the Lawfulness of Removing out of England into the Parts of America. In Mourt's Relation. // Arber E. The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 497.*

восприниматься как заслуживающие доверия и были не более чем дьявольскими ухищрениями²⁰³.

С точки зрения пуританской теологии, идея об отделении от церкви Англии восходила к радикальному восприятию концепции о двух церквях Блаженного Августина²⁰⁴. Он утверждал, что в христианстве существуют две церкви, одна из них является чистой, свободной от греха, но она невидима и представляет собой мистический союз всех людей живых и мертвых, которым уготовано спасение. Другая церковь, земная, является видимой и включает в себя всех, кто исповедует христианство, вне зависимости от их моральных качеств²⁰⁵. Существование видимой церкви необходимо, так как она влияет на мирские дела и питает собой церковь невидимую. Именно эта церковь направляет верующих, поддерживает церковную дисциплину, в ней проводятся молитвы и проповеди, она распространяет христианство и таким образом способствует потенциальному спасению многих. Конечно, в такой всеобъемлющей церкви могут находиться и грешники, к ним следует применять дисциплинарные меры, вплоть до исключения из церкви, которое должно было скорее заставить их задуматься о своих поступках, чем отрезать от возможности спасения. Тем не менее существование греха внутри церкви признавалось неизбежным и не мешало самой церкви оставаться чистой²⁰⁶.

Отношение этих церквей занимало всех английских пуритан. Споры

²⁰³ *Smith J.* The Differences of the Churches of the Seperation. Amsterdam, 1612. P. 28.

²⁰⁴ *Morgan E.S.* Visible Saints. P. 2.

²⁰⁵ *Willis G.G.* Saint Augustine and the Donatist Controversy. London, 1950. P. 11–15.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 22.

раннего христианства вновь были более чем актуальны для людей, которые были свидетелями создания национальной протестантской церкви. Она могла быть шансом привести видимую церковь в большее соответствие с чистотой невидимой. Вместо этого пуританам приходилось терпеть соседство зла в виде злоупотреблений церковных иерархов и плохого морального состояния паствы. Однако стремление изгнать из церкви всех грешников объявлялось грехом гордыни и клеймилось как донатизм, по названию раннехристианских еретиков, оппонентов Августина в споре о церквях²⁰⁷.

Сепаратисты часто подвергались такому обвинению, хотя в действительности их аргументация отличалась от той, что традиционно связывалась с донатизмом²⁰⁸. Английские сепаратисты исходили из того, что англиканская церковь не может считаться церковью как таковой и приводили два главных аргумента. Во-первых, пусть даже и земная, но церковь должна поддерживать церковную дисциплину, наказывать грешников, исключать из общины, не допускать распространение греха²⁰⁹. Англиканство же навязывало себя всем подданным страны и закрывало глаза на нарушения, которые не подрывали основы церковной иерархии.

Во-вторых, следуя распространенной среди пуритан аргументации, сепаратисты утверждали, что церковь — это добровольный союз верующих, которые однажды собрались и решили молиться вместе²¹⁰. Англичане стали

²⁰⁷ *Edwards T.* Gangraena: or A catalogue and discovery of many of the errours, heresies, blasphemies and pernicious practices of the sectaries of this time. London, 1646. P. 28.

²⁰⁸ *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature. P. 57.

²⁰⁹ *Finch M.L.* Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England. New York, 2010. P. 89.

²¹⁰ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 31.

протестантами благодаря королевскому указу, сначала Генриха VIII, а затем Елизаветы I. Ни о каком добровольном союзе не могло быть и речи²¹¹. Хотя некоторые лояльные теологи и утверждали, что такой договор верующих мог иметь место когда-то в прошлом, он не мог считаться правомерным, так как относился к временам католицизма.

Соответственно, все попытки пуритан спасти такую церковь были обречены на провал: невозможно спасти неправильную форму, наполнив ее правильным содержанием. Вместо этого следовало отбросить старую иерархическую церковь, мертвую по своей природе, и создать добровольный союз верующих, заключивших ковенант — договор с Богом²¹².

Такой союз не мог включать слишком большое количество людей, поскольку поддержание дисциплины становилось невозможным, и терялся сам смысл подобной организации. Вместо единой, неуправляемой и подверженной порокам церкви предлагалось создать сеть независимых друг от друга религиозных общин, каждая из которых была бы моделью невидимой церкви Августина, и необходимость в видимой, всегда подверженной порокам церковной организации отпала бы сама собой²¹³.

Главным вопросом для сепаратистов был: кто должен был входить в такую общину? Кальвинистский догмат о предопределении, который разделяли пуритане, заключался в том, что Бог еще до начала времен предопределил одних людей к спасению, а других — к вечному проклятию.

²¹¹ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 1 P. 96–97.

²¹² Ibid. Vol. 2. P. 228.

²¹³ Morgan E.S. Visible Saints. P. 21.

Те, кто достойны спасения, являются таковыми не благодаря своим заслугам, которые ничтожны перед лицом Бога, но исключительно благодаря милосердию Господа, который выбрал этих немногих.

Внешние проявления святости могли дать лишь частичное знание, спасен человек или нет. Зато грешная жизнь или недостаточная дисциплина — верные признаки того, что человек не был избран Богом. Исходя из этой концепции конгрегация сепаратистов пусть и не могла гарантировать спасение, но могла стремиться к тому недостижимому идеалу чистоты, который был у невидимой церкви Бога. Она должна была включать в свои ряды тех, у кого могли быть эти признаки вероятного спасения, и исключать тех, кто этими признаками не обладал²¹⁴.

Руководители сепаратистских церквей стремились каким-то образом воплотить в жизнь эти теологические конструкции. И здесь оказались неизбежны формальности и компромиссы, которые сепаратисты отказывались терпеть в церкви Англии. Если с исключением грешников все было относительно ясно, то при принятии в церковь новых членов видимые знаки и невидимое благословение должны были быть переработаны в какую-то религиозную практику.

Пастор первой амстердамской сепаратистской церкви Фрэнсис Джонсон писал, что никто не должен быть допущен в церковь без того, чтобы добровольно покаяться и подчиниться Слову Господа Иисуса Христа и его

²¹⁴ Ibid. P. 34-35.

божественным установлениям²¹⁵. Впоследствии эта формула дополнилась тщательными расспросами, которым подвергали лидеры церкви новых кандидатов, чтобы выяснить, способен ли потенциальный член церкви на понимание того, в чем кается и в подчинении чему готов оказаться. При этом лидеры сепаратистов не настаивали на том, что таким образом могут заглянуть в сердце человека. Вера оставалась на усмотрение Бога, и сепаратисты, сосредоточенные, казалось, на подлинной святости и подлинном понимании, в действительности обращали внимание лишь на внешние стороны поведения человека. Но это понимание в виде формализованной практики создало уникальную систему церковной дисциплины, оказавшую прямое влияние на создание колоний в Новой Англии.

Как уже было сказано выше, поддержание такой дисциплины считалось одной из главных обязанностей церкви. Англиканские епископы надеялись в этом вопросе на церковные суды и доносчиков, пуритане — на петиции, трактаты и теорию малых дел, сепаратисты же считали, что ее основой является особая система контроля и самоконтроля членов конгрегации.

Центральным элементом этой системы, согласно исследованию Марты Финч «Реальность тела в ранней Новой Англии», было восприятие общины как коллективного тела, которое точно так же, как и тело индивида, требует

²¹⁵ *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature. P. 156.

внимания и может быть изменено посредством воспитания²¹⁶. В то же время и отношение к телу реальному приобретало дополнительные символические значения. Потакание своим страстям затрагивало не только одного члена общины, но и его братьев, с которыми он был связан ковенантом, заключенным всей общиной с Богом.

Джон Робинсон, лидер пилигримов, в своей первой книге «Оправдание отделения от церкви Англии» (*A Justification of Separation from the Church of England*) 1610 г. использует метафору дома, который состоит из «сложенных в правильном порядке и надежно скрепленных кирпичей»²¹⁷. Сепаратисты должны были отделиться, отгородиться от внешнего мира и связать себя узами внутри общины, совершив двойной акт включения и исключения. С одной стороны, перед лицом Бога стать коллективной общностью с братьями по церкви, с другой — отринуть тех, кто оставался за ее пределами.

Общество за пределами общины нужно игнорировать, так как оно представляет угрозу или искушение для внутреннего единения. Единение же включало в себя подробно описанную практику контроля над поведением членов конгрегации²¹⁸. Внешне эта практика представляется как доносительство, вмешательство в частную жизнь и личные отношения, придирки и публичные обсуждения даже незначительных поступков или аспектов поведения. С точки зрения Робинсона, подобное вмешательство

²¹⁶ *Finch M.L.* Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England.

²¹⁷ *The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 2. P. 410.*

²¹⁸ *The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 1. P. 67.*

было необходимо для недопущения греха. Грех не просто пагубен сам по себе, но и разрушает всю церковь, препятствует тому, чтобы видимая церковь шла навстречу невидимой.

Более того, хотя спасения человек достигает индивидуально, его религиозная жизнь не должна быть эгоистична. Человек, закрывающий глаза на прегрешения других, не пытающийся указать на их слабости и ошибки, спасения не достигнет²¹⁹. Грех распространяется подобно болезни от одного к другому. Члены общины должны были отмечать зерна греха не только в себе, но и в ближайших людях, незнание греха других не являлось оправданием сосуществования с ним. Озабоченность состоянием души ближнего своего в англиканстве считалось докучливым вмешательством в частную жизнь, а с точки зрения Робинсона, было необходимостью для нормального функционирования церкви.

Церковь сепаратистов и ее внутренние отношения и взаимодействие с внешним миром вполне укладываются в схему, которую американский историк Ларзер Зифф описал для теократического общества массачусетских пуритан середины XVII столетия: «Общество, сформированное церковным ковенантом, определяется тремя признаками, характерными для типичного сильного общества: принятие в него было трудным; исключение из него (добровольное или путем отлучения) было трудным; и после того, как

²¹⁹ *George T. John Robinson and the English Separatist Tradition*. Georgia, 1982. P. 103.

человек становился членом такого общества, ему было трудно жить свободным от его влияния»²²⁰.

Но при подобной жесткой и продуманной системе контроля, как это ни парадоксально, итогом радикальных воззрений сепаратистов на церковь и дисциплину в Англии и Голландии в большинстве случаев становилось не сильное независимое от внешних влияний общество, а крайне экзальтированные разрозненные секты, в которых часто вспыхивали конфликты на личной или теологической почве. Об этом красноречиво говорят два примера.

Так, в старейшей амстердамской общине сепаратистов-изгнанников из-за почти комического случая разгорелся настоящий конфликт между пастором Фрэнсисом Джонсоном и его братом Джорджем. Еще в Англии Джордж Френсис обвинил жену своего брата в том, что она одевается слишком роскошно для своего статуса. Когда на его замечание не отреагировали, ревнитель благочестия начал писать публичные письма и памфлеты с намеками на вавилонскую блудницу. Френсис Джонсон защищал свою жену от нападок, публикуя контраргументы и эта борьба из-за нарядного платья раздирала общину на протяжении десяти лет²²¹.

Вышеописанное происшествие — наглядный пример религиозной дисциплины, пусть и доведенной до абсурда. Брат проповедника как истинный христианин не мог терпеть того, что, по его мнению, было грехом,

²²⁰ Ziff L. The Social Bond of Church Covenant // American Quarterly. 1958. Vol. 10. No. 4. P. 456.

²²¹ Finch M.L. "Fashions of Worldly Dames": Separatist Discourses of Dress in Early Modern London, Amsterdam, and Plymouth Colony // Church History. 2005. Vol. 74. No. 3. P. 494–496.

он считал своей обязанностью не закрывать глаза на «нарушение». Но результатом стал порочащий церковную общину скандал.

В другом случае пастор Джон Смит разрушил свою конгрегацию из-за своих теологических размышлений. Смит заявил, что не только крещение в раннем детстве, когда человек не может еще показать свою веру и «понимание» (важная категория для религиозных диссидентов) принципов, на которых строится церковь, не соответствует истинному христианству, но вообще за столетия ложной веры сначала в римской, а затем и в англиканской церкви крещение потеряло свое истинное значение и превратилось в пустую форму²²². Единственным способом возродить христианство, по мнению Смита, было учредить церковь заново, принять новое крещение, основанное на протестантских принципах²²³. Однако, поскольку в мире не существовало ни одного человека, крещенного правильно, единственным выходом было крестить самого себя, что Смит и сделал вместе с немногочисленной группой сторонников.

Для остальных сепаратистов это стало шоком, причем настолько сильным, что в работах Брэдфорда факт самокрещения замалчивается. В «Истории поселения в Плимуте» он пишет, что Смит «и друзья его не поладили с церковной общиной <...> примирить их нет никакой возможности»²²⁴. Большинство сепаратистов, бежавших вместе со Смитом из Гейнсборо, не приняли идеи своего бывшего пастора. Последствия для

²²² *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature. P. 204.

²²³ *Morgan E.S.* Visible Saints. P. 27.

²²⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 35.

сепаратистских церквей оказались самые плачевные. Смит и его сторонники присоединились к одной из голландских деноминаций, а старая и новая сепаратистские церкви раскололись на несколько сект, ведущих постоянную полемику друг с другом²²⁵.

Нонконформизм, возведенный в культ, нетерпимость к порокам других, неспособность договорить и найти компромисс — именно эти черты отличали значительную часть сепаратистских общин, появившихся на рубеже XVI–XVII вв. Тем не менее отцы-пилигримы демонстрировали нам совершенно другие качества. Несмотря на все трудности в Англии, Голландии и Новой Англии, лидеры общины сохраняли согласие, она не разделялась на враждующие фракции, и в своей теологии конгрегация из Скруби всегда держалась «золотой середины». Их история может пролить свет на обстоятельство, благодаря которому это единство удалось поддержать.

3. Путь отцов-пилигримов:

от сельской общины к колониальному предприятию

Сепаратистская община отцов-пилигримов сформировалась около 1602 г. в деревне Скруби графства Ноттингемшир²²⁶. Этот регион всегда представлял проблему для официальной церковной политики. В середине XVI в. здесь проходили католические восстания, а к началу XVII в.,

²²⁵ *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim. Oxford, 1971. P. 117.

²²⁶ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 28.

парадоксальным образом Ноттингемпшир стал оплотом сепаратизма²²⁷. За несколько лет до того, как конгрегация из Скруби окончательно объявила о своем отделении от Церкви Англии, пастор Джон Смит основал общину из жителей города Гейнсборо и тоже покинул Англию ради свободы вероисповедания в Амстердаме.

Скорее всего, радикальная версия пуританизма прижилась в Скруби в результате определенного духовного вакуума, потребности людей в чем-то большем, чем официальная церковь. Наиболее влиятельный местный пуританский проповедник Ричард Бернارد, требовавший дальнейшего углубления Реформации и собиравший на свои проповеди людей со всей округи (его приход в деревне Воркшоп находился на расстоянии десяти миль от Скруби), после обвинения в расхождении с официальной церковью и угрозы отставки переменял свои убеждения²²⁸.

Его обширная паства нуждалась в новом проповеднике радикальной Реформации, и им стал Ричард Клифтон, который занимал свой пост в деревне Бэбфорт с 1598 г. и сразу проявил себя как сторонник радикального пуританизма²²⁹. Тем не менее община Скруби сформировалась не столько вокруг харизматичных проповедников (они могли, как мы видим, меняться), сколько вокруг своего светского лидера — Уильяма Брюстера.

²²⁷ *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905. P. 380.

²²⁸ *Ibid.* P. 378.

²²⁹ По крайней мере, известно, насколько важны были проповеди Клифтона для всей округи. Молодой Уильям Брэдфорд живший на тот момент в Остерфельде проходил много миль пешком для того, чтобы послушать его проповеди. См.: *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 66.

Он родился около 1563 г.²³⁰ в семье почтмейстера и бэйлифа Ричарда Брюстера, человека уважаемого и влиятельного, так как кроме выполнения административных обязанностей он собирал налоги для архиепископа Йоркского. В 1580 г. Уильям поступил в Кембридж в колледж Св. Петра, где «овладел языком латинским, ознакомился несколько и с греческим и воспринял первые семена добродетели и благодати божией»²³¹ (джентри обычно не дожидались получения ученой степени), после чего поступил на службу к Уильяму Дэвидсону, придворному и дипломату.

Участие в дипломатической миссии в Соединенных Провинциях было многообещающим началом, но опала покровителя положила конец карьере Брюстера²³². Ему не оставалось ничего, кроме как вернуться в родной дом и унаследовать дело отца, что дало молодому человеку значительные для провинциальной Англии финансовые возможности²³³. Тем не менее университетские годы и жизнь в Голландии в условиях религиозной свободы не прошли для Брюстера даром. Сразу по возвращении и вступлении в свою должность он «много сделал <...> для распространения истинной веры»²³⁴, пригласив в 1602 г. Ричарда Клиффтона, а в 1604 — Джона Робинсона в качестве проповедников. Брюстер также обеспечивал безопасность ранних

²³⁰ В 1643 г. когда Брюстер скончался, губернатор Брэдфорд написал о том, что «было ему около восьмидесяти лет (если не более)». *Bradford W. William Brewster Memorial. Cit.: Young A. Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. Massachusetts, 1844. P. 459.*

²³¹ *Bradford W. William Brewster Memorial. Cit.: Young A. Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. P. 459.*

²³² *Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims. P. 312-314.*

²³³ В 1605 г. его зарплата почтмейстера повысилась с 20 пенсов до 2 шиллингов в день. *Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims. P. 328.*

²³⁴ *Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 301.*

сепаратистских собраний, которые проходили в поместье епископа²³⁵.

Оба приглашенных пастора, как и их покровитель, учились в Кембридже и сразу же после получения ученой степени, в полном соответствии с теорией «отчужденных интеллектуалов», пошли по пути разрыва с официальной церковной позицией. Молодой Робинсон сделал это в первые годы своей карьеры священнослужителя: едва получив должность помощника пастора в Норвиче, он отказался присягнуть «Книге канонов» (Book of Canons) и стал вольным лектором, которому приходилось переходить с места на место без постоянного источника дохода²³⁶.

Поведение Уильяма Брюстера также можно объяснить при помощи теории о «перепроизводстве» университетами молодых интеллектуалов. Изучение древних языков, права, античной истории, память о елизаветинских временах, когда война с Испанией позволяла сделать головокружительную карьеру, заставляло многих молодых джентри и чиновников чувствовать себя обделенными в стюартовской Англии.

Пусть Брэдфорд и пишет о том, что Брюстер «был скромн, смиренн и миролюбив» и «склонен недооценивать себя и способности свои, а чужие порою переоценивать»²³⁷, однако после того, как в молодости сыну почтмейстера доверяли важные дипломатические поручения и хранение ключей от городов-заложников во время переговоров²³⁸, возвращение в

²³⁵ Там же. С. 302.

²³⁶ Brachlow S. John Robinson and the Lure of Separatism in Pre-Revolutionary England // Church History. 1981. Vol. 50. No. 3. P. 290.

²³⁷ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 303.

²³⁸ Это происходило во время переговоров между Испанией и Соединенными Провинциями, в которых

Скруби могло быть воспринято им как шаг назад.

Брюстер, несомненно, был крайне амбициозным человеком, но раннее Новое время имело свои специфические формы удовлетворения амбиций, весьма схожие со средневековыми²³⁹. Можно сделать предположение, что сепаратизм мог привлечь несостоявшегося дипломата глобальностью задачи, возможностью духовного подвига, но также и подсознательным желанием возвыситься над другими людьми. Стремление к исключительности, очевидно, будет преследовать Брюстера всю жизнь, так как он будет одним из немногих лидеров изначальной конгрегации, кто согласится на переезд из Голландии в Новый Свет.

О рядовых членах общины нам известно гораздо меньше. Споры вызывает даже ее численность, но, скорее всего, можно говорить о 100-150 членах, из которых более 40 составляли мужчины, главы семей²⁴⁰. Правовой и имущественный статус этих семей также вызывает вопросы. Брэдфорд пишет об этом только то, что члены конгрегации «не были знакомы с ремеслами и торговлей... а знали лишь простую сельскую жизнь и безгрешный труд земледельца»²⁴¹.

Большая часть пилигримов, насколько позволяют судить данные

королева Елизавета выступала посредницей. Пропажа символических ключей могла привести к серьезным международным осложнениям, а то, что такое было возможно, наглядно демонстрируют меры безопасности принятые Брюстером. См.: Governor Bradford's Memoir of Elder Brewster // *Young A. Chronicles of Pilgrim Fathers*. P. 463–464.

²³⁹См. подробнее: *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988. С. 195–197.

²⁴⁰*Dillon F.* The Pilgrims. New York, 1976. P. 86.

²⁴¹*Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 32.

источников²⁴², принадлежали к йоменам, свободным крестьянам, не связанным зависимостью по отношению к владельцам маноров²⁴³. Именно они и могли быть названы земледельцами в полной мере: кроме имущественного ценза в пять фунтов их положение было связано с владением земель. Впрочем, по отношению к йоменам любые обобщения будут ошибочны, так как в зависимости от регионов и даже от отдельных домовладений уровень жизни представителей этого сословия мог сильно различаться²⁴⁴.

Однако экономические обстоятельства, описываемые Брэдфордом, не совсем соответствовали действительности. Если жители Скруби и не занимались ремеслами как единственными источником своего дохода, то они наверняка посвящали им часть своего времени, поскольку в этот момент в Англии было распространено производство сукна на дому, а в Голландии члены конгрегации нашли себя в самых разнообразных ремеслах. Да и родители Уильяма Брэдфорда были весьма состоятельными людьми и занимались торговлей²⁴⁵. Принижение и упрощение членов общины было одним из главных риторических приемов хроникера Нового Плимута, которому не во всем следует доверять.

В вопросе о причинах и обстоятельствах отъезда отцов-пилигримов из Англии, следует, помня о том, что изгнание было фактически заложено в

²⁴² *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. P. 261.

²⁴³ *Usher R.G.* Pilgrims and Their History. New York, 1918. P. 48.

²⁴⁴ *Bridenbaugh C.* Vexed and Troubled Englishmen. (1967). London; New York, 1976. P. 54.

²⁴⁵ *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. P. 388.

идеологию сепаратистского учения, разделять факторы, относящиеся непосредственно к общине и к обстановке в Англии в целом. Первые связаны с тем, что про-пуритански настроенный архиепископ Йоркский Мэтью Хаттон, для которого Брюстер собирал налоги и в чьей резиденции собирались сепаратисты, умер, и его сменил в 1606 г. сторонник короля Тобиас Мэтью. Не собираясь мириться с существованием опасной секты прямо в центре своего диоцеза, он начал кампанию по травле пилигримов²⁴⁶.

Как пишет Брэдфорд, «отовсюду подвергались они преследованиям, рядом с которыми прежние невзгоды казались не более чем укусами блох. Некоторых заключили в тюрьму, других днем и ночью осаждали в собственных жилищах... и большинство вынуждено было бежать, покинув дом и средства к существованию»²⁴⁷. Сохранились судебные записи, из которых видно, что Брюстер в 1607 г. несколько раз был оштрафован на весьма значительные суммы, а незадолго до этого его отстранили от должности²⁴⁸. Это напрямую подтолкнуло общину к бегству: «...видя, как теснят их и нет надежды, что дадут им здесь жить, члены общины сообща решили перебраться в Нидерланды...»²⁴⁹.

Параллельно с этим обстановка в стране благоприятствовала бегству. В 1604 г. стало понятно, что углубления Реформации не будет. Король Яков I

²⁴⁶ The University of Nottingham's Manuscripts and Special Collections. Nonconformist church records [Электронный ресурс] // The University of Nottingham [Официальный сайт] URL: <http://www.nottingham.ac.uk/manuscriptsandspecialcollections/collectionsindepth/archdeaconry/introduction.aspx> (дата обращения: 09.09.2014).

²⁴⁷ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 31.

²⁴⁸ Документы представлены в работе: Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims.

²⁴⁹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 31.

разогнал парламент, после того как не добился разрешения увеличить налоги²⁵⁰. Это означало рост косвенных налогов (ведь прямые налоги находились в юрисдикции парламента), но также и потерю возможности сторонников пуритан в парламенте влиять на дела королевства.

Указанные события наложились на череду суровых неурожаев, что вызвало повсеместный голод, который в первую очередь ударял по наименее защищенным слоям²⁵¹. Но проблемы голода ложились и на средние слои, которые были вынуждены тратить больше средств на благотворительность, налоги, в конце концов, на собственную безопасность.

Переезд в Голландию должен был не только дать возможность создать открытую религиозную общину, но и решить возникшие в связи с неблагоприятной экономической конъюнктурой финансовые проблемы. Мэтью Рэн, епископ Норвича, во время революции, отвечая на обвинения пуритан в том, что он заставил многих жителей своего диоцеза покинуть страну, говорил о том, что большая часть из них покинула Англию по экономическим причинам, так как в Голландии платили больше²⁵². Последняя символизировала собой свободу, в том числе и экономическую.

Это сознавали и пилигримы. Брэдфорд упоминает, что в Голландии «жизнь была дорогая», и переселение туда было сопряжено со многими трудностями, так как жители Скруби «не были знакомы с ремеслами и

²⁵⁰ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. (1905). М., 2001. С. 172.

²⁵¹ Монтари М. Голод и изобилие. Пер с ит.: А. Миролубовой. СПб., 2009. С. 94.

²⁵² Cressy D. Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1987. P. 89.

торговлей»²⁵³. Если пилигримы понимали трудности, связанные с проживанием в Голландии, то они должны были понимать и преимущества жизни в самой развитой на тот момент стране мира. Фернан Бродель писал, что «...взлет голландской экономики призывал, требовал иностранцев, отчасти он сам был их созданием». Обычно иммигранты довольствовались самыми непритязательными ремеслами, но, как говорил один голландец в 1662 г., «тот, кто хочет в Голландии работать, не может умереть с голоду... И нет таких, кто не зарабатывал бы по пол-экю в день ...»²⁵⁴.

Уильям Брэдфорд описал первые впечатления английских сепаратистов от Соединенных Провинций следующим образом: «Увидели они множество отличных укрепленных городов, обнесенных крепкими стенами и охраняемых вооруженной стражей. А также слышали незнакомый, неблагозвучный язык и увидели иные нравы и обычаи, равно как и непривычную для них одежду; и так все это разнилось от простых сельских мест (где они выросли и столь долго жили), что они словно очутились в другом мире»²⁵⁵.

Переселение в другую страну переживалось жителями Скруби как символическая смерть²⁵⁶, которую переживали изгнанники, пострадавшие за веру. Это подтверждает оговорка Брэдфорда о «другом мире». Иные нравы и

²⁵³ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 32.

²⁵⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. I. Время мира. Пер. Афанасьева Ю.Н. М., 2007. С. 182–183.

²⁵⁵ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 35.

²⁵⁶ Breslow M.A. A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618–1640). Amherst, 1970. P. 97.

обычаи, непривычный язык и сам ритм городской жизни воспринимались Брэдфордом и другими сепаратистами гораздо болезненнее, чем «безлюдные» просторы Северной Америки, куда они переселились впоследствии. Тем более что сразу по прибытии в столицу Соединенных Провинций сепаратисты из Скруби столкнулись с серьезными экономическими трудностями.

Несмотря на высокие заработки и постоянную потребность Амстердама в рабочей силе, нищета была повсеместным явлением из-за отсутствия у большинства людей постоянной занятости²⁵⁷ и высоких цен на питание и жилье. Брэдфорд так описывает этот период в жизни конгрегации: «Кроме цветущих городов, обильных всяким богатством, предстал им скоро угрюмый, страшный лик нищеты, наступавшей на них подобно вооруженному врагу, с которым надо сразиться, а бежать некуда»²⁵⁸.

Отношения с другими протестантскими и сепаратистскими общинами английских изгнанников также оказались проблемой для пилигримов. Пока конгрегация находилась в Англии, идеологические послышки сепаратистов были совершенно ясны как для лидеров, так и для рядовых членов²⁵⁹. Существовал ясный образ врага в лице церковных судов англиканской церкви, при этом был и ближайший круг сторонников сепаратизма и идей,

²⁵⁷ Фернан Бродель писал об этом характерном для амстердамских низов явлении: «В самом деле, опасность сравнительно высокой заработной платы заключена в том, что я, когда моя жизнь бедняка обеспечена, могу позволить себе роскошь не работать постоянно». Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.* Т. 3. С. 184. Можно предположить, что подобные условия найма и оплаты труда были выгодны работодателям.

²⁵⁸ Брэдфорд У. *История поселения в Плимуте*. С. 35.

²⁵⁹ Carroll J. *Puritan, Paranoid, Remissive. A Sociology of Modern Culture*. London; Boston, 1977. P. 24.

близких к радикальной Реформации.

В мировоззрении пилигримов ключевую роль играли простейшие координаты, наличие «своих» и «чужих». При этом сложности в отношениях между различными учениями и даже трактовками этих учений не имела большого значения перед лицом общего врага — англиканской церкви. В Голландии простые и ясные бинарные установки английского пуританизма сменились бурной жизнью разнообразных движений и сект Амстердама, в которой сепаратисты Скруби боялись раствориться.

Между сепаратистскими общинами, старой, возглавляемой Фрэнсисом Джонсоном, и новой, чьим лидером был Джон Смит, разгорелись жаркие споры. Они были вызваны необходимостью ясно сформулировать принципы церковной организации и отличие сепаратистов от других сект. На этом фоне конгрегация Скруби могла сохранить единство, лишь полностью изолировав себя от этой полемики. Пилигримы под руководством Робинсона и Брюстера «сочли за благо удалиться, прежде чем быть в эти раздоры втянутыми»²⁶⁰ в Лейден.

Еще одной причиной для переезда в Лейден стала возможность найти постоянный источник дохода. Хотя Брэдфорд и утверждал, что этот город «не имея в отличие от Амстердама морской торговли... менее мог доставить средств к существованию»²⁶¹, но именно в Лейдене пилигримы нашли свое место в производстве текстиля (Брэдфорд, например, занялся изготовлением

²⁶⁰ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 36.

²⁶¹ Там же.

бумазеи)²⁶². Руководители конгрегации также смогли удовлетворить, пусть и частично, свои амбиции. Робинсон преподавал в знаменитом Лейденском университете трижды в неделю, а Брюстер занялся книгопечатанием, издавая запрещенные в Англии религиозные книги²⁶³.

Одновременно с этим, добившись финансовой независимости, сепаратисты в Лейдене все больше подвергались воздействию той среды, в которой находились. В конце концов именно страх перед этим воздействием сыграл свою роль в принятии решения об очередном бегстве. Однако до определенного момента влияние Соединенных Провинций осознавалось будущими колонистами и плодотворно ими использовалось. Иногда оно было явным. Так, в отсутствие пастора в Новом Плимуте стали заключаться светские браки, что соответствовало традициям Голландии. Иногда же это влияние ощущалось не так заметно и было связано с тем образом жизни, который вели пилигримы в этой стране. Вместо изгнанников из сельской Англии они все больше превращались в респектабельных горожан.

В Лейдене пилигримы получили правовой статус горожан²⁶⁴. В 1611 г. они приобрели помещение для собраний и молитв. Также произошло разграничение в обязанностях между лидерами конгрегации, что было

²⁶² *Langdon G.D.* Pilgrim Colony: A History of New Plymouth 1620–1691. London, 1966. P.7.

²⁶³ *Брэдфорд У.* Указ. соч. С. 302.

²⁶⁴ В Лейдене существовало несколько книг для регистрации браков, рождения детей и похорон. Одни предназначались для тех, кто принадлежал к «государственной» (кальвинистской) церкви. Другие для иных деноминаций. Благодаря тому, что в городе было не так много англичан, исследователям архивов было нетрудно проследить судьбу пилигримов; в тех случаях, когда это было возможно, все взаимоотношения пилигримов с магистратом. Все члены конгрегации стали гражданами и все они были приписаны в категорию «иных деноминаций», что, впрочем, никак не ущемляло их права. Перечень и выдержки из книг: *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. P. 502–504.

связано с опытом проживания в Амстердаме. Клифтон перестал участвовать в жизни общины и остался со старой церковью продолжать полемику со Смитом, и преподобный Робинсон взял на себя обязанности пастора и теолога. Он проводил молитвы, собрания по обсуждению Писания, а также «умел <...> мудро наставить в делах житейских и предвидеть опасности и трудности»²⁶⁵. Это означало, что именно Робинсон занимался поддержанием дисциплины, теоретиком которой был.

Улучшение положения сепаратистской церкви сочеталась с экономическим ростом Лейдена. С 1610 г. в городе происходит бурное строительство, возводятся новые стены, растет количество каменных домов. Пилигримы не остались в стороне от этого процесса. Если в 1609 г. Брюстер был вынужден снимать жилье в бедном квартале *Stink-Steg*, то через некоторое время он уже жил в центре города, рядом с церковью Св. Урсулы²⁶⁶. Брэдфорд пишет о процветании типографии Брюстера: «поскольку многие книги не дозволены были к печати в Англии, то заказов имели они больше, чем могли выполнить»²⁶⁷.

Тем не менее это относительное благополучие не удержало общину от подготовки к переселению в Новый Свет. Так заканчивает Уильям Брэдфорд описание жизни конгрегации в Лейдене: «Когда прожили мы в том городе лет 11 или 12 (<...> то были как раз годы перемирия между Нидерландами и испанцами), и уже не один из нас был похищен смертью... мудрые наши

²⁶⁵ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 36.

²⁶⁶ Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims. P. 506.

²⁶⁷ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 302.

руководители и мудрейшие из членов общины задумались над опасностями, настоящими и грядущими, и над тем, как бы своевременно их избежать»²⁶⁸.

Вот какие причины для переселения приводит Брэдфорд. То, что он так подробно и последовательно их излагает, в отличие, например, от объяснения бегства из Англии, говорит о том, что предприятие, которое задумали пилигримы, было крайне необычным для своего времени:

1. «Опыт показал, сколь тяжела тамошняя (голландская. — *К.С.*) жизнь, и что немного найдется охотников к нам присоединиться, а еще меньше будет тех, кто эту жизнь вынесет и с нами останется».

2. «Ко многим из нас подкралась старость... и можно было не только предположить, но и ясно видеть, что еще через несколько лет люди поневоле разбредутся или же падут под непосильной ношей».

3. «Многие... дети... увлекаемые примером тамошней развращенной молодежи и многочисленными соблазнами города, вступали на гибельный путь... Одни вербовались в солдаты, другие уходили в дальнее плавание, а кто... предавался распутству и губил свои души... Оказывалось, что потомству нашему грозит духовная погибель и вырождение».

4. «Истек 12-летний срок перемирия, и барабанный бой предвещает войну (с Испанией. — *К.С.*), коей исход всегда бывает неясен».

5. «Последней (но не менее важной) из причин были воодушевлявшие нас надежда и стремление заложить основу или хоть первые сделать к тому шаги для распространения Евангелия и проповеди царства Христова в

²⁶⁸ Там же. С. 39.

далеких странах»²⁶⁹.

В описании Брэдфордом последствий тяжелого труда для членов конгрегации необходимо отметить важную деталь. Экономические трудности в интерпретации автора страшны не сами по себе, но лишь в качестве препятствия для развития общины. Лейденская конгрегация, защищенная от раздоров и обладавшая большим моральным авторитетом благодаря Робинсону и Брюстеру, стремилась стать центром притяжения для всех сепаратистов²⁷⁰. Однако, как признавал сам Брэдфорд, ни члены амстердамских сект, ни новые иммигранты из Англии не стремились присоединиться к конгрегации. Более того, многие из тех, кто покинул Британские острова ради религиозной свободы, возвращались на родину, не найдя жизненные условия пилигримов подходящими²⁷¹. С присущей им смесью прагматизма и идеализма лидеры конгрегации рассуждали, что «более благоприятное место жительства устранил эти опасения и многих... привлечет»²⁷².

Руководители общины осознали, что в Нидерландах загнали себя в тупик. Построить из людей здание новой церкви становилось все сложнее, «кирпичи» разбегались, старели и умирали. Раствориться в голландском обществе было равносильно смерти, смерти их духовного и социального единства и независимости, присоединиться к какой-либо крупной

²⁶⁹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 39–42.

²⁷⁰ Morton N. New England's Memorial. (1669). Boston, 1826. P. 74.

²⁷¹ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 39.

²⁷² Там же.

религиозной конгрегации не позволяли амбиции Робинсона и Брюстера. Оказалось, что не только репрессивная атмосфера сельской Англии не подходит для радикально нового проекта сепаратистов из Скруби, но и Голландия не может предоставить ничего для укрепления дисциплины и единства²⁷³.

Переселение в Новый Свет могло предоставить эти возможности, удовлетворить амбиции лидеров конгрегации. Оно могло бы, и это крайне важно понять, придать сепаратистской церкви подлинно уникальный статус. Она бы существовала уже не в качестве одной из изгнаннических протестантских сект, но в качестве общины, являющейся примером для остальных, общины, которая заложила бы «основу для распространения Евангелия и проповеди царства Христова». К тому же, если ранее согласно своим дихотомическим установкам пилигримы противопоставляли себя сначала соотечественникам, а затем собратьям по вере, то в Новом Свете пилигримы могли найти подлинных «других» — дикарей, которые «рыщут <...> наподобие лесных зверей»²⁷⁴, и быть среди них единственными «цивилизованными людьми», представителями христианского мира.

Решение о переселении в Америку сопровождалось изменением в теологических построениях Робинсона, которые стали разительно отличаться от риторики радикального разрыва с английской церковью. Тому было несколько причин.

²⁷³ *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. P. 305.

²⁷⁴ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 40.

Чтобы получить финансирование от английских купцов и английскую же королевскую хартию, членам конгрегации пришлось объяснять, что их взгляды не так уж радикальны и, главное, совсем не опасны для английской власти. К тому же довольно скоро стало известно, что на борту корабля и в будущем поселении буду «чужаки» — колонисты-англикане.

В то время как агенты конгрегации настаивали, что их церковь ничуть не отличается от других кальвинистских общин, Робинсон, человек, который писал, что не может называть членов церкви Англии братьями, так как это означало бы назвать братом также «и ведьму и атеиста»²⁷⁵, пишет в 1614 г. трактат «О религиозном исповедании», где допускает возможность причастия и проведения других религиозных обрядов вместе с членами церкви Англии²⁷⁶. Подобная уступка позволила бы колонистам-сепаратистам уживаться в религиозных вопросах с англиканскими колонистами. Однако взгляды Робинсона пошли еще дальше, о чем свидетельствует не опубликованный до смерти пастора другой трактат, «О законности слушания службы в церкви Англии», где, как следует из названия, участие сепаратистов в жизни официальной церкви расширяется еще больше²⁷⁷.

Исследователь Эдвард Арбер приводит цитату одного из амстердамских сепаратистов о лейденской конгрегации как о «невежественных идиотах, упрямых собаках <...> и зловердных

²⁷⁵ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 2. London, 1851. P. 76.

²⁷⁶ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 3. London, 1851. P. 353.

²⁷⁷ George T. John Robinson and the English Separatist Tradition. P. 69.

макиавеллистах»²⁷⁸, цитату мы сократили, чтобы не утруждать читателя всем списком красноречивых религиозных ругательств XVII столетия. Тут интересно обвинение в макиавеллизме, которое отличается от других. Это обвинение в отсутствии моральных принципов в политике, не даром осуждение Макиавелли — общее место в XVII веке, даже для тех, кто его не читал. Оно связано с тем, что в глазах других английских сепаратистов, конгрегация из Скруби пошла на сознательные уступки для того, чтобы получить королевскую хартию на переселение, и эти уступки Робинсон не постыдился обосновать в своих теологических трактатах.

Тем не менее на изменение взглядов Робинсона повлияла и реальная практика свободной религиозной жизни в Голландии. Он наблюдал за тем, как полная религиозная свобода развращает английских сепаратистов, приводит к раздорам и взаимным отлучениям. Как уже говорилось, один из сепаратистских идеологов, Джон Смит, стал анабаптистом, расколов амстердамскую конгрегацию. Пусть и в мягкой форме, споры откололи от конгрегации из Скруби Ричарда Клиффтона. Робинсон пришел к более умеренной, взвешенной трактовке религиозной дисциплины, при которой стремление к самосовершенствованию и изменению других не разваливали общину до основания.

Это изменение демонстрирует «Послание», которое Робинсон произнес перед отплытием конгрегации из Голландии²⁷⁹. Сам он остался с голландской

²⁷⁸ *Arber E.* The Story of the Pilgrim Fathers. P. 214.

²⁷⁹ Правда, об этом факте не упоминает в своей «Истории» Брэдфорд, а сам текст был найден позднее в середине XVII в. Быть может, мы имеем дело с более поздним посланием, но авторство Робинсона среди

частью общины, скорее всего, потому, что без него она могла бы совсем развалиться. Пастор раскритиковал и лютеран, и кальвинистов за то, что они ограничены и не могут выйти за рамки учения своих основателей, в то время как Робинсону было очевидно, что Бог еще не открыл людям всего и может это сделать еще не известным доселе способом²⁸⁰. Практическое значение этих слов заключалось в том, что отцы-пилигримы должны с уважением и пониманием относиться к своим попутчикам-несепаратистам, принять англиканского священника и жить в Новом Свете в согласии с королевской властью.

В этом обращении Робинсон не только призывает к компромиссу, но и пытается подготовить свою паству к пониманию, что, оказавшись в Новом Свете в нестандартной ситуации, они должны быть готовы адаптироваться к новым условиям. Это действительно редкое для XVII в. рассуждение о важности эмпирического опыта и соотнесении теории и практики.

В работах историков XIX в. отъезд пилигримов в Новую Англию часто представляли как результат предопределения, прямой путь, который сепаратисты проделали из деревни Скруби к Новому Плимуту. В действительности планы лидеров конгрегации постоянно менялись, они пытались вести переговоры сразу с несколькими акционерными компаниями, иногда параллельно. Да и описания Брэдфорда показывают, что конкретное

специалистов не отрицается. *Fenn W.W.* John Robinson's Farewell Address // *The Harvard Theological Review*. 1920. Vol. 13. No. 3. P. 236–251.

²⁸⁰ *Winslow E.* Robinson's Farewell Address to the Pilgrims upon their Departure from Holland, 1620. The Account by Edward Winslow in his "Hypocrisie Unmasked". Boston, 1646.

место не имело для пилигримов большого значения: «Местность, какую имели мы в виду, была которая-нибудь из обширных и безлюдных просторов Америки, плодородных и пригодных для жилья»²⁸¹.

Во время своих поисков сепаратисты рассматривали проект английской Гвианы, голландские Новые Нидерланды и возможность поселиться в английских владениях одной из двух Виргинских компаний. Они активно читали литературу о колонизации и благодаря ней познакомились с основными представлениями о целях и способах освоения Нового Света.

В этом контексте интересно чтение пилигримов, связанное с проектом переселения в Гвиану, который предлагали «именитые»²⁸², как называл их Брэдфорд, покровители пилигримов из Англии. Это, прежде всего, отчет капитана Роберта Харкурта о экспедиции 1609–10 гг.²⁸³ Книга Харкурта, которая дала различным акционерным компаниям надежду на освоение Южной Америки, содержала много практической и достоверной информации, а также большое количество идей, как нужно осуществлять колонизацию Америки, вести отношения с коренными жителями и организовывать внутреннюю жизнь колонии²⁸⁴.

²⁸¹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 40.

²⁸² Там же. Скорее всего, здесь подразумеваются влиятельные друзья конгрегации в Англии, а также те сторонники сепаратистов, которые пытались жить в Голландии, но под давлением обстоятельств возвращались на родину. Тогда становится ясно заявление Брэдфорда о том, что после того, как приняли решение о Новой Англии, «некоторые из живших в Англии ехать раздумали», в том числе и потому, что «не была выбрана Гвиана». См.: Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 54.

²⁸³ Harcourt R. A Relation of a Voyage to Guiana. (London, 1613). Boston, 1926. P. 56–61.

²⁸⁴ Харкурт, однако, намеренно подтверждает некоторые моменты из книги Рэйли, чтобы его собственный отчет выглядел авторитетнее. Так, когда отряд Харкурта прибыл в одно из индейских поселений, местные жители немедленно спросили его, когда же к ним вернется Уолтер Рэйли, хотя сопоставив маршруты двух путешественников исследователи пришли к выводу, что они побывали в разных концах этого региона.

В частности, Харкорт, описывая коренных жителей, которые побывали в Англии (в качестве диковинок их увозили во время экспедиций) и, вернувшись, служили переводчиками, подчеркивает важность использования таких посредников и вообще добрососедских отношений с коренными жителями в виде добровольных союзов²⁸⁵. В целом эти идеи были характерны для дворянского, королевского понимания колонизации, и пилигримы, столкнувшиеся в Новой Англии со сложной системой племенных союзов и индейцами посредниками, использовали теоретический опыт Харкурта. В описании мы читаем не удивление от этого обстоятельства, но прагматичные замечания, как эти агенты использовались основателями Нового Плимута в межплеменной дипломатии²⁸⁶.

В контексте восприятия пилигримами опыта первопроходцев колонизации интересен и другой фрагмент работы Харкурта. Говоря об основании поселения, капитан предлагает новую модель организации колониального предприятия, где на первое место ставится не скорейшее извлечение прибыли, а обеспечение колонистов всем необходимым²⁸⁷. Идея Харкурта состояла в том, чтобы, во-первых, использовать всю полученную в первые три года прибыль для нужд колонии, и, во-вторых, выделять частную и общую часть собственности в колонии. Последняя мера, с одной стороны, давала колонистам мотивацию в виде собственности, с другой стороны,

Harcourt R. A Relation of a Voyage to Guiana. P. 74.

²⁸⁵ *Ibid.* P. 70–71.

²⁸⁶ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 93–95.

²⁸⁷ *Harcourt R. A Relation of a Voyage to Guiana. P. 126.*

совместное имущество и ресурсы, распределяемые поровну, должны были спасти поселение в тяжелые времена. Отцы-пилигримы, для того чтобы попасть в Новую Англию, должны были согласиться на менее выгодные условия, но почти сразу взяли курс на пересмотр своего договора с купцами и за несколько лет создали систему, схожую с концепцией Харкурта.

Гвиана показалась лейденским изгнанникам слишком ненадежным предприятием, и они остановили свой выбор на Виргинии, за которой стоял авторитет кузенов Хайклютов и Джона Смита, а также все еще значительные финансовые возможности акционерной компании. Проблема заключалась в том, что компания зависела от короля, а политика Якова I в отношении потенциальных колонистов пуритан была не однозначной.

Несмотря на помощь «некоторых людей высокого звания», в том числе сэра Эдвина Сэндиса, брата епископа, которому ранее служил Брюстер, при переговорах с Лондонской Виргинской компанией²⁸⁸ пилигримы не смогли получить главного — свободы вероисповедания²⁸⁹. Единственное, на что через посредников согласился король, — это негласно «терпеть» религиозных диссидентов на своей территории при сохранении политической лояльности и отказе от миссионерской деятельности²⁹⁰.

Пилигримы, тем не менее, согласились. Они планировали жить «сами по себе», но «подчиниться правительству Виргинии»²⁹¹. На практике это

²⁸⁸ Существовала также вторая — Плимутская Виргинская компания, которой принадлежали территории Новой Англии, но которая в этот момент находилась в упадке.

²⁸⁹ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 43.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

означало получение патента на создание «отдельного поселения». Эти патенты Виргинская компания как раз ввела в оборот, стремясь решить одновременно и вопрос финансирования, и управления колонией²⁹². Они предоставляли владельцам патента самоуправление и свободную торговлю с индейцами. Пилигримы получили патент в 1617 г., но два инцидента уничтожили надежду на мирное сосуществование с англиканами в Виргинии.

Один из старейшин амстердамских сепаратистов, Блэквел, также решивший переселиться в Виргинию, прибыв в Англию, был схвачен и заточен в тюрьму. Только отрекшись от сепаратизма и выдав нескольких других религиозных диссидентов, Блэквелу удалось получить свободу и право на отъезд²⁹³. Такое вероломное предательство, равно как и понуждение к нему, возмутили лейденскую общину²⁹⁴. Пилигримы могли опасаться подобной участи и для себя, тем более, что отступник собирался также воспользоваться патентом на «отдельное поселение».

Летом 1619 г., королевский гнев вызвал уже лично Уильям Брюстер, издав книгу «Ассамблея Перта», посвященную осуждению попыток короля насадить епископат в Шотландии²⁹⁵. Вышел приказ об аресте Брюстера, и голландские власти должны были оказать в этом содействие. Все лето лидер общины скрывался то в Англии, то в Голландии, пока гнев короля не утих.

²⁹² *Morison S.E.* The Plymouth Colony and Virginia //The Virginia Magazine of History and Biography. 1954. Vol. 62. No. 2. P. 150.

²⁹³ «Епископское благословение» не помогло Блэквелу, он умер в пути, как и большая часть конгрегации, что было воспринято как дурное знамение.

²⁹⁴ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 51.

²⁹⁵ *Andrews Ch.M.* The Colonial Period of American History. New Haven, 1937. P. 259.

При таких обстоятельствах, когда к тому же «все озадачены были делами Виргинской компании и дурными вестями о м-ре Блэквеле и его людях»²⁹⁶, пилигримам стали приходить новые предложения о переселении. Голландцы предлагали поселиться в колонии Новый Амстердам, расположенной рядом с Виргинией.

Однако лондонский купец Томас Уэстон сделал более выгодное предложение. В этот момент Плимутская Виргинская Компания была преобразована в Совет Новой Англии с правом предоставлять разрешения на поселение. Уэстон вместе с группой пайщиков приобрел патент на территории севернее Виргинии. Причиной согласия пилигримов стало обещание финансирования и независимость во внутреннем устройстве будущей колонии. Совет Новой Англии слабо контролировал те предприятия, на которые выдавались патенты. Так, патент пилигримов был выдан на имя некоего мистера Пирса, быть может, чтобы избежать проблем с церковными судами, который не участвовал в первой экспедиции и никогда не вступил во владение своими землями²⁹⁷.

Важным фактором стало появление среди колонистов «чужаков» — людей, не входивших в общину, которых купцы также хотели привлечь для освоения региона. Они не были пуританами и были набраны со всей страны, главным образом из графств Эссекса, Кента и из Лондона.

Судя по поздним теологическим работам Робинсона, его

²⁹⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 53.

²⁹⁷ Там же. С. 111.

напутственной речи и письму пастора, которое распространялось анонимно среди акционеров, отцы-пилигримы были готовы отправиться в путешествие с англичанами²⁹⁸. Цена за путешествие, которую должны были уплатить будущие колонисты в фонд акционерной компании, была высока, а многие сторонники пилигримов отказались участвовать после провала виргинского проекта и отказа от Гвианы.

В конечном итоге на корабле «Мэйфлауэр», который отправился в Новую Англию (изначально должно было отправиться и второе судно «Спидуэлл», но помешали поломки), было около ста пассажиров. Среди них было только 40 пилигримов, и преподобный Робинсон остался с большей частью конгрегации, передав управление первой партией сепаратистов Уильяму Брюстеру, которому переселение давало также возможность скрыться от английского правосудия. Будущее поселение уже содержало в себе множество противоречий: конфликт между купцами, которые стремились к максимальной прибыли в кратчайшие сроки, и колонистами, которые должны были обслуживать эти экономические запросы, одновременно заботясь о собственном выживании; между двумя группами колонистов, одна из которых поставила перед собой четкую задачу реализовать сепаратистский проект церкви святых в условиях изоляции Нового Света, а другая бежала в поисках лучшей жизни; и, наконец, между желаниями колонистов и установлениями Совета Новой Англии, и других теоретиков колонизации.

²⁹⁸ The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vol. 3. P. 360.

В первой главе мы проанализировали влияние социально-политической и религиозной ситуации в Англии рубежа XVI–XVII вв. на будущих колонистов Нового Плимута. Страна вошла в эпоху колониальных завоеваний в ситуации, когда ее жители переживали процесс формирования политической, религиозной и экономической идентичности. Огораживания перестраивали быт крестьян и дворян, королевская власть пыталась расширить свои возможности, и на этом фоне проходила противоречивая религиозная Реформация.

Реформация и экономические изменения привели к возникновению базы для пуританских течений, которые характеризовались недоверием к королевской власти и к англиканской церкви, желанием самим определять религиозную политику, самим трактовать писание, самим решать, каким образом поддерживать религиозную жизнь внутри общины. Отцы-пилигримы из-за своей принадлежности к наиболее радикальному течению пуританизма были вынуждены стать одними из первопроходцев колонизации. Строгая религиозная дисциплина сепаратизма, система поддержания контроля над ее членами помогали этой небольшой группе мобилизоваться для принятия этих непростых решений

К переселениям конгрегацию подталкивали амбиции лидеров, которые постоянно выстраивали идентичность своей группы за счет фигуры «другого». В такой роли выступали то англикане, то более радикальные общины сепаратистов, то голландцы. Но для того чтобы переселение в

Новый Свет, которое бы доказало исключительность общины, могло состояться, отцы-пилигримы были вынуждены присоединиться к одному из существующих колониальных проектов.

Глава II. Английская колонизация Северной Америки на рубеже XVI–XVII вв.

1. Проблема колонизации в английской общественно-политической жизни

До 1580-х гг. колонизация не занимала умы англичан. Философы и публицисты концентрировались на проблемах Реформации и королевской власти, а также на бурных социальных процессах внутри самой Британии. Стабилизация политической обстановки при Елизавете I, экспедиции Фрэнсиса Дрейка и других корсаров, противостояние с испанцами, торговые успехи английских купцов изменили эту ситуацию. Елизаветинские интеллектуалы наконец обратили внимание на Новый Свет. Публицисты стремились распространить интерес к колонизации при дворе и среди влиятельных купцов. Они чувствовали, что их держава, первая среди протестантских государств, опоздала с освоением Америки и потому неизбежно проигрывает как католическому миру в лице Испании и Португалии, так и дружественным Соединенным Провинциям. Они предполагали также, что большая часть внутренних проблем Англии коренится в этом опоздании²⁹⁹.

Наиболее яркими авторами колониальной литературы в конце XVI в. стали кузены Хаклюйты (оба носили имя Ричард) и сэр Уолтер Рэйли.

²⁹⁹ Ричард Хаклюйт-младший даже вставляет в свое описание достижений английской колонизации описание того, как младший брат Христифора Колумба, Бартоломео предлагал свои услуги Генриху VII еще в 1489 г. до открытия Америки, но его проект не приняли всерьез при дворе.

Наиболее плодовитым был младший Ричард, который собирал материалы об открытиях Нового Света и в 1590 г. издал масштабную «Книгу путешествий», а также писал проекты устройства будущих колоний и петиции к королеве³⁰⁰. Рэйли сконцентрировал свое внимание на испанских текстах, стремясь использовать свои знания для того, чтобы найти земли, которые Англия могла бы занять, не привлекая внимание католических монархов³⁰¹.

Эти авторы были одновременно и историками колонизации, и ее главными пропагандистами. Складывалась односторонняя ситуация: узнать об истории освоения новых земель можно было только от людей, которые настаивали на необходимости англичан включиться в эту гонку. Трудности колонизации не замалчивались, но описывались только в качестве препятствий, преодоление которых должно было еще больше увеличить славу короны и престиж путешественника³⁰².

Критики колониционных проектов были либо пессимистами, которые сомневались в успехах столь трудного предприятия, или сторонниками освоения Ирландии, которая была ближе и, якобы, по праву

³⁰⁰ *Hakluyt R.* The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation. London, 1589; *Hakluyt R.* A Discourse Concerning Western Planting. London, 1584.

³⁰¹ *Raleigh W.* The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana. London, 1596. P. xxii.

³⁰² *Jones H.M.* Reviewed The Colonial Impulse: An Analysis of the «Promotion» Literature of Colonization. // Proceedings of the American Philosophical Society. 1946. Vol. 90. No. 2. P. 140.

принадлежала английской короне³⁰³. Можно сказать, что необходимость колонизации быстро стала общим местом публицистической литературы³⁰⁴.

Аргументы, которые высказывались за то, чтобы англичане обратили свое внимание на Новый Свет, были самыми разнообразными. Часто повторялись общие слова о славе нации и короны³⁰⁵, об изобилии американских континентов, о перенаселенности Англии, которая нуждается в новых территориях. Некоторые авторы доходили до комических деталей. Например, один из них указывал, что в Америке много диких зверей, а этом сможет удовлетворить потребность джентри в охоте³⁰⁶. Но с первых практических шагов колонизации подобные абстрактные аргументы потеряли всякое значение. Требовалось нечто большее, чем наивные планы и расплывчатые обещания. Люди, отправлявшиеся в Новый Свет, в полную неизвестность, хотели точно знать, что им предстоит там делать.

Напутствуя виргинскую экспедицию 1585 г., старший Хаклюйт писал о конечных целях экспедиции следующее: «Распространять христианство. Вести торговлю. Завоевывать. Или делать все это вместе»³⁰⁷. Однако до 1585 г. англичане никогда не реализовывали ни один из пунктов этой

³⁰³ Джон Уайт описал аргументы тех, кто был сторонником Ирландии: «Если у нас есть лишние люди Ирландия будет лучшим местом для них чем Новая Англия. Так как она (Ирландия. — К.С.): 1. Ближе. 2. принадлежит нам. 3. Во многом не заселена. 4. Плодородна». См.: John White's Planters plea. London, 1630. P. 15.

³⁰⁴ Вот лишь несколько публицистических сочинений, прославляющих колонизацию: *Gilbert H.A.* Discourse Written to Prove a Passage by the North-west to Cathaia 1576 // *Hakluyt R.* The Principal Navigations; *Gilbert A.* True Report of the late Discoveries. London, 1583; *Gray R.* A Good Speed to Virginia (1609) New York, 1937; *Knyvett H.* The Defence of the Realme. Manchester, 1596.

³⁰⁵ Письмо 1608 года Джорджа Попхэма Якову I // *The Genesis of the United States.* Boston, 1897. Vol. I. P. 145.

³⁰⁶ *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge; New York, 2000. P. 41.

³⁰⁷ *The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyt's / Ed. by Taylor E.G.R.* London, 1935.

программы. Их влияние в Новом Свете базировалось исключительно на пиратских рейдах на испанские и португальские суда, шантаже южноамериканских форпостов и рыбных промыслах в Ньюфаундленде, которые не играли для англичан большой роли до начала XVII в.³⁰⁸ Откуда же кузены Хаклюйты и Уолтер Рэйли знали, как нужно колонизировать?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что эти пламенные сторонники английского владычества черпали свои знания в колониальном опыте других стран. От них они узнавали, что нужно делать в Новом Свете, чего там можно добиться и какими способами. Разберем подробнее названную Хаклюйтом триаду и проследим, как эти заимствованные установки менялись под воздействием английского опыта.

Пассаж о завоевании (*conquest*) отсылает нас к опыту Испанской империи. К 1580-м гг. ее успехи были ошеломляющими. Богатства Нового Света позволили этой католической державе господствовать в Европе, вести многочисленные войны и преследовать протестантизм везде, где только можно. Англичане стремились всячески очернить испанцев, воодушевленно распространяя сообщения об их зверствах в Америке (источниками которых в большинстве своем были критически настроенные испанские авторы)³⁰⁹, но игнорировать эти результаты они не могли.

Заимствованный из арсенала католических королей термин «завоевание» далеко не всегда был обязательным атрибутом колонизации.

³⁰⁸ *Cell G.T.* English Enterprise in Newfoundland 1577–1660. Toronto, 1969.

³⁰⁹ *Vitoria F.* De Indis (1539) // *Vitoria's Political Writings*. Cambridge 1991. P. 271.

Так, для голландцев главным принципом колониального владения была торговля, а португальцы настаивали на том, что владеют Новым Светом по праву первооткрывателей³¹⁰. В случае с Испанией завоевание было основным инструментом как осуществления, так и оправдания колонизации. Оно не было просто актом войны, а предполагало разработанный протокол, включавший в себя обязательное зачитывание специального текста «Требования», в котором коренным жителям предлагалось добровольно признать власть испанской монархии, папы римского и католической церкви. В таком случае туземцы сохраняли свободу и даже могли не обращаться в католицизм до поры до времени. При отказе завоеватели обещали поработить и уничтожить всех, кто встанет у них на пути. Вина тогда ложилась на тех, кто отказался от первой части «требования». Хотя многие испанцы критиковали этот документ как жестокий и противоречивый (в том числе известный миссионер и историк Бартоломео де Лас Касас), протокол соблюдался неукоснительно. Перед ночным рейдом или неожиданной атакой капитан испанцев обязательно зачитывал «Требование»³¹¹.

Практическим результатом такого завоевания становилось включение коренных жителей в систему подданства (пусть и неравноправного) той державы, что осуществляла колонизацию. У завоеванных народов, если они покорялись немедленно, оставалось имущество и личная свобода, а

³¹⁰ Seed P. *Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640*. Cambridge, 1995. P. 100, 149.

³¹¹ Seed P. *Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640*. P. 69–72.

обязанность выплачивать налог и признать господство короля и церкви оборачивалось определенными правами.

Идея о приобретении вместе с новыми землями и новых покорных поданных была привлекательна для английской монархии. Парадные выходы и театральные постановки-маски часто включали экзотических персонажей-туземцев, которые выражали покорность короне и несли дары Нового Света³¹². Но не все английские теоретики колонизации восприняли эту идею завоевания.

Несмотря на однозначное мнение Хаклюйта, завоевание на испанский манер не было возможно в условиях английской колонизации. В случае с испанцами эта практика родилась в результате столкновения воинственного иберийского дворянства и организованных государств южной и центральной Америки. Малочисленные английские колонисты первых экспедиций не могли и не стремились повторить рыцарские подвиги конкистадоров.

Более того, некоторые авторы, такие как Уолтер Рэйли, считали, что англичане должны предложить жителям Нового Света нечто противоположное завоеванию. Культивируя «черную легенду» о жестокости испанского владычества, английские теоретики часто говорили о защите индейцев от католических держав и заключении с ними союзов³¹³. Подобную практику успешно применяли французы, которые приобретали земли на основании якобы добровольных просьб коренных жителей о подданстве и

³¹² *Bach R.A.* Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640. New York, 2000. P. 151.

³¹³ *Harcourt R.* A Relation of a Voyage to Guiana. P. 74.

подписания союзнических договоров³¹⁴. Но в реальности непрочные союзы с индейцами часто оборачивались катастрофой, и чем дальше, тем больше жители Британии и даже монархи теряли интерес к коренным жителям как к подданным.

Однако утопическая идея об английских джентри, которые правят покорными индейцами, еще возникнет в Новой Англии в поселении Томаса Мортонa, которое составляло конкуренцию колонии отцов-пилигримов, Новый Плимут.

Рядом с завоеванием говорится о торговле. Коммерция действительно была предметом заботы английских купцов и многих дворян, показателем успеха колониального предприятия. Но идея торговли не принадлежала испанцам. Они подчиняли местное население и заставляли его платить подати, а сами присваивали богатства в виде драгоценных металлов и обширных земель под плантации. Торговля была краеугольным камнем двух других держав того времени — Португалии и Голландии. Последняя активизировалась на волне Войны за независимость.

Если истории о завоевании американских империй импонировали прежде всего джентри, то купцы крупных английских городов и, в первую очередь, Лондона видели своим идеалом основателей торговых факторий в Новом Свете и Индии. Даже образы, связанные с колонизацией, различались при дворе и в Сити. Во время парадных выходов лорд-мэра в Лондоне

³¹⁴ *Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World. P. 41–43.*

использовались аллегории богатства и колониальных товаров (прежде всего специй), добытых в Новом Свете³¹⁵.

Торговцы были первыми, кто начал настоящую колонизацию. У купцов была гораздо более ясная мотивация, чем желание приобрести охотничьи угодья для дворянства, а главное, у них имелось готовое средство для осуществления колонизации: речь идет об акционерных компаниях. Если самые первые экспедиции были частными авантюрами при поддержке королевской власти, то впоследствии по образцу Московской и Левантийской компаний были созданы объединения, которые собирались получить прибыль от освоения территорий Северной Америки³¹⁶.

Однако не стоит думать, что устремления торговцев Лондона и других крупных городов шли в разрез с идеями Хаклюйта или Рэйли. Торговля в колониях должна была не только принести чистую прибыль, но и способствовать усилению позиций Англии, снизить ее зависимость от испанского табака, португальского сахара, от пеньки и других товаров из Московского царства. Этот меркантилистский подход игнорировал риторику завоевания или подданства коренных жителей, но был напрямую связан с тем патриотическим подъемом, что охватил Англию, когда она обратила свое внимание на колонии.

Этот подъем не исключал и идеализма. Торговля, которую прославляли в лондонском Сити, иногда была не меньшей абстракцией, чем владения и

³¹⁵ *Bach R.A.* Colonial Transformation: P.149–151.

³¹⁶ *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955. P. 15.

завоевание. Например, внимание, уделявшееся английскими купцами экспедициям в Северную Америку и Ньюфаундленду, было результатом попытки найти северный путь в Китай и Индию, то есть осуществить замысел Колумба. Более того, Джон Кэббот, первооткрыватель Ньюфаундленда, утверждал, что действительно нашел этот проход и был при дворе «Великого хана»³¹⁷.

В некоторых предприятиях идеализм купцов соединялся с рыцарскими поисками придворных фаворитов. Именно торговцы финансировали экспедицию Уолтера Рэйли в Гвиану, целью которой было найти золотой город Эльдорадо³¹⁸. Этот и также тот факт, что большинство акционерных компаний были убыточны, а представления о том, какой именно торговой деятельностью надо заниматься на той или иной территории, абстрактны: они характеризуют рационализм и прагматичность торговцев на этом этапе колонизации. Все, что требовалось в Америке, по мнению сторонников торговой колонизации, — это приложить немного усилий, а дальше предприятия без всяких проблем начнут приносить прибыль.

Образцом для подобной торговой деятельности англичан были успехи португальцев и голландцев в Индии и Индонезии. Предполагалось, что американские индейцы жаждут включиться в процесс обмена товарами, нужно лишь построить торговые фактории, и богатства Нового Света потекут в Англию сами собой. Идея факторий была привлекательна и с точки зрения

³¹⁷ Howe H.F. Prologue to New England. Boston, 1969. P. 29.

³¹⁸ The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies. Cambridge, 1910. Vol. II. P. 245.

экономии средств. Сплоченная общность горстки колонистов, которая бы не тратила время ни на что другое, кроме как на торговлю или добычу ресурсов, должна была стать идеальной моделью получения прибыли. На практике же такой подход тормозил развитие настоящих поселений³¹⁹.

Фрэнсис Бэкон в своем эссе о колонизации обвинял купцов в том, что в рамках такого проекта у колонистов не останется сил на развитие поселения и что они оказываются в полной материальной зависимости от метрополии³²⁰. Опасение философа подтвердилось на практике. Те, кто выращивал табак в Виргинии, чуть не умерли с голоду, так как пренебрегли продовольственными культурами. Многие фактории быстро попадали в зависимость от коренных жителей, которые поставляли им и продукты питания, и богатства для отправки в метрополию. Моральное состояние колонистов от многих дней безделья и изоляции часто было удручающим. Все же идея такого колониального предприятия была самой популярной в начале XVII в., и даже отцы-пилигримы должны были стать участниками торговой фактории.

Распространение христианства упоминается старшим Хаклюйтом среди целей колонизации в первую очередь. В этом разделе мы рассматриваем его последним намеренно, так как это был наиболее спорный аспект в случае английской колонизации. Распространение христианства рассматривалась испанскими конкистадорами как главная причина для

³¹⁹ *Beer G.* Origins of the British Colonial System. New York, 1908. P. 57.

³²⁰ *Bacon F.* Bacon F. Of plantations (1597) // *Essays*. Chicago, 1883. P. 105.

завоевания и обладания Новым Светом³²¹. Противники испанцев могли опровергать притязания на наследие Римской империи и буллу папы римского на обладание Новым Светом, но они в один голос признавали успехи католических монархов в обращении местных жителей³²². Другие державы также без изменений использовали аргументы, впервые высказанные испанцами о язычестве индейцев как признаке их неполноценности для оправдания собственных колониальных проектов. Со временем в результате секуляризации европейской политики миссионерский аспект потерял в идеологии колонизации свое значение, но даже в начале XVIII столетия французы утверждали, что их канадские владения созданы исключительно для распространения слова Божьего.

Английские пропагандисты колонизации, Хаклюйты, Перчас и позднее Джон Смит настаивали на том, что Англия как главная протестантская держава не должна мириться с тем, что Провидение дало возможность испанцам распространить католицизм на огромных американских территориях. Христианство стало аргументом давления на английских монархов для того, чтобы подвигнуть их оказать большую поддержку колониальным проектам. «Теперь короли и королевы Англии носят титул Защитников Веры. Благодаря этому титулу они не только обязаны поддерживать и покровительствовать христианской вере, но и

³²¹ *Vitoria F. De Indis* (1539). *Vitoria's Political Writings*. Cambridge 1991. P. 204.

³²² *Raleigh W. The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana*. London, 1596. P. 29. *Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation* (1589). London, 1905 *The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyt's* / Ed. by Taylor E.G.R. London, 1935. P. 26.

способствовать ее распространению», — ненавязчиво пишет младший Хаклюйт в 1584 г.³²³

В определенном смысле королевская власть вняла этому призыву. В каждом патенте, в каждом гранте, которые выдавались частным лицам и акционерным компаниям, говорилось о распространении христианства. Все, кто отправлялся в Новый Свет начиная с 1580-х гг., заявляли, что собираются способствовать обращению коренных жителей в протестантскую веру³²⁴. Инструментом для этого должна была стать, как ни странно, не столько завоевание, сколько торговля. Сэмюель Перчас писал, что «так много государств и народов поддерживают торговлю и взаимную дружбу <...> Восток и Запад, и самые удаленные части света соединены в единую человеческую общность, и почему бы также и не в христианство?»³²⁵.

Подобные идеи были популярны потому, что сулили материальное, а не одно лишь духовное вознаграждение тем, кто распространяет христианство³²⁶. После Реформации в Англии не было монахов, которые бы могли сконцентрироваться исключительно на миссионерстве. Поэтому наряду с идеей факторий это торговое миссионерство было одной из самых долговременных колониальных теорий англичан. В 1624 г. один из отцов-пилигримов Эдвард Уинслоу писал в своем пропагандистском

³²³ *Hakluyt R.* A Discourse Concerning Western Planting Written in the Year (1584) / Ed. by Ch. Deane. London, 1831. P. 206.

³²⁴ History of Grants under the Great Council for New England. Boston, 1869. P. 30; *Lefler H.T.* Promotional Literature of the Southern Colonies // The Journal of Southern History. 1967. Vol. 33. No. 1. P. 8.

³²⁵ *Purchas S.* Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others. Vol. 1. London, 1625. P. 20-I.

³²⁶ *Knorr K.E.* British Colonial Theories 1570–1850. Toronto, 1994. P. 31.

памфлете «Добрые вести из Новой Англии» о том, что в Америке «религия и прибыль идут рука об руку»³²⁷.

Но какие бы гипотетические выгоды ни несла эта миссионерская деятельность, ее плоды были более чем ничтожны, как и затраченные на нее усилия колонистов и купцов. В отчетах о путешествиях и основании поселений всегда приводились общие слова о распространении религии, но само это обращение было единичным и редким явлением. Только к середине XVII в. возник жизнеспособный проект молитвенных поселений для индейцев, но и его (вместе со всеми обращенными) ожидала печальная судьба из-за индейских войн. Из всех целей колонизации распространение христианства оказалось самой эфемерной³²⁸.

Принципиальным обстоятельством, помешавшим распространению христианства, стало отсутствие религиозного единства в самой Британии. Короли и королевы могли называть себя защитниками веры и лидерами протестантского мира, но этот мир был разнороден и постоянно усложнялся. В рамках английских владений Елизаветы существовали епископальная церковь, пуританская оппозиция и влиятельное католическое меньшинство. Королева стремилась найти баланс между этими силами, фактически проводя политику толерантности. При Якове I с терпимостью было покончено, но картина усложнялась увлечением количества пуритан, а также союзом с

³²⁷ Winslow E. Good Newes From New England. London, (1624). Amherst, 1996. P. 38.

³²⁸ Первая профессиональная работа, которая должна была помочь миссионерской деятельности англичан, появилась в 1643 г. в атмосфере разговоров о неудачах в христианизации индейцев. Williams R. A Key into the Language of America. London, 1643.

пресвитерианской Шотландией. В этих условиях все силы королевской власти шли на поддержание или насаждение церковного единообразия в метрополии. В католических странах благодаря контрреформации было множество талантливых проповедников, готовых распространять католицизм по всему миру. В Англии же не хватало квалифицированных священников даже для удовлетворения нужд собственной паствы³²⁹.

Христианство действительно стало важным фактором для колонизации, когда в нее включились пуритане и другие религиозные диссиденты, однако для них Новый Свет был местом не удовлетворения миссионерских амбиций, а возможностью осуществить свои собственные религиозные проекты. Настоящие миссионеры, в частности пуританский теолог Роджер Уильямс, воспринимались большинством колонистов Новой Англии как опасные маргиналы³³⁰.

³²⁹ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998. С. 28.

³³⁰ Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.. С. 93.

2. Поиск форм и инструментов организации английской колонизации

Декларируемые цели английской колонизации, какими бы идеалистическими они ни были, должны были быть реализованы при помощи определенных механизмов и инструментов. Кто-то должен был финансировать путешествие в Новый Свет, туда должны были отправиться колонисты, торговцы и солдаты, достаточно мотивированные для освоения неизвестных земель. И даже эти земли должны были быть названы и определены для того, чтобы и организаторы, и рядовые переселенцы могли бы претендовать на них и иметь представление, что же им там предстоит делать.

В этом разделе мы рассмотрим механизмы, благодаря которым колонизация осуществлялась на практике, а также то, почему эта практика расходилась с поставленными теоретиками задачами колониального предприятия.

Как уже было сказано, торговцы крупных английских городов создали первый инструмент для финансирования и организации колоний — акционерные компании. Изначально предназначенные для торговли с Московским царством или Османской империей, эти торговые предприятия показали королевской власти и теоретикам освоения Нового Света удобной формой для организации форпостов в Америке. Именно торговцам принадлежало большинство кораблей, они нанимали моряков и опытных

капитанов, а главное, располагали финансовыми ресурсами, которых не было у короны и дворянства³³¹.

Следует оговориться, что в рамках данной работы мы будем рассматривать только те аспекты деятельности компаний, что имеют прямое отношение к отцам-пилигримам и Новой Англии. Это связано с тем, что сама по себе научная проблематика компаний, которые участвовали в колонизации, крайне сложна, так как в связи с тем, что общая категория акционерных компаний включала в себя совершенно разные организации, постоянно эволюционировавшие и изменявшиеся на протяжении своей истории³³².

Приведем один пример. Для освоения Виргинии в 1606 г. король Яков I создал Виргинские компании (Лондонскую и Плимутскую), которые действовали по единой хартии, но на разной территории. Изначально лондонское предприятие, несмотря на корпоративную форму, было инструментом королевской власти с ограниченным количеством пайщиков, четкой иерархией и ориентацией на создание поселения и подчинение коренных жителей, а не на прибыль³³³. Но с первых лет предприятие быстро развивалось в открытую для новых акционеров и независимую от короны структуру. В свою очередь, изначально более свободная Плимутская

³³¹ *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955.. P. 18.

³³² *Osgood H.L.* The Corporation as a Form of Colonial Government // *Political Science Quarterly*. 1896. Vol. 11. No. 2. P. 259–260.

³³³ The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth: Together with the Charter of the Council at Plymouth, and an Appendix, Containing the Articles of Confederation of the United Colonies of New England, and Other Valuable Documents: Published Agreeably to a Resolve, Passed April 5, 1836. P. 1–21.

компания после ряда финансовых неудач стала базой для основанного в 1620 г. Совета Новой Англии. Его членами были лишь влиятельные придворные, которые стремились воплотить в Новом Свете абсолютистские идеалы монархии Стюартов, их потребность в лояльных подданных и независимых от парламента доходах³³⁴.

Тем не менее у различных компаний существовали общие организационные черты и общие задачи. К первым относится наличие королевской хартии на определенную территорию, на которой надлежало распространять христианство, вести торговлю и подчинять местных жителей (или хотя бы занять определенную территорию); к задачам относятся привлечение средств и агентов для колонизации.

Пик финансовой поддержки компаний со стороны населения пришелся на период с 1601 г. (когда была основана знаменитая Ост-Индская компания) до 1620 г., когда Англию поразил кризис сукноделия³³⁵. Если в XVI в. компании насчитывали до 500 акционеров, то в XVII в. их было около пяти тысяч, причем многие участвовали сразу в нескольких предприятиях. Это произошло во много потому, что пропаганда колонизации, о которой мы писали в предыдущем разделе, принесла свои плоды. Новый Свет, откуда шло золото и другие драгоценные металлы, меха и пряности, казался естественным и надежным способом вложения денег.

³³⁴ The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth. P. 5.

³³⁵ *Rabb T.K.* Investment in English Overseas Enterprise, 1575-1630 // *The Economic History Review*. New Series. 1966. Vol. 19. No. 1. P. 76.

Основными акционерами были торговцы и богатые ремесленники, а также часть джентри, хотя их активность обычно сосредотачивалась на крупных и уже преуспевающих компаниях³³⁶. Торговцы были более избирательны и вкладывали средства в более рискованные предприятия, которые могли сулить большие прибыли. Среди акционеров были и колонисты, особенно после 1620-х гг. Они оплачивали свое путешествие и могли рассчитывать на долю от распределения земли. Однако большинство колонистов были сервентами, зависимыми людьми, которые должны были после прибытия в Новый Свет несколько лет работать, не меняя своего нанимателя³³⁷.

Даже небольшие компании могли собрать значительные суммы. Так, компания Томаса Уэстона, которая финансировала Новый Плимут, удалось за короткое время собрать 7 тысяч фунтов, при этом, кроме колонистов и купцов, в числе акционеров были и обычные горожане, вкладывавшие несколько десятков фунтов³³⁸. Именно за счет этой массовой поддержки ранняя колонизация вообще оказалась возможной.

Однако ориентация на акционеров имела для основанных компаниями колоний и негативные последствия. Предприятия были настроены на успех и скорейшее получение прибыли, и по этой причине они практически никогда не могли справиться с неудачами, которые были скорее правилом, чем

³³⁶ Ibid. P. 79–81

³³⁷ Cressy D. Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1987. P. 34.

³³⁸ Arber E. The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 218.

исключением в Новом Свете. Так, одна из двух Виргинских компаний, Плимутская, образованная в 1606 г., практически сразу прекратила свое существование после неудачного основания поселения на реке Сакадахок, сведя свою деятельность к рыбным промыслам³³⁹.

Компании закрывались потому, что пайщики, которые благодаря колониальной литературе рассчитывали на золотые горы и отсутствие трудностей, практически сразу выходили из предприятия. Разрыв между ожиданием и реальностью был слишком велик. Информация об Америке всегда имела отрывочный характер, от излишнего оптимизма очевидцы могли прийти к выводу о невозможности успешного поселения, а материальные ресурсы напрямую зависели от моральной поддержки и имиджа колонии. Например, после экспедиции знаменитого капитана Джона Смита к берегам Новой Англии в 1614 г. капитан описал хороший климат и обширные природные богатства региона. В 1620-е гг., когда был основан Новый Плимут, часть изгнанных из поселения колонистов распространяли сведения о хищных зверях, смертоносных болотах и москитах³⁴⁰. Речь шла об одних и тех же территориях, которые по-разному воспринимались очевидцами.

В этой интерпретации, в разрыве между образом и реальностью, лежала вторая проблема акционерных компаний — их неспособность адекватно осуществлять управление колонией в независимости от степени

³³⁹ *Bailyn B. The New England Merchants in the Seventeenth Century. P. 62.*

³⁴⁰ *Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М., 1987. С. 148–149.*

вмешательства в дела компании короны. Так, колонистами основанного Лондонской Виргинской компанией Джеймстауна управляли два совета, один из них находился в колонии, другой в Лондоне. Предписания из метрополии следовало выполнять неукоснительно: поэтому корабли вместо того, чтобы обслуживать интересы колонистов, должны были проводить разведку территорий. Поселенцы вполне могли погибнуть от голода³⁴¹. Отправляя отцов-пилигримов в Новую Англию, купцы-акционеры предписали отправить найденные природные богатства в первый же год, когда колонисты только строили первые дома³⁴². Иногда случалась обратная ситуация, компании, основанные для колонизации Гвианы или Бермудских островов, посылали колонистов вообще без всякого представления о том, с какими климатическими условиями им предстояло столкнуться и как поселенцы должны будут обеспечивать себя³⁴³.

Все это неизбежно вело к антагонизму и взаимному недовольству между организаторами и исполнителями колониального предприятия. Решением этих проблем стало создание нового типа предприятий. Ими, с одной стороны, стали колонии-провинции, управлявшиеся королем через губернатора и местную ассамблею, а с другой — колонии-корпорации сходные по устройству с акционерными компаниями. Тем не менее это относится к более позднему периоду, когда первые поселения все же были основаны несовершенными компаниями.

³⁴¹ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978. С. 45.

³⁴² Брэдфорд У. Указ. соч. С. 98–99.

³⁴³ Bridenbaugh C. Vexed and Troubled Englishmen. New York, 1968. P. 106-107.

Можно утверждать, что все акционерные компании раннего периода были провальными. Они не смогли выполнить свою изначальную задачу, обеспечения прибыли акционерам и учредителям, и не справились с управлением основанными колониями. Но, как говорил исследователь Кристофер Томлинс, «о неудаче колониальных механизмов англичан можно говорить, только если рассматривать их изнутри английской экспансии того времени. Если смотреть на них в исторической перспективе, считать их неудачными будет гораздо сложнее»³⁴⁴. Как инструмент создания колоний они были более чем успешны, так как на пустом месте, без государственной поддержки создали постоянные поселения в Новом Свете в отсутствие в Англии других сил, которые могли бы мобилизовать население и изыскать материальные средства.

Другим функциональным элементом английской колонизации были хартии. Каждая компания действовала в правовом поле документа, который определял ее права и обязанности, территории колонизации. Иными словами, хартия задавала вектор той политике, которую должна была осуществлять компания в Новом Свете. Хартии оказались устойчивее акционерных компаний и в определенном смысле в глазах короны и английского общества были даже важнее, чем физические агенты колонизации.

В этих документах было указано, что та или иная территория принадлежит или должна принадлежать английскому монарху. Хартия

³⁴⁴ Tomlins C. The Legal Cartography of Colonization, the Legal Polyphony of Settlement: English Intrusions on the American Mainland in the Seventeenth Century // Law & Social Inquiry. 2001. Vol. 26. No. 2. P. 315–372. P. 361.

позволяла запустить все те механизмы поддержки колонии, которые осуществляли акционерные компании. Выдача хартий была в начале XVII века единственным инструментом, благодаря которому королевская власть могла влиять на колонизацию в отсутствие возможностей создавать колонии в обход частных посредников³⁴⁵.

Суть хартий не сводилась исключительно к обеспечению «легитимности». В английской колонизации эта юридическая формальность была важнее достижений мореплавателей. Так, основатель первого английского поселения в Гвиане Роберт Харкорт, несмотря на свои заслуги, потерял права на эти территории сразу по возвращении в Англию³⁴⁶. Если для португальской короны факт открытия был принципиален, то англичане больше заботились о правильно составленных документах в метрополии³⁴⁷.

Схожим образом Томас Мортон, заклятый враг пуритан и отцов-пилигримов, заслужил дурную славу не столько своим противоречивым поселением Мэрри-Маунт, но скорее серией судебных процессов, которые он начал против пуританских лидеров Массачусетса после своего изгнания. Ему даже удалось отозвать хартию пуритан, что значительно осложнило процесс массовой и в целом успешной пуританской колонизации Новой Англии³⁴⁸.

³⁴⁵ Tomlins C. The Legal Cartography of Colonization, the Legal Polyphony of Settlement: English Intrusions on the American Mainland in the Seventeenth Century P. 350.

³⁴⁶ Harcourt R. A Relation of a Voyage to Guiana. (London, 1613). Boston, 1926. P. xvi.

³⁴⁷ Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640. Cambridge, 1995. P. 96.

³⁴⁸ Zuckerman M. Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount // The New England Quarterly. 1977. Vol. 50. No. 2.. P. 263.

Немаловажно, что хартия определяла базовые экономические и социальные отношения между колонистами, позволяла перенести привычную иерархию Старого Света в условия Нового. Так, в случае с Джеймстауном и Новым Плимутом для первых лет существования поселений устанавливалось общность имущества и земельных участков среди колонистов. Это, конечно, делалось в интересах жаждавших прибыли акционеров, но по замыслу составителей документов должно было сплотить поселенцев и придать их эгоистическим устремлениям единый импульс³⁴⁹.

Описывая территории, которые колонистам предстояло заселить, в хартии примерно (насколько позволяли географические знания того времени) перечислялись все ориентиры, реки, заливы, леса, которые включала в себя колония³⁵⁰. При этом, в отличие от голландцев и португальцев, англичане не составляли карты: нарративного описания было достаточно для понимания своей территории, точно так же как в метрополии большие земельные наделы обходились без подробной карты³⁵¹.

Подобно тому, что реальный ландшафт Нового Света не имел существенного значения для колонизации, коренные жители фактически исчезали из английского правового поля. Это предопределило провал тех декларируемых целей колонизации, которые требовали участия индейцев: обращение в христианство и принятие английского подданства. Коренные

³⁴⁹ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. С. 64.

³⁵⁰ Ярким образцом таких перечислений является «Записка о всех землях дарованных в Виргинии» в кн.: *Calendar of State Papers, Colonial Series: America & West Indies 1574–1660* / Ed. by W.N. Sainsbury, Sir J.W. Fortescue. London, 1860. P. 81.

³⁵¹ Tomlins C. *The Legal Cartography of Colonization*. P. 334.

жители не только крайне редко упоминаются в хартиях, но одним из основных аргументов в пользу присвоения той или иной территории англичанами объявлялась безлюдность земель. Она могла быть как юридической. Например, хартия выдавалась на присоединение земель, «не принадлежавших какому-либо христианскому монарху»³⁵², или в случае Ирландии, когда местные правители изгонялись, как произошло в 1607 г. с Ольстером, когда Хью О'Нейл, наиболее влиятельный и сильный из Ольстерских землевладельцев, покинул Ирландию. Земли его родичей и союзников были конфискованы, и на их месте возникла английская колония

³⁵³

Иногда незаселенность была физической, как было после сильнейшей эпидемии 1617 г., когда населенное коренными жителями побережье Новой Англии опустело (об этом будет сказано в следующем разделе,). Прежде всего индейцы лишались своих прав на землю на том основании, что они не обрабатывали ее надлежащим образом³⁵⁴. Часто в вину как жителям Ирландии, так и индейцам Америки ставилась праздность, из-за которой их земли пустуют. Исследователь Патрисия Сид утверждает, что для англичан способом утвердить колониальное владение являлось строительство изгородей и высаживание растений и деревьев, для создания символических границ *civitas*, обустроенного человеком пространства,

³⁵² *Pagden E.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500–1800, and: Theories of Empire, 1450–1800. New Haven, 1995. P. 36.

³⁵³ *Falls C.* The Birth of Ulster. Methuen, 1973. P. 150.

³⁵⁴ *Tomlins C.* The Legal Cartography of Colonization. P. 333.

противопоставленного природе³⁵⁵. С описания плодородия почвы начинались многие колониальные тексты начала XVII в.³⁵⁶, а строительство первого дома или изгороди обозначало возникновения поселения.

Таким образом, и с точки зрения акционерных компаний (которые не могли наладить прямую торговлю с индейцами), и с точки зрения авторов королевских хартий, индейцы не были объектом колонизации, а скорее помехой на пути освоения новых земель. В этих условиях на первый план выступают колонисты — последний компонент колонизации, который мы рассмотрим в этом разделе.

Проблема рекрутирования колонистов, которых должны были отправлять в Новый Свет акционерные компании и чьи действия должны были регулировать хартии, была главным препятствием ранней английской колонизации. В Англии не существовало, в отличие от Португалии и Испании, целого сословия бедного воинственного дворянства, жаждавшего отправиться в Новый Свет за землями и золотом. Джентри и зажиточные крестьяне-йомены крепко держались своих земель, и если и решались на рискованные предприятия, то чаще всего это означало участие в торговле. Малоземельные крестьяне и городские жители не могли самостоятельно помыслить, что решение их проблем находилось в далекой Америке.

Колонистов в конце XVI в. только предстояло «создать». Для этого использовалась та же пропаганда колонизации, что достигала королевского

³⁵⁵ *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World. P. 18.

³⁵⁶ *Smith J.* A Description of New England (1614). Boston, 1865. P. 11.

двора, джентри и лондонских купцов³⁵⁷. Красочные описания преимуществ Нового Света распространялись в стихах, письмах и публицистических произведениях³⁵⁸, о них рассказывали вербовщики, которые набирали будущих колонистов по всей стране³⁵⁹.

Как уже было сказано в предыдущем разделе, теоретики колонизации настаивали на том, что все проблемы Британии можно решить при помощи освоения Америки, и эта мысль в упрощенной форме достигала простых людей. В Новом Свете они могли получить землю в собственность, о чем и мечтать не могли в Англии, улучшить свой социальный статус³⁶⁰ или просто разбогатеть. Успех такой пропаганды был по большей части краткосрочным. Часто пламенные произведения Уолтера Рэйли и Джона Смита сменяли пессимистичные письма переживших тяжелое плавание, болезни и нападения коренных жителей разочаровавшихся колонистов³⁶¹.

Поэтому главным аргументом колониальной пропаганды были внутренние проблемы Англии. В первую очередь, перенаселенность сельских областей, где в результате огораживаний люди не могли найти себе иного занятия кроме бродяжничества. Социальные изменения беспокоили современников, и они искали выхода при помощи колонизации. Вот как пишет младший Хаклюйт о преимуществах американских владений: «Кроме

³⁵⁷ Cressy D. Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth century. P. 34.

³⁵⁸ См. подробнее о специфике издания различных форматов колониальной литературы: Anderson D. William Bradford's books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London. 2003.

³⁵⁹ Bridenbaugh C. Vexed and Troubled Englishmen. P. 82.

³⁶⁰ Tomlins C. The Legal Cartography of Colonization. P. 348.

³⁶¹ Hill D. The English to New England. London, 1975. P. 79.

того, колонизация будет настоящим благом для страны, так как не только в этом случае огромное количество мужчин, бесполезно живущих в нашей стране... будут там (в Америке. — К.С.) привлечены к работе, но также и дети двенадцати или четырнадцати лет или меньше могут быть спасены от праздности...»³⁶²

Проблема такого выбора колонистов заключалась в том, что в Новый Свет должны были отправляться молодые мужчины из низших слоев населения, которые не знали никакой профессии, кроме сельского хозяйства³⁶³. Они получали информацию о месте своего переселения при вербовке, возможно, делали выбор на основании слухов или советов знающих людей, но не обладали достаточной мотивацией для сложных условий ранней колонизации³⁶⁴.

Несмотря на все усилия акционером и составителей хартий выстроить четкую иерархию и систему подчинения в факториях и первых поселениях, молодые колонисты не соблюдали дисциплину. Сочетание трудностей морского путешествия и основания поселения, малого количества припасов и противоречивых указаний капитанов и губернаторов часто приводило к бунтам и неповиновению³⁶⁵.

³⁶² *Hakluyt R.* A Discourse Concerning Western Planting Written in the Year (1584) / Ed. by Ch. Deane. London, 1831. P. 36.

³⁶³ *Bridenbaugh C.* Vexed and Troubled Englishmen. P. 54.

³⁶⁴ Одна из работ, затрагивающих вопросы о причинах переселения: *Cressy D.* Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth Century. P. 48.

³⁶⁵ *Harcourt R.* A Relation of a Voyage to Guiana. P. 99.

Оказавшись в Америке вдали от репрессивных законов метрополии против бродяжничества, эти молодые люди часто отказывались принимать иерархию и социальные нормы метрополии. Новизна Нового Света подталкивала их к переосмыслению привычного положения вещей. Ранняя история полна примеров, когда колонисты выступали против авторитета капитана, называя, например, новые территории своими именами, а не именами монархов, или нося неподобающую статусу одежду. Пьянство и различные личные отношения между колонистами и индейцами тоже были не редкостью³⁶⁶. Да и истории пуританского Массачусетса, рассказанная в дневниках губернатора Уинтропа³⁶⁷, содержит множество упоминаний этого в сущности подросткового бунта против старого мира. Но судьба таких бунтовщиков почти всегда была печальна.

Исходя из характера отношений между колонистами и теми, кто руководил освоением Нового Света, можно согласиться с утверждением Кристофера Томлинза, что «начиная со своей ранней истории английская колонизация американского континента была в той же мере и самой колонизацией... делом изменения англичанами самих себя»³⁶⁸. Необученных, лишенных на родине цели молодых людей необходимо было привезти в Америку, дать им там занятие, связать опекой акционерной компании и

³⁶⁶ *Bach R.A.* Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640. New York, 2000. P. 67; *Vaughan A.T., Richter D.K.* Crossing the cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605–1763. Worcester, 1980.

³⁶⁷ Winthrop's journal: "History of New England", 1630–1649. Boston, 1908. P. 159.

³⁶⁸ *Tomlins C.* The Legal Cartography of Colonization. P. 370.

хартии, для того чтобы они могли эффективно приносить прибыль метрополии.

Неудивительно, что колонисты рассматривали коренных жителей не как возможных союзников, рабов или подданных, а как конкурентов. Индейцы занимали территории, благодаря которым этим молодые англичане должны были найти свое призвание и цель в жизни.

Пока шла колониальная трансформация, компании стремились мобилизовать на освоение Нового Света и других колонистов, ремесленников, торговцев с женами и детьми, способных самим оплатить переселение в Америку. В то же время колониальная теория и королевская власть не поощряли отток из страны благонадежных подданных, да и они не стремились менять место жительства. За исключением тех, кто желал найти в Новом Свете нечто большее, чем материальное благополучие. Речь идет о религиозных диссидентах³⁶⁹. Под эту категорию попадают пуритане, переселившиеся в Массачусетс, в значительной степени католики (основавшие Мэриленд), а в дальнейшем квакеры, основатели Пенсильвании.

Интерес представляет оценка английской короной потенциала таких колонистов. Это отношение было противоречивым: короли с подозрением относились к тому, что диссиденты могут укрыться в Новом Свете, и в то же время они не торопились их ограничивать, в отличие от Франции, где гугенотам было законодательно запрещено переселяться в Канаду. В течение

³⁶⁹ Подробнее о различных категориях колонистов: *Games A.* Migration and the Origins of the English Atlantic World. Cambridge, (Mass.), London. 1999; *Thompson R.* East Anglian Founders of New England. London, 1994.

XVII в. Стюарты часто меняли свое мнение по вопросу переселения диссидентов. Одной религиозной общине могло быть выдано разрешение на переселение, другую — могли арестовать во время его получения. Все определялось влиянием при дворе и тем, насколько взгляды тех или иных сектантов расходились с официально принятыми.

Более того, лоялистски настроенные публицисты даже предлагали организовать изгнание диссидентов в виде целенаправленного переселения в Ирландию или Америку. Вот что писал анонимный автор, обращаясь к образу выдуманной страны Томаса Мора, которая неспроста находилась в Новом Свете: «Если они (католики, пуритане, сектанты. — Прим авт.) желают жить в Утопии, то почему бы и не отправить их туда подобру-поздорову»³⁷⁰. Со своей стороны, именно сепаратисты предприняли первую попытку основать религиозную колонию в Америке в 1597 г.³⁷¹ Таким образом, идея борьбы за обновленную церковь и бегство в Новый Свет оказались тесно связанными, и при этом они взаимно поддерживались как самими диссидентами, так и их противниками.

3. Новая Англия до прибытия отцов-пилигримов 1607–1620 гг.

В первых двух разделах мы проанализировали, с каким

³⁷⁰ *Quinn D.B.* The First Pilgrims // *The William and Mary Quarterly. Third Series.* 1966. Vol. 23. No. 3. P. 364–365.

³⁷¹ Не даром одну из первых попыток закрепиться в Америке (пусть неудачных) англичане предприняли именно общиной сепаратистов на реке Св. Лаврентия в 1597 году. См.: *Quinn D.B.* The First Pilgrims. P. 359–360.

идеологическим багажом англичане собирались осваивать Новый Свет и при помощи каких институтов и инструментов должно было происходить это освоение. Далеко не все заимствованные из опыта других европейских стран идеи отразились в практике англичан. Этому помешали особенности общественного устройства Англии, специфический характер акционерных компаний и колонистов, одновременно желание королевской власти направлять освоение Америки и отсутствие прямых возможностей осуществлять это руководство. В этом разделе будет рассмотрена история реальной практики англичан в Северной Америке, сначала в Виргинии, а затем в Новой Англии; также в центре внимания окажется взаимодействие колонистов с индейцами, которые повлияли на характер английской колонизации региона не меньше чем идеология англичан.

Освоение англичанами Северной Америки началось почти одновременно с открытиями Колумба. В 1497 г. Джон Кэбот, желая найти северный путь в Китай и Индию, открыл остров Ньюфаундленд. Этот исследователь также утверждал, что нашел двор «Великого хана» и другие чудеса, которые европейцы ожидали увидеть по ту сторону Атлантики³⁷². Но практическим результатом стали богатые рыбные промыслы, в которых англичане были далеко не единственными участниками. Баскские и французские рыбаки до начала XVII в. встречались в широтах Ньюфаундленда гораздо чаще английских.

³⁷² Howe H.F. Prologue to New England. Boston, 1969. P. 29–35.

Рассматривая этот регион прежде всего как место для рыбных промыслов, европейские моряки постепенно осваивали побережье тех территорий, которые позднее будут названы Новой Англией. В 1501 г. Мигель Кортел первым причалил к берегам современного Массачусетса. Некий Верразано, итальянец на службе французского короля, в 1524 г. открыл Наррагасеттскую бухту и Нью-Йорк. Результатом стали первые контакты с коренными жителями (на могиле Кортела, найденной в Диггинтоне, штат Массачусетс, сказано, что он был повелителем индейцев). Европейцы узнали о наличии в Новой Англии рыбы и пушнины. Реальные условия региона, впрочем, понимались превратно. Рассказы о дворе «Великого хана» чередовались с описаниями кровожадных индейцев и обещаниями несметных богатств, подобных тем, что были найдены в Центральной Америке³⁷³.

Да и полноценное открытие североамериканского континента англичанами в 1580-е гг. произошло не в результате экспедиции, а благодаря чтению колониальной литературы. Сэр Уолтер Рэйли, погруженный в чтение книг и документов о покорении испанцами Центральной и Южной Америк, обнаружил, что обширные территории, находящиеся севернее Мексиканского залива, почти никогда не упоминались испанскими исследователями³⁷⁴. Рэйли заронил в сознании королевы Елизаветы и ее ближайшего окружения идею о возможности для англичан повторить успех

³⁷³ Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation (1589). London, 1905. P. 217.

³⁷⁴ The British Atlantic World, 1500–1800 / Ed. by Armitage D., Braddick M.J. P. 16. P. 104.

католических держав, не вступая с ними в открытое противостояние.

В 1584 г. к берегам Виргинии отправилась первая экспедиция, а во время второй, инструкции к которой написал Ричард Хаклюйт, было основано постоянное поселение на острове Роанок. Сам Рэйли никогда не был в Роаноке, так как был занят приватирскими рейдами против испанцев и поисками Эльдорадо, однако он сделал многое для пропаганды колонизации Виргинии.

Рэйли поручил своему агенту художнику Джону Уайату создать серию рисунков коренных жителей³⁷⁵. Вместе с изображениями индейцев Уайат сделал серию картин, изображающих древних пиктов, населявших когда-то Англию. Пикты были явно навеяны образами жителей Роанока³⁷⁶. Но это было не просто использование внешнего вида настоящих дикарей для создания воображаемых. Уайат доносил до своих современников важную мысль: подобно тому, как современные англичане произошли от диких пиктов, которых цивилизовала Римская империя, так и коренные жители Америки представляют собой просто более отсталых в своем развитии людей, но никак не существ с совершенно другой природой³⁷⁷. Индейцам просто нужно было дать более совершенные орудия и научить христианству, и они могли бы стать такими же королевскими подданными, как и жители метрополии. Идея о завоевании и распространении христианства получала свое, пока только художественное воплощение.

³⁷⁵ Sloan K. A New World: England's First View of America. London, 2007. P. 57.

³⁷⁶ Sloan K. A New World: England's First View of America. London, 2007. P. 62.

³⁷⁷ The British Atlantic World 1500–1800. P. 52.

Однако реальная практика завоевателей сразу же показала свою несостоятельность. Колонисты обирали индейцев Роанока, поскольку были не способны себя прокормить, и им было нечего предложить метрополии для торговли. Снабжение колонии прервалось в 1587 г. на несколько лет из-за войны с испанцами, а уже в 1590 г. Уайт не обнаружил ни поселения, ни людей. Постройки были разобраны или разрушены, а колонисты пропали, оставив после себя лишь слово «Кроатоа», вырезанное на дереве. Это было название соседнего острова, но дальнейшие поиски осложнил шторм. Согласно современным теориям, Роанок погубило эксплуататорское отношение к коренным жителям, не ставшим терпеть поборы англичан и покинувшим остров. Колонисты, которые не могли себя содержать, отправились на поиски припасов и, скорее всего, погибли³⁷⁸.

Сам Рэйли переключился на исследование Гвианы, а после кончины Елизаветы, в честь которой он дал название Виргинии, мореплавателя несколько раз заключали в Тауэр. В тюрьме путешественник писал многотомную «Историю мира» и игнорировал предложения о побеге. В 1618 г. он был казнен за свои нападения на испанские суда.

Начатая этим выдающимся англичанином колонизация возобновилась лишь в 1606 г. Тогда под опекой короны и могущественных групп купцов была создана Виргинская компания. Но между лондонскими, с одной стороны, и девонширским и плимутскими купцами, с другой, были противоречия касательно рыбного промысла у береговой линии Северной

³⁷⁸ Games A. Migration and the Origins of the English Atlantic World. P. 47.

Америки. Виргинская компания была разделена на две, как уже было сказано выше, Лондонскую (с территорией, примерно соответствующей современной Виргинии) и Плимутскую (с территорией Северной Виргинии, которая позже стала известна как Новая Англия)³⁷⁹.

В том же 1606 г. экспедиция лондонской компании успешно основывает первую английскую материковую колонию, Джеймстаун. В честь этого события выпускались пьесы и памфлеты, число акционеров компании резко возросло, изначальная, чересчур сильная опека короны, как мы уже говорили, была ослаблена³⁸⁰. Героем Джеймстауна и видным популяризатором колонизации становится Джон Смит. Авантюрист и военный специалист, который примирил местных индейцев с колонистами благодаря заступничеству дочери вождя Пуатана Покахонтас³⁸¹. Эту историю Смит не раз использовал для саморекламы, но, главное, он, продолжая идеи Рэйли, распространял мысль, что индейцы могут быть надежными подданными и союзниками англичан³⁸².

Но уже через несколько лет и среди колонистов, и среди акционеров наступило разочарование. Слухи о золоте оказались преувеличением. Коренные жители продолжали проявлять враждебность, и в 1610 г. разгорелась первая англо-индейская война. В колонии начались раздоры и

³⁷⁹ *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. P. 60.

³⁸⁰ *Osgood H.L.* The Corporation as a Form of Colonial Government // *Political Science Quarterly*. 1896. Vol. 11. No. 2. P. 267.

³⁸¹ *Travels and Works of Captain John Smith* / Ed. by Arber E. Edinburgh, 1910. Vol. I. P. 14.

³⁸² *Bach R.A.* Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640. New York, 2000. P. 194.

голод. Это вызвало отток капиталов из компании, в связи с чем она сменила риторику от обещания громадных прибылей к патриотическим речам о необходимости заморских владений. По-настоящему Виргинию спасло выращивание табака, хотя на первых порах его покупали в Англии из патриотических соображений: табак из испанских владений был дешевле и лучшего качества. Несмотря на то что Джеймстаун выжил благодаря торговле и плантациям, в руководстве колонией победили сторонники идеи завоевания. В 1624 г. колония стала королевской, с губернатором и ассамблеей, а неэффективное управление компании упразднено³⁸³.

Идея торговой фактории возобладала во второй, Плимутской Виргинской компании, но произошло это скорее из-за препятствий на пути к полноценной колонизации. Изначально могло показаться, что потенциал у компаний равный. В 1607 г. Плимутская компания построила форт на реке Сакадахок, началась торговля с индейцами, выращивалось зерно. Но уже в 1608 поселение пришло в упадок. Акционеры решили прекратить рискованные инвестиции и поправить свое положение, посвятив себя рыбным промыслам³⁸⁴.

В своих дальнейших планах плимутские купцы исходили из опыта создания рыболовецких факторий Ньюфаундленда и примера португальских, голландских и английских поселений в Азии³⁸⁵ — торговых форпостов, куда

³⁸³ Osgood H.L. The Corporation as a Form of Colonial Government. P. 270.

³⁸⁴ Bailyn B. The New England Merchant in the Seventeenth Century. P. 197.

³⁸⁵ Бернард Бэйлин пишет о том, что, даже с точки зрения своей конструкции, форт на реке Сакадахок был почти точной копией английской фактории в Сурате. См.: Bailyn B. The New England Merchant in the Seventeenth Century. P. 201.

местные жители могли бы сбывать обильные естественные богатства американского континента в обмен на товары Старого Света.

Проект, успех которого предполагал богатства недр и высокую организацию социальной и экономической жизни коренного населения, был обречен на провал. Временные базы, отдельные, чаще всего неудачные, контакты с индейцами, разрозненная информация о географии Новой Англии³⁸⁶ (долгое время думали, что это остров или полуостров) — вот закономерный итог деятельности Плимутской компании.

Долгое время корабли, принадлежавшие главным акционерам компании, использовались исключительно для рыболовного промысла на пространстве от Ньюфаундленда до Новой Англии с целью покрытия издержек неудачных операций. В 1614 г. на некоторых островах рядом с побережьем Новой Англии существовали базы рыбаков, и казалось, что «Новой Англии предстояло стать новым Ньюфаундлендом, куда бы часто приходили корабли, но чьи территории были бы незаселенными и неразвитыми»³⁸⁷. Изменения начались с появлением «идеи» Новой Англии, которую изобрел Джон Смит.

Смит после своего изгнания из Джеймстауна не отказался от роли первооткрывателя и колонизатора: он писал многотомные воспоминания, составлял указания для колонистов, собирал истории первооткрывателей и моряков. Его практическая деятельность в Виргинии была эффективной, так

³⁸⁶ *Becker C.* Beginnings of the American People. New York, 1915. P. 86.

³⁸⁷ *Bailyn B.* Op. cit. P. 5.

как он фактически ввел военную дисциплину среди колонистов. Но амбиции и непростой характер Смита привели к тому, что акционерные компании опасались сотрудничать с ним.

В 1614 г. ему удалось наконец собрать средства на экспедицию к берегам Новой Англии. Ее результатом стала подробная карта и книга о путешествии. Участники экспедиции имели и коммерческие цели, в том числе и не слишком благовидные. Так, капитан одного из кораблей захватил в плен несколько десятков индейцев для того, чтобы использовать их как рабов. Одному из них, по имени Скуанто, удалось через несколько лет вернуться на родину, где он стал посредником между пилигримами и местными племенами³⁸⁸.

Главным достижением предприятия Смита стало «Описание Новой Англии» 1614 г.³⁸⁹ В нем содержалась не только подробная информация о регионе, но и предложения по его освоению. Они не были реалистичны, но содержали в себе позитивную программу, которая привлекла внимание и приближенных короля, и акционеров Плимутской компании. Смит исходил из того, что фактории не противостоят постоянным поселениям, как думали в Джеймстауне — одно может постепенно перерасти в другое³⁹⁰.

Мотивацией переселенцев должны были стать возможность получить в собственность большие участки земли и избавление от бремени многочисленных повинностей старой Англии. Одним из первых Смит смог

³⁸⁸ Winslow E. Mourt's Relation. (1622) Boston, 1865. P. 18.

³⁸⁹ Smith J. A Description of New England. (1614) Boston, 1865.

³⁹⁰ Ibid. P. 27.

выразить мысль, которую потом на разные лады повторяли последующие поколения иммигрантов: «И нет здесь ни суровых хозяев, которые обременяют нас тяжелыми рентами и вымогают штрафы, ни нудных судебных процессов, что длятся годами и не приводят к справедливости, ни многочисленных препятствий, что мешают установлению добрых законов»³⁹¹

Привлекательность этого образа Новой Англии и желание короля и его приближенных помочь злополучной Плимутской компании привели в 1620 г. к созданию Совета Новой Англии. Фактически королевская власть взяла управление компанией под свой контроль. Прежняя ориентация на прибыль и скорейший результат была отброшена. Совет возглавил сэр Фердинанд Горджес — человек деятельный, но, как и Смит, склонный к утопическим проектам³⁹². Новая организация не занималась сама финансированием экспедиций, но охотно раздавала патенты и хартии от имени короля.

Создатели совета планировали тщательно регламентировать земельные отношения и торговую деятельность, установить упорядоченную феодальную систему, с графствами и баронствами, которой никогда не было даже в Англии, а также управлять законодательством колонии из Лондона³⁹³. Все это должно было предотвратить ошибки, совершенные в Виргинии. На деле же все предложения Горджеса так и не получили воплощения, а проект рыбной монополии, основной экономический стимул всего предприятия,

³⁹¹ *Smith J.* A Description of New England. P. 31.

³⁹² *Hill D.* The English to New England. P. 192.

³⁹³ *Bailyn B.* The New England Merchant in the Seventeenth Century. P. 9.

саботировался.

Одними из первых возможностями Совета Новой Англии воспользовалась группа купцов во главе с Томасом Уэстоном. Они также очень серьезно восприняли памфлет Смита, но главным образом в той части, которая касалась организации рыбных промыслов³⁹⁴. Постоянное поселение могло дать преимущество в торговле с индейцами и добыче рыбы. Благодаря патенту, учитывая эфемерный характер власти совета, купцы могли бы получить целый регион для своих коммерческих операций. Колонистами, которые должны были отправиться в Новую Англию, как уже сказано выше, должны были стать отцы-пилигримы.

О племенном сообществе индейцев языковой группы алгонкинов известно немного, однако существование союзов племен, вождей и конфедераций говорит о разложении первобытного общества. Можно сказать, что европейцы застали коренных обитателей Северной Америки на пути к ранним формам государственности. Но даже любознательные путешественники, подобные Джону Смиту, не могли адекватно описать индейское общество. Они изображали модернизировали эту государственность, приписывая существование у коренных жителей королей и знати, с которыми можно было бы заключать договоры, вести торговлю или обратить их в христианство, то, наоборот, говорили, если воспользоваться словами губернатора Нового Плимута Уильяма Брэдфорда,

³⁹⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 54.

«о диких людях, которые рыщут в лесах наподобие диких зверей»³⁹⁵.

Это заявление было далеко от истины. Алгонкины были полuosедлыми земледельцами. У каждого племени были свои строго разграниченные территории, которые они готовы были защищать. Многочисленное, не поддающееся контролю или прямому экономическому воздействию, индейское население было для англичан самым сильным препятствием в освоении Новой Англии. С ними были возможны торговля и обмен, но ни о каком завоевании и обращении в христианство речи идти не могло.

Тем не менее постепенное увеличение контактов между европейцами и индейцами начало приносить свои весьма неоднозначные плоды. Голландцы одними из первых нашли товар, который смог заинтересовать коренных жителей. Им оказался вампум — белые и черные раковины, используемые для изготовления ожерелий³⁹⁶. Обмен постепенно развивался, и вскоре помимо украшений европейцы смогли заинтересовать индейцев алкоголем и оружием. Продажа последнего запрещалась всеми существующими колониальными институтами и правительствами и все равно была важным элементом торговых отношений.

Таким образом, отношение индейцев к заокеанским путешественникам как к неведомым загадочным существам сменилось трезвым, прагматическим подходом³⁹⁷. У коренных жителей возникло понимание того, что перспектива отношений между ними и пришельцами будет весьма печальной. Накопили

³⁹⁵ Там же. С. 40.

³⁹⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 179.

³⁹⁷ Vaughan A.T., Richter D.K. Crossing the cultural Divide. P. 76.

индейцы и определенные знания о европейцах. Так, уже отцам-пилигримам, в первые годы основания Плимута посчастливилось столкнуться с тремя индейцами, знавшими английский язык. Одним из них был захваченный во время экспедиции Джона Смита Скуанто³⁹⁸, другой, Самосет, выучил язык благодаря контактам с английскими моряками, приплывавшими из Ньюфаундленда³⁹⁹.

Однако важнейшим фактором, повлиявшим на успех Нового Плимута и на дальнейшее успешное освоение региона европейцами, послужила демографическая катастрофа, с которой столкнулись коренные жители. К 1617 г. болезни буквально «выкосили» атлантическое побережье, вынудив оставшихся в живых покинуть возделанные поля и обустроенные деревни. О природе заболевания известно мало, но наиболее вероятно, что его завезли европейцы⁴⁰⁰. Описание симптомов не добавляет ясности. Брэдфорд пишет о нем как о чуме⁴⁰¹, однако недуг включал в себя также болезнь легких и множество других побочных симптомов. Быть может речь идет о некоем подобии иммунодефицита. Организмы коренных жителей оказались не готовы к сложным и прошедшим долгую эволюцию болезням европейцев.

Страшное поветрие прошло ориентировочно в 1617–1619 гг. Данные очевидцев о населении региона до и после болезни говорят о том, что из 100 жителей в живых оставалось около десяти. Скуанто, которому

³⁹⁸ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 91.

³⁹⁹ Winslow E. Mourt's Relation. P. 53.

⁴⁰⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. Том I. Время мира. М., 2007. С. 58.

⁴⁰¹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. 92.

посчастливилось в это время находиться в английском плену, был единственным выжившим из своей деревни. В 15 милях вокруг будущего Нового Плимута не осталось ни одного поселения⁴⁰².

Болезнь имела и косвенные последствия. Миграция привела к многочисленным столкновениям между индейцами. Выжившие боялись возвращаться на старые места, и им требовались новые территории. Был нарушен баланс сил между племенами. Военные вожди использовали этот момент для консолидации разных племен в союзы, настроенные по отношению друг к другу крайне воинственно⁴⁰³. Именно в такой обстановке в 1620 г. корабль «Мэйфлауэр» с сотней пассажиров, среди которых было сорок отцов-пилигримов, подплыл к берегам Новой Англии, и началась настоящая колонизация.

В этой главе мы показали, как формировалась английская колониальная политика до экспедиции пилигримов. Во многом эта политика была реакцией на достижения других стран, главным образом Испанской империи. Английские идеологи опирались на испанские тексты и использовали их и как источник информации о землях Нового Света, и как вдохновение для собственных колониальных предприятий. Кузены Хаклюйты вывели своеобразную триаду колонизации: распространение христианства, торговля и завоевание. Но различным слоям английского

⁴⁰² *Cook S.F.* The Indian Population of New England. Los Angeles, 1976. P. 36.

⁴⁰³ *Winslow E.* Mourt's Relation. Cit.: *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 486.

общества были близки разные направления. Королевская власть и приближенные к ней придворные восприняли идею завоевания, купцы и джентри-предприниматели настаивали на торговой колонизации. В отсутствие монашества и свободной от внутренних противоречий церкви идея миссионерства не нашла своих непосредственных исполнителей.

Впрочем, большинство колониальных проектов рубежа XVI–XVII вв. преследовали неудачи. Несмотря на основание Виргинии и экспедиций у берегов Новой Англии, достижения англичан были весьма скромными. Это было связано со слабостью колониальных институтов, главными из которых стали акционерные компании. Компаниям под покровительством короны удавалось привлечь людей и средства для освоения Америки, но им было трудно контролировать колонистов и грамотно управлять ресурсами.

Вскоре стали понятны две особенности колонизации. Во-первых, коренные жители Америки плохо подходили на роль лояльных подданных, которые могли бы стать объектом завоевания или торговли. Во-вторых, внимание колонизаторов переключилось на колонистов англичан, которые, будучи отправленными в Новый Свет, могли принести там пользу как короне, так и купцам. Но сами колонисты отличались недостатками мотивации и дисциплины. В такой обстановке требовался новый тип колонистов, которыми бы двигало не просто желание найти лучшую долю или сбежать от трудностей Англии, но которые могли бы самоуправляться и отвечать на вызовы Нового Света. Вдохновленные колониальными описаниями Джона Смита и достижениями Виргинских акционерных

компаний пилигримы могли стать первыми колонистами этого нового типа.

Глава III. Колония Новый Плимут 1620–1625 гг.

1. Социально-экономическое, политическое и церковное устройство Нового Плимута

Уильям Брэдфорд перед тем как начать описание морского путешествия и высадки в Новой Англии, неожиданно тепло вспоминает Лейден⁴⁰⁴. Город уже не кажется чужим и враждебным по сравнению с опасностями океана и холодом побережья Новой Англии, где пилигримам предстояло столкнуться с легионом разнообразных чужаков. Ими были и вероломные купцы, переписывающие договоры и контракты в свою пользу, и жестокие матросы корабля «Мэйфлауэр», которые насмехались над набожностью путешественников и все время норовили повернуть обратно, пассажиры-«чужаки» из числа англикан, которые заводили при малейших трудностях мятежные речи и, лишь в последнюю очередь, жестокие индейцы, что поджидали в лесах. Чтобы надежды на лучшую жизнь в Новой Англии могли оправдаться, отцам-пилигримам предстояло последовательно колонизировать все это враждебное окружение, включить его в привычную для них систему отношений и дисциплины.

На этом пути стояли немалые трудности. Как уже было сказано в предыдущей главе, большая часть колонистов, которые отправлялись в Новый Свет в конце XVI — начале XVII вв., не обладали достаточной

⁴⁰⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М., 1987. С. 66.

мотивацией, пониманием того, чем же они будут заниматься на новой земле, и часто вступали в конфликты друг с другом, особенно если предприятие начинало испытывать трудности. Отцы-пилигримы представляли собой новый тип колонистов, которые, как казалось, должны были избежать этих ловушек. Но если судить по тексту Брэдфорда, прежде чем достигнуть единства, их раздирали противоречия не меньшие, чем у других.

Если другие описания рассказывали о царившем среди колонистов энтузиазме, планах по освоению новых земель⁴⁰⁵, то Брэдфорд максимально пессимистичен. Вместо патетических размышлений о великих свершениях он приводит подробные письма, которыми обменивались все участники предприятия и которые открывали всю глубину противоречий.

Сначала споры велись внутри самой конгрегации о месте для переселения; результатом этих разногласий оказалось то, что многие сепаратисты отказались ехать вообще⁴⁰⁶. Затем возникли противоречия между теми, кого отправили в Англию для переговоров с Томасом Уэстоном, и остальной конгрегацией по поводу условий договора. Затем раздоры с купцами и колонистами-«чужаками», ненужные траты при подготовке, поломка одного из кораблей, которая позже обернулось хитростью не желавших отправляться в плавание матросов⁴⁰⁷.

О том, какие трудности испытывали пилигримы, Брэдфорд говорит,

⁴⁰⁵ *Pagden E.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, 1500–1800, and: Theories of Empire, 1450–1800. New Haven, 1995. P. 93.

⁴⁰⁶ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 54.

⁴⁰⁷ Там же. С. 74.

приводя письмо члена общины Роберта Кашмена, который, занимаясь переговорами с купцами в Лондоне, так устал от раздоров, что отказался плыть в Новую Англию: «...если удастся нам основать поселение, это будет истинное чудо; ибо припасов у нас мало, большинство меж собой не согласны, и нет у нас добрых наставников и порядка. Все сгубит дух насилия. <...> Где кроткий и смиренный дух Моисеев? Где Неемия, что восстановил стены иерусалимские и страну Израиль? <...> И разве философы и все мудрые люди не заметили, что даже в государствах, давно основанных, деспотичные правители навлекают гибель на себя, народ свой или на всех вместе? А тем паче в обществах, едва устроенных, когда не затвердел еще раствор, которому надлежит скрепить стены его»⁴⁰⁸.

Кашмен устранился этих препятствий, но старейшина Брюстер, будущий губернатор Брэдфорд и еще около 40 пилигримов, не говоря о колонистах-англиканах, согласились. Значит, должно было существовать что-то, что скрепляло этих обозленных людей и давало надежду на улаживание конфликтов и противоречий. Этим «скрепляющим раствором», согласно традиции английской колонизации, были договоры⁴⁰⁹.

Первым из них стало соглашение между купцами и пилигримами: оно определяло обязанности сторон и давало представление, чем колонисты и их покровители намеревались заниматься в Новой Англии и что стороны ждали друг от друга. Брэдфорд в своей книге недаром уделяет так много места

⁴⁰⁸ Там же. С. 76.

⁴⁰⁹ Tomlins C. The Legal Cartography of Colonization, the Legal Polyphony of Settlement: English Intrusions on the American Mainland in the Seventeenth Century // Law & Social Inquiry. 2001. Vol. 26. No. 2. P. 318.

обсуждению договоренностей, так как именно они определяли первые годы существования колонии и затем влияли на все юридические и финансовые отношения с метрополией в первой половине XVII в. Брэдфорд последовательно доказывает потомкам, что он и другие пилигримы заключали договоры с честными намерениями и собирались честно исполнять условия, а дальнейшие неудачи были связаны с внешними обстоятельствами и вероломством других сторон⁴¹⁰.

Соглашение с купцами, с одной стороны, предполагало финансовые обязательства, как-то: общность имущества между колонистами в течение семи лет, разделение всей прибыли в пропорциональные вложенным средствам доли между купцами и колонистами по истечении этого срока, право на досрочное расторжение при согласии сторон, дополнительные условия для несовершеннолетних участников предприятия. Между тем в этом документе очерчивались условия жизни колонистов в Новой Англии. Вот пункты договора, которые позволяют судить об устройстве будущей колонии:

«3. После переезда переселенцы и пайщики останутся компаньонами на семь лет <...> за каковой срок все барыши и выгоды от торговли, менового торга, различных работ, рыболовства и всего прочего <...> пойдут до раздела в общую казну.

4. По прибытии на место выделено будет нужное число людей,

⁴¹⁰ Burnham M. Merchants, Money, and the Economics of "Plain Style" in William Bradford's *Of Plymouth Plantation*. // *American Literature*. 2000. No 72 (4). P. 695–720. P. 696.

сведущих в снаряжении кораблей и лодок для морского рыболовства; остальных же употребят, смотря по их умению, для работ на суше, как-то: постройки домов, пахоты, сева, а также изготовления предметов для поселения нужных. <...>

10. Все поселенцы получают пищу, одежду и все необходимое из общей казны и складов указанного поселения».⁴¹¹

У пилигримов вызвали недовольство два условия: они хотели получить два дня для работы на самих себя, а также возмущались тому, что после семи лет разделу подвергнутся не только прибыли, но и дома пилигримов, и их часть могла достаться находящимся в Англии купцам. Но судя по спорам и яростной критике, которой подвергся Кашмен во время переговоров с купцами, сам дух этого соглашения не устраивал сепаратистов. Пилигримы, согласно ему, не могли владеть собственностью и оказывались в неоплатном долгу перед теми, кто не рисковал своими жизнями и оставался в метрополии⁴¹².

Главная же проблема этого договора заключалась в том, что он не определял способ управления и руководство Нового Плимута, а также не мог решать спорные вопросы. Соглашение создавало больше проблем, чем решало, поэтому, когда пилигримы после многих месяцев трудного плавания оказались у берегов Новой Англии, им потребовались более прочные основания для организации поселения. Официально причиной заключения

⁴¹¹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 55.

⁴¹² Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 56–62.

второго важного договора колонии «договора на “Мэйфлауэр”» стал тот факт, что корабль приплыл севернее территорий, на которые распространялась юрисдикция хартии. Но необходимость подобного соглашения, скорее всего, стала понятна лидерам сепаратистов еще раньше⁴¹³.

Кроме того, значение этого договора ставилось Брэдфордом, а вслед за ним и большинством историков, выше, чем контракт с купцами⁴¹⁴. Недаром американская часть «Истории поселения в Плимуте» начинается в Новом Свете не с постройки первого дома или высадки (что было в традиции английского колониального описания), а в открытом море с заключения «Договора на “Мэйфлауэр”». Договор стал ответом на первые возмущения, которые могли бы перерасти в бунт: колонисты из числа чужаков провозгласили, что теперь никто им не указ, они отрицали иерархию и обязательства перед Старым Светом⁴¹⁵. Поэтому пилигримы предложили компромиссное для всех колонистов решение — связать себя новым общественным договором, который подходил для условий Света Нового.

Договор был направлен на сохранение статус-кво и одинаковую правовую защиту колонистов, в то же время он провозглашал принятие новых законов, которые могли постепенно двигать колонию к строгой дисциплине сепаратистов. Примечателен тот факт, что интеграция «чужаков»

⁴¹³ Там же. С. 87.

⁴¹⁴ *Burnham M.* Merchants, Money, and the Economics of «Plain Style» in William Bradford's *Of Plymouth Plantation*. P. 695–696.

⁴¹⁵ *Bach R.A.* *Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640*. New York, 2000. P. 70.

в общину началась с подписания договора, который должен был организовать светское, общее для всех колонистов правительство, отражающее мнение большинства. В формулировках документа тоже на первый взгляд не было какой-либо специфики, присущей сепаратистам. Это было связано с теориями преподобного Робинсона, которые он высказывал в конце жизни относительно того, что магистрат, осуществляющий гражданское управление, для лучшей защиты интересов церкви сам по себе должен быть светским, смешения церковных и мирских законов не должно происходить⁴¹⁶.

Если говорить о форме договора, то исследователь Сэмюэль Эллиот Моррисон пишет о том, что его форма была скопирована с патента на отдельное поселение, созданного Виргинской компанией⁴¹⁷. Но существенным отличием «договора на “Мэйфлауэр”» от других подобных документов является то, что объединение осуществлялось непосредственно между колонистами без посредников в лице компании или без специального разрешения короля. В первых строках упоминается Бог и король, но лишь как фигуры, легитимирующие соглашение. Само же оно инспирировано решением людей. Точно так же, как ковенант сепаратистов (их отделение от «испорченной» англиканской церкви) являлся сознательным выбором членов общины⁴¹⁸.

⁴¹⁶ Brachlow S. The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625. Oxford, 1988. P. 272.

⁴¹⁷ Morison S.E. The Plymouth Colony and Virginia //The Virginia Magazine of History and Biography. 1954. Vol. 62. No. 2. P. 153.

⁴¹⁸ White B.R. The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim. Oxford, 1971. P. 137.

Это ясно видно в полном тексте договора, который, в отличие от королевских хартий, отличается краткостью и обобщениями вместо конкретики указаний. Пилигримы еще не знали, с чем им предстоит столкнуться, все колонисты оставили в этом соглашении пространство для маневра:

«Во имя господа бога, аминь. Мы, нижеподписавшиеся, верноподданные могущественного короля нашего Якова, божией милостью владыки Великобритании, Франции и Ирландии, защитника веры и пр., предприняв во славу Божию, ради распространения христианской веры, во славу короля и родины нашей основание первой колонии в северной части Виргинии, настоящим торжественно, перед богом и друг другом, договариваемся объединиться в политическое сообщество, дабы лучше способствовать указанным выше целям; и посредством сего вводить время от времени справедливые законы, постановления и указы, какие окажутся наиболее соответствующими общему благоденствию колонии и каковым обязуемся мы подчиняться. В чем и подписываемся...»⁴¹⁹

Здесь интересно переплетаются черты классического английского колониального документа с прославлением короля, миссионерством как причиной переселения, намеками на завоевания и указанием на территорию. Но, с другой стороны, «объединения в политическое сообщество» в оригинале писалось как «covenant and combine ourselve together into a Civil

⁴¹⁹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 87–88.

Body Politic»⁴²⁰. Идея церковного ковенанта была распространена на все общество, и именно такой документ подписали все колонисты.

Идею договора, скорее всего, предложил преподобный Робинсон. В напутственном письме он пишет пилигримам: «поскольку составили вы как бы государство, то должны иметь правительство, и нет среди вас людей особо над прочими выдающихся, пусть мудрость и благочестие ваше проявится не в том только, что изберете лиц, которые всецело преданы общему благу... но и в том, что воздадите им должную честь и окажете повиновение законному их правлению, видя в них не собственную их обыкновенность, но божью волю, указывающую путь ко благу вашему»⁴²¹. Последняя фраза, в которой говорится о повиновении избранному правительству вне зависимости от того, кто именно будет в него входить, свидетельствует о том, что главы конгрегации осознавали необходимость включения в руководство будущей колонии и чужаков.

В письме пастор фактически говорит о необходимости постепенной интеграции «чужаков» в общину пилигримов, что было необходимо для успешного предприятия. Он пишет, что для сепаратистов недопустимо быть слишком требовательными к своим новым товарищам. При всем их стремлении построить «церковь святых», это может создать трудности при организации поселения. «Есть <...> причины, почему именно вам подобает особенная терпимость. <...> Вам еще не знакомы свойства и слабости многих

⁴²⁰ *Bradford W.* History of Plymouth Plantation. Boston, 1856. P. 109.

⁴²¹ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 72.

спутников ваших; а потому сугубая нужна сдержанность, чтобы <...> не слишком давать волю негодованию; и много тут нужно мудрости и милосердия, чтобы не причинить обиду нечаянно»⁴²².

Идея морального превосходства членов общины над любыми чужаками не исчезает у Робинсона, однако получает новое звучание. В столь трудном и опасном деле как колонизация, пилигримы, по его убеждению, должны снизойти до своих спутников, проявить к ним понимание, сделать над собой усилие и не судить обычных англикан слишком строго⁴²³. Конечной целью было бы обращение наилучшей части чужаков к пуританизму и сепаратизму под контролем членов общины⁴²⁴. Так впоследствии и произошло. Например, нанятый в Голландии военный капитан Майлз Стэндиш, который, возможно, был католиком, вскоре присоединился к плимутской церкви. Первый этап миссионерского, цивилизаторского проекта пилигримов начался еще до того, как они вступили на земли Новой Англии.

После заключения договора и нескольких разведывательных экспедиций колонисты нашли пригодное для поселения место и начали строительство первого дома, что символически и практически означало рождение Нового Плимута. Но трудности поселения только начинались.

⁴²² Там же. С. 71.

⁴²³ Рекомендации Робинсона не будут казаться пустыми и самоочевидными, если вспомнить, какова была строгость дисциплины в пуританских общинах: малейшие проступки отмечались и обсуждались, постоянно применяя пресечение и убеждение. Это будет отчетливо видно на примере массачусетской колонии, которая, обладая большими ресурсами, могла позволить себе нетерпимость.

⁴²⁴ Из того же письма: «Еще об одном надлежит позаботиться... чтобы, объединяясь для трудов, объединились вы и душевно». См.: *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 71.

Если обратить внимание на факты и представить самоощущение этих людей, то можно только поражаться их храбрости: многомесячное путешествие на корабле, долгие поиски места для поселения, которые сопровождались конфликтами с индейцами (о чем мы подробно расскажем в следующем разделе), и в завершении всего — тяжелая болезнь, которая унесла половину пассажиров⁴²⁵. Эпидемия, связанная с истощением путешественников, не была чем-то исключительным для путешествий того времени, но ее опасность нельзя недооценивать. Конгрегация мистера Блэквела, отправившегося в путешествие на несколько лет раньше, умерла в полном составе еще до того, как корабль приплыл к берегам Виргинии. Пассажирам «Мэйфлауэр» повезло больше: они добрались до Мыса Код невредимыми, и лишь там цинга и простуда оказали свое губительное влияние.

Историю борьбы с болезнью Брэдфорд соединяет с формированием гражданского и политического общества поселения. Программа, которую заложили пилигримы «соглашением на “Мэйфлауэр”», была реализована именно во время эпидемии. Сплоченность пилигримов, их готовность оказать бескорыстную помощь произвела большое впечатление на «чужаков» и экипаж «Мэйфлауэр» в первую зиму, проведенную в Новой Англии, когда цинга и холод привели к гибели более чем половины членов экспедиции. Может показаться, что взаимовыручка была естественным шагом для

⁴²⁵ Plymouth Probate Records of Mayflower Passengers [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт]. URL: <http://mayflowerhistory.com/probate-records> (дата обращения: 09.09.2014).

выживания в незнакомых условиях во время опасной экспедиции. Однако Брэдфорд в своей «Истории» подробно пишет о злключениях матросов, которые в момент опасности «отвратились друг от друга, говоря, что не хотят рисковать собственной жизнью, и, помогая другим, самим схватить заразу»⁴²⁶.

С той же гордостью, с какой ранее Брэдфорд описывал превосходство лейденской конгрегации сепаратистов над английскими протестантами, погрязшими в раздорах в Амстердаме, он говорит о примерах взаимовыручки и сотрудничества, которые по сравнению с моряками демонстрировали пассажиры (разумеется, под руководством пилигримов): «... бывало, что в день умирало по 2–3 человека; так что из 100 с лишним выжило едва 50. А из них в самое тяжкое время оставалось всего 6–7 здоровых, которые... трудились денно и нощно... с опасностью для собственного здоровья ходили за больными... оказывали все неприятные и необходимые услуги... и совершали это с охотой и с радостью... выказывая тем истинную любовь к друзьям и братьям своим»⁴²⁷.

Трудности эпидемии послужили символическим способом искупления грехов и даже способом перевоспитания колонистов-чужаков и матросов. Пилигримы, которые сравнивали грех с болезнью, излечили не только тела, но и души своих спутников. Так, капитан корабля вначале отказывался давать больным переселенцам пиво, заставляя их пить сырую воду, но видя,

⁴²⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 89.

⁴²⁷ Там же. С. 88.

что наличие хорошего питья не помогает выживанию его команды, решил, что отныне все будет делиться поровну.

Необходимо также отметить, что среди тех, кто не заболел, были старейшина Брюстер и Майлз Стэндиш, что, с одной стороны, способствовало укреплению их авторитета, а с другой — сблизило этих двух людей, и, вероятно, подтолкнуло военного капитана к вступлению в конгрегацию⁴²⁸. Возросший авторитет Брюстера в глазах всех колонистов помог решить еще один немаловажный вопрос. Священника в колонии долгое время не было, и старейшина, временно выбранный в качестве религиозного наставника в соответствии с напутствием Робинсона, ни у кого не вызвал возражений.

Свою роль сыграло также то, что религиозные нормы пилигримов оказались очень полезны в условиях жизни в Новом Свете. Так, без священнослужителя англикане не могли совершать обряд бракосочетания. Пилигримы, считавшие брак светским, а не церковным институтом, восприняли из Голландии традицию гражданского брака, совершаемого без священника⁴²⁹. Но вопрос о том, что в колонии должен быть пастор, оставался одним из самых сложных на протяжении всей истории Нового Плимута. Преподобный Робинсон готовил конгрегацию к тому, что им придется мириться с англиканским священником и даже разработал теологические основания для этого компромисса. Но на практике пилигримы

⁴²⁸ *Austin J.G. Standish of Standish. Boston, 1890. P. 139.*

⁴²⁹ *Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 114.*

делали все возможное, чтобы не допустить к себе такого священнослужителя.

В первый раз пастор англиканской церкви мистер Крэйб упоминается в переписке с купцами, где о нем отзываются неодобительно⁴³⁰. Это единственное место, где мы читаем об этом человеке: вероятно, он отказался от путешествия. Следующий священнослужитель, которые приплыли на одном из кораблей с припасами, был признан сумасшедшим и отправлен домой. А последний пастор, некий Лайфорд, вступил в открытый конфликт с руководителями колонии, собирався отправить письма с доносами в метрополию, был обвинен в заговоре и выслан⁴³¹. Таким образом, монополия Брюстера на церковную жизнь оказалась полной и неоспоримой. Расстояния и сосредоточение большинства припасов и ресурсов позволяли пилигримам диктовать свои условия.

Средоточием светской власти в Новом Плимуте был губернатор. История этой должности наглядно демонстрирует, как пилигримы добились власти в колонии. До отплытия существовала некая изначальная договоренность, что губернатором будет один из пилигримов, Джон Карвер. Этот человек участвовал в переговорах с Томасом Уэстоном и его купцами и был одним из тех, кто закупал продовольствие и организовывал экспедицию в Англии. Его назначение было компромиссом. За время, проведенное в Англии, он заслужил доверие пайщиков и был знаком со многими из «чужаков», его отличала умеренность по многим вопросам, в отличие от

⁴³⁰ Там же. С. 65.

⁴³¹ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 145.

импульсивного Кашмена. Вот почему после подписания «договора на “Мэйфлауэр”» он был «избран, а вернее утвержден»⁴³², по выражению Брэдфорда, безо всяких осложнений.

Однако Джон Карвер, пережив первую трудную зиму, умер в середине весны, так что встал вопрос об избрании нового губернатора⁴³³. Им стал Уильям Брэдфорд, будущий автор «Истории поселения в Плимуте». Именно по этой причине мало что можно узнать, как происходило избрание. «История» и памфлеты, написанные с участием Брэдфорда, обходят стороной непосредственно связанные с ним события. Неизвестно и то, какую роль будущий губернатор играл в жизни конгрегации до своего избрания.

В Лейдене он занимался сукноделием, как и большинство пилигримов. Возможно, он проявил себя во время поисков места для поселения, так как участвовал во всех разведывательных экспедициях⁴³⁴. В результате своего усердия он заболел, притом так тяжело, что в момент избрания в апреле (прибытие в Новый Свет и болезнь происходили в декабре — январе) был еще очень слаб⁴³⁵.

Вероятной причиной «возвышения» Брэдфорда, помимо его личных качеств и образованности, была поддержка Брюстера. Дальнейшая история показала, насколько удачной для гегемонии пилигримов была эта кандидатура. Брэдфорд был несменяемым лидером колонии (хотя выборы

⁴³² Брэдфорд У. История поселения в Новом Плимуте. С. 88.

⁴³³ Winslow E. Mourt's Relation. P. 44.

⁴³⁴ Winslow E. Mourt's Relation. P. 43.

⁴³⁵ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 94.

проходили каждый год и иногда пост занимал кто-нибудь другой, пусть и ненадолго), но отличался мудростью и мягкостью, в полном соответствии с заветами Робинсона. Сам Брюстер не мог быть губернатором, вероятно, потому, что в качестве церковного старейшины был для общины важнее, а также потому, что его все еще могли искать в Англии.

Политика Брэдфорда, как некогда политика Брюстера внутри общины, была направлена на распространение принципов управления конгрегацией на всю колонию. Постепенно складывалось подчиненное сепаратистской идее единство, для чего он прибегал к изгнанию из колонии обратно в Англию тех, кто мог это единство подорвать⁴³⁶. В дальнейшем большую роль в единстве колонии сыграл институт помощников губернатора — магистратов. Законодательно этот институт оформился лишь в 1623 г.⁴³⁷. Однако в действительности ассистентами были избраны те люди, которые уже давно оказывали влияние на жизнь колонии. Двое из них точно не были сепаратистами, по крайней мере, поначалу. Это военный капитан Стэндиш и некий богатый колонист Гопкинс.

Единство колонистов Нового Плимута многократно подвергалось разнообразным испытаниям. Оставшиеся в Голландии члены конгрегации приплыли лишь в 1629 г., а до этого момента с каждым годом прибывало все больше и больше англикан, которых также приходилось включать в выстроенную руководителями колонии систему. Это происходило потому,

⁴³⁶ *Porry J.* Three Visitors to the Early Plymouth. P. 38.

⁴³⁷ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. С. 133.

что купцы-авантюристы, отчаявшись заработать на рыбной ловле или получить контроль над колонией, стали продавать принадлежавшие им по договору большие наделы земли новым колонистам. Они в свою очередь на правах собственников желали большей независимости от губернатора и его помощников, особенно в сфере торговли с индейцами⁴³⁸.

Однако англиканам было трудно обойтись своими силами, и чаще всего помощь со стороны магистрата оказывалась нужнее, чем претензии на десятки акров земли, которую еще только предстояло обработать, или доходы от торговли пушниной. Постепенно распределение земли и монополия на пушного зверя перешли под полный контроль губернатора⁴³⁹.

Теория о сильном обществе, которое сплачивает вокруг себя людей при помощи механизма принятия и изгнания в формулировке Ларзера Зиффа, отлично работала для Нового Плимута. Многие колонисты действительно не допускались в общину. Лидеры колонии присматривались к новоприбывшим. В описаниях Брэдфорда при упоминании очередного корабля из Англии всегда содержится упоминание, что нескольких «нерадивых» колонистов пришлось отправить назад⁴⁴⁰.

Тем не менее о нетерпимости первых общин сепаратистов пришлось забыть. Назад отправлялись лишь самые некомфортные элементы: молодые непрофессиональные работники или некомпетентные специалисты, или те, кто мог претендовать одновременно на влияние на других колонистов. Но это

⁴³⁸ Там же. С. 127.

⁴³⁹ Records of the Colony of New Plymouth. 1623–1682 / Ed. Pulsifer D. (1861) Boston, 1968. P. 40.

⁴⁴⁰ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 323.

не значит, что сепаратисты Брэдфорда включали в свои ряды только безвольных марионеток. Еще в Амстердаме к конгрегации присоединился капитан Майлз Стэндиш, благодаря военным навыкам которого Плимут доминировал в Новой Англии над индейцами и европейцами-конкурентами до 1630-х гг. Многие состоятельные пассажир «Мэйфлауэра» из числа англикан вскоре присоединились к общине.

Применимы к Плимуту и слова о том, что однажды попав под влияние церковной общины, избавиться от этого влияния или сохранить независимость оказывалось невозможно. Уже в первый год Брэдфорд запретил англиканам традиционное празднование Нового года с уличным гуляньем и спортивными соревнованиями и отправил их по домам заниматься богоугодными делами⁴⁴¹. Однако губернатор разрешил им не работать, пойдя на компромисс между полным отрицанием «языческого» праздника сепаратистами и традициями обычных англичан. Примечательно, что Брэдфорд не отправил их праздновать по домам, а именно молиться и заниматься богоугодными делами, здесь прослеживается сепаратистское отрицание частной жизни, жителям колонии дается точное указание, чем они должны заниматься, оставаясь наедине. То же недопущение непрозрачности в личной жизни проявилось, когда одного из колонистов изгнали за то, что он, будучи холостым, возможно, вступал в интимную связь со своей служанкой⁴⁴².

⁴⁴¹ Там же. С. 101.

⁴⁴² Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 160.

Пилигримы, получив патент и корабли для переселения, по прибытии в Новый Свет смогли беспрепятственно «передоговориться» с остальными пассажирами, а вскоре при содействии своих сторонников получили новый патент. Как показала история, дальнейшие отношения Нового Плимута с мистером Уэстоном и акционерами также развивались не в пользу последних. Сепаратистам удалось сыграть на слабости колониционных институтов⁴⁴³. Они противопоставили абстрактному идеализму Совета Новой Англии и недальновидным расчетам купцов сплоченность и прагматизм пуританской общины.

Таким образом, купцы почти сразу утратили контроль над политической и социальной жизнью колонии. Но это не означало, что у них не было рычагов влияния на Новый Плимут. Полем взаимодействия между акционерами и колонистами стали **экономика и торговля**. На этом поле происходил конфликт интересов, который не изменился со времен первых попыток акционерных компаний колонизировать Новый Свет. Однако это было не просто противостояние коварных торговцев и бескорыстных пилигримов. Одновременно это был и внутренний конфликт в самом сердце общины.

Пилигримы стали частью одной из самых передовых экономических структур своего времени — колониальной акционерной компании, которая аккумулировала средства английских купцов и потенциальных колонистов для создания прибыльного поселения на другом конце земного шара.

⁴⁴³ *Hill D.* The English to New England. P. 163.

Экзотические товары, природные богатства, серебро и золото должны были покрыть издержки и принести баснословные прибыли вкладчикам⁴⁴⁴. Как мы уже писали выше, в действительности этого почти никогда не происходило: компании оказались достаточно эффективны, чтобы доставить туда колонистов, но не могли ни эффективно ими управлять, ни извлекать прибыль, которая бы покрывала издержки.

В своем проекте Томас Уэстон и его компаньоны были не менее идеалистичны, чем те лондонские купцы, которые финансировали поиски Эльдорадо. В их проекте были заложены те же просчеты, что погубили колонию в устье реки Сакадахок и другие небольшие поселения в Новой Англии. В условиях этого региона постоянное поселение не могло существовать лишь на рыбной ловле⁴⁴⁵. Необходимо было развивать сельское хозяйство, что неизбежно бы отвлекало колонистов от тех промыслов, ради которых их собирались финансировать купцы. Пилигримы же были далеки от стремлений купцов, их интересовала простая аграрная экономика, для которой было необходимо иметь в собственности дома и землю. Поэтому пункт в договоре о разделе всего имущества вызывал столь сильное возмущение. Ценности общины свободных английских крестьян по-прежнему доминировали в сознании сепаратистов.

Руководители конгрегации рассматривали экономику как вспомогательный, но необходимый инструмент существования общины.

⁴⁴⁴ *Burnham M.* Merchants, Money, and the Economics of "Plain Style" in William Bradford's *Of Plymouth Plantation*. // *American Literature*. 2000. No 72 (4). P. 699.

⁴⁴⁵ *Слезкин Л.Ю.* Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981. С. 54.

Деньги — это власть и возможность поддерживать церковную жизнь, как делал Брюстер, когда был респектабельным почтмейстером в Скруби. Отсутствие средств — верный путь к бедности, обрекающей на тяжкий и неблагодарный труд, который старит людей раньше времени⁴⁴⁶, толкает их в объятия греха и приводит к тому, что община начинает распадаться.

В Новом Свете, где доставка припасов и потенциальное перемещение оставшихся в Лейдене сепаратистов зависели от акционерной компании, важность финансов была еще больше, так что мнение о пилигримах, как аскетичных и пренебрежительно относящихся к земным материям сектантах, лишено основания. Далеки от реальности и представления о специально разработанной пуританами «протестантской этике» успешных экономических отношений. Пуританизм не содержал экономических предписаний сам по себе, но, скорее, придавал важность тем или иным уже существовавшим в обществе XVII в. аспектам экономических отношений

Если говорить о влиянии пуританизма на экономическую теорию пилигримов, то им будет стремление к простоте и ясности. Брэдфорд во вступлении к своей хронике говорит о простоте дважды: сначала о том, что он намеревается рассказать свою историю «языком простым и строго во всем придерживаться истины», а во второй раз, когда говорит, что члены общины «не были знакомы с ремеслами и торговлей... а знали лишь простую сельскую жизнь и безгрешный труд земледельца»⁴⁴⁷. Как писал Майкл

⁴⁴⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 35.

⁴⁴⁷ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 32.

Бернхэм: «Увлечение Брэдфорда простым языком было связано с его приверженностью простой производительной экономике, которая становится очевидной в его записях об отношениях плимутских колонистов с рядом предприятий купцов-авантюристов, которые поддерживали пилигримов, потом бросили им вызов, а затем обманули»⁴⁴⁸.

Эта простота, такая же, какую пуритане требовали при проведении церковных обрядов и организации религиозной жизни, была идеалом экономических отношений и отношений между людьми, усложнения воспринимались как искажения истины. В Амстердаме и Лейдене пилигримы столкнулись с другим типом отношений, связанных с торговлей, рынками, экономическими кризисами, акционерными компаниями. На протяжении всего повествования Брэдфорда главными антагонистами и источниками неприятностей выступают торговцы: начиная от Томаса Уэстона, который предложил поначалу выгодные условия, но использовал их в собственных интересах и в итоге стал настоящим врагом Плимута, до Исаака Аллертона, торгового агента пилигримов, который в погоне за прибылью подверг опасности всю колонию⁴⁴⁹.

Последний случай, произошедший в 1630 г., представлял с точки зрения руководителей конгрегации наибольшую опасность. Пилигримы, согласно теории исследователя Майкла Бернхэма, ощущали двойственность экономических отношений внутри Нового Плимута. С одной стороны, они

⁴⁴⁸ *Burnham M.* Merchants, Money, and the Economics of «Plain Style» in William Bradford's *Of Plymouth Plantation*. P. 697.

⁴⁴⁹ *Ibid.* P. 701.

хотели сбежать от сложности жизни в Голландии с бедностью, с зависимой от кризисов экономикой, с другой стороны, они могли убежать от нее только включившись в акционерное предприятие. Негативное отношение к торговцам со стороны Брэдфорда — это еще и боязнь того, что члены общины могут стать такими же купцами, что отчасти и оказалось правдой: в 1640-е гг. Новый Плимут получал значительные доходы от контрабанды вина в испанские владения⁴⁵⁰.

Отношения с партнерами из метрополии осложнились сразу по прибытии в Новую Англию. Так, первое же письмо из метрополии было претензией к руководителям Плимута в отношении того, что на «Мэйфлауэр» не было никаких товаров, которые могли бы покрыть издержки путешествия⁴⁵¹. Затем выяснилось, что Томас Уэстон вышел из компании и основал собственное конкурирующее поселение недалеко от Плимута, а оставшиеся купцы фактически списали долги обанкротившегося предприятия на пилигримов.

Со своей стороны пилигримы отказались от непрактичных условий, принятых в договоре с купцами. В первый же год было отменено общее имущество и фактически заброшены все сложные промыслы, вроде рыбной ловли и заготовки соли. Они оказались невозможны в условиях первых лет поселения. Зато неожиданные прибыли принесла пушнина, которую выменивали у индейцев. Но и тут Брэдфорд и его магистраты пошли на

⁴⁵⁰ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 130.

⁴⁵¹ Там же. С.98.

ограничительные меры.

Для того чтобы покрыть эти долги, руководство колонии ввело семилетнюю монополию на торговлю пушниной, самым выгодным товаром в Новой Англии на тот момент⁴⁵². Последнее было связано с тем, что торговая активность подвергала жизнь колонистов опасности. В первый же год, в погоне за прибылью забравшись слишком далеко к индейцам, был похищен один из колонистов, и его спасение стало долгой и опасной операцией, включавшей поиски, запугивание коренных жителей и переговоры⁴⁵³.

Монополия, право на которую принадлежало Брэдфорду и нескольким другим колонистам, может рассматриваться как инструмент подавления других колонистов и способ обогащения лидеров колонии. Однако на практике это не принесло им большой выгоды, а из-за махинаций Аллертона вогнало владельцев монополии в еще большие долги. Но главное, что идея монополии родилась из тех же представлений об упрощении экономической жизни и подчинении ее интересам выживания колонии. Вместо превращения всех колонистов в жадных охотников за пушниной, Брэдфорд предполагал создать единое предприятие, которое бы использовало налаженные контакты с индейцами и направляло полученные от торговли средства на погашение долгов и улучшение жизни колонии.

Опыт финансовой политики пилигримов с их отказом от акционерной компании и акцентированием внимания не на прибыли, а собственно на

⁴⁵² Calendar of State Papers, Colonial Series: America & West Indies 1574–1660 / Ed. by W.N. Sainsbury, Sir J.W. Fortescue. London, 1860. P. 19.

⁴⁵³ Winslow E. Mourt's Relation. P. 22.

колонизации, пересекается с политикой управления Джеймстауном в Виргинии. Это наглядно видно на примере проповеди Роберта Кашмена, который продолжал заниматься делами Нового Плимута в Англии. Цель его проповеди, прочтенной среди акционеров и опубликованной позже для всеобщего ознакомления, заключалась в том, что несмотря на то, что Новый Плимут не принес немедленной выгоды, ни в коем случае не следует отказываться от этого предприятия. Плимут был построен ради целей гораздо более важных, чем прибыль, в данном случае это распространение христианства. Напоминая, что религия и прибыль обязательно сопутствуют друг другу в Новом Свете, Кашмен в целом следует риторике Хаклюйта-старшего в том, что все аспекты колонизации взаимосвязаны и успех в одних обязательно принесет успех и в других. С другой стороны, он повторяет аргументы Лондонской Виргинской компании, когда она стала оправдывать провальную финансовую сторону предприятия необходимостью колоний для славы королевства и распространения христианства⁴⁵⁴.

2. Проблемы взаимоотношений Нового Плимута и индейских племен в 1620-х гг

При всей важности внутреннего устройства Нового Плимута, гарантией выживания и развития поселения были отношения с коренными жителями. Несмотря на то, что пилигримы приплыли к берегам Новой Англии после опустошительной эпидемии 1617 г, индейцы все еще

⁴⁵⁴ The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies. Cambridge, 1910. P. 111.

превосходили колонистов по своей численности, материальным ресурсам и знаниям. Более того, одинокому поселению противостояло сложное племенное сообщество с разными центрами влияния и мнениями относительно англичан. Так что пилигримам предстояло выработать гибкую политику в отношении индейцев, которая не могла сводиться к завоеванию или культурной колонизации. Это был постепенный и взаимный процесс культурных и экономических контактов, который был важной составляющей модели колониального предприятия пилигримов. Одновременно эти контакты крайне болезненно воспринимались самими пилигримами, что нашло отражение в противоречивых оценках, представленных в источниках.

Дикие люди, «которые рыщут в лесах наподобие диких зверей»⁴⁵⁵ — так характеризует коренных жителей Америки Уильям Брэдфорд в своем описании подготовки к переселению в Новый Свет. Сложно понять, к какому времени относилась эта характеристика, отражала ли она уровень знаний пилигримов о североамериканских индейцах до того, как они увидели их (тогда мы следуем внутренней хронологии книги), или, напротив, это взгляды 1640-х гг., когда Брэдфорд на основании многих источников и собственных воспоминаний стал писать свою книгу. Эта проблема требует вдумчивого анализа.

Во второй главе было показано, что отношение к коренным жителям со стороны теоретиков колонизации постоянно менялось, их рассматривали то как потенциальных лояльных подданных английского короля, то как объект

⁴⁵⁵ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 40.

для обращения в христианство, то как готовых предоставить экзотические товары посредников. Тем не менее сочетание разрозненности и слабости английской колонизации с децентрализованной и сложной племенной структурой коренных жителей привели к тому, что ни к одной из этих ролей индейцы не подходили.

У индейцев не было государства, которое можно было бы завоевать и занять место элиты, как произошло с цивилизациями Центральной Америки, но и у англичан не было даже сотни закаленных в боях конкистадоров. У индейцев были ценные товары, но английским торговцам нечего было предложить им взамен, а пушки не могли заставить их торговать, туземцы просто уходили или, временно смирясь, устраивали восстания против настойчивых, но слабых пришельцев⁴⁵⁶. Все контакты между двумя цивилизациями были бессистемны и постоянно балансировали на грани катастрофы.

Поэтому жители Северной Америки в сознании теоретиков колонизации стали рассматриваться как досадное препятствие на пути к богатствам и территориям Нового Света. В этом контексте индейцы действительно были подобны диким зверям или стихийному бедствию, с которым невозможно договориться. Иными словами, поскольку индейцы не вписывались в колониальную теорию, их из нее просто исключили. Но это не значит, что они были исключены из колониальной практики.

Понимание этой практики в случае с Новым Плимутом заключается в

⁴⁵⁶ Colin G. New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Remaking of Early America. Calloway, 1998. P. 44.

сравнении текста «Истории поселения в Плимуте» с двумя ранними памфлетами, которые пилигримы отправили в Англию — «Сообщением Морта» и «Хорошими Новостями из Новой Англии». Они были написаны отчасти тем же Брэдфордом, а отчасти Эдвардом Уинслоу, еще одним из лидеров Нового Плимута, главным дипломатом поселения в отношениях с индейцами.

Изданные в 1621 и 1624 гг. памфлеты были стандартными колониальными описаниями, в которых одновременно сочетались размышления об освоении Новой Англии, бортовой журнал и рекламный проспект. В этих произведениях первым контактам с коренными жителями, племенной политике, различным инцидентам и происшествиям уделено гораздо больше внимания. Более того, в тексте Брэдфорда мы не найдем подробных описаний нарядов и обычаев индейцев, транскрипции и переводов их речей и церемониальных обращений, но все это есть в памфлетах Уинслоу⁴⁵⁷.

Благодаря анализу этих текстов можно зафиксировать процесс превращения индейцев из необходимого элемента выживания колонии в диких зверей и риторических фигур патетического произведения Уильяма Брэдфорда. Мы покажем, как модель колониального предприятия пилигримов превратила многообразие человеческих взаимоотношений, пусть и осложненных культурным и языковым барьером, в единую модель

⁴⁵⁷ *Anderson D.* William Bradford's Books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London, 2003.. P. 95.

отношения к дикарям.

Как уже было сказано во второй главе, пилигримы не были первыми европейцами, с которыми столкнулись коренные жители Новой Англии. Начиная с конца XV в. индейцы вступали в контакты с различными экипажами кораблей, наблюдали попытки создания поселений, пытались вступать с пришельцами в различные отношения обмена. Эти контакты были скоротечны и зачастую несли трагические последствия, но так же как пилигримы были относительно подготовлены к встрече с индейцами благодаря колониальной литературе, так и индейцы не испытали шока при виде европейцев.

Показательно, что уже на момент высадки пилигримов, когда произошла случайная стычка с индейцами, огнестрельное оружие не вызвало у коренных жителей удивления. Вот один из эпизодов этого инцидента: «...один крепкий и отважный индеец, укрывшись за деревом на расстоянии половины мушкетного выстрела, пускал оттуда стрелы. <...> В него трижды стреляли из мушкета, пока выстрел не угодил в дерево, так что его осыпало обломками; тогда издал он пронзительный крик, и все они убежали»⁴⁵⁸. Здесь отчетливо видно, что никакого психологического эффекта огнестрельное оружие на коренных жителей не имело, они уже знали его свойства и особенности. Крик индейца был не более чем командой к отступлению.

Интересны и обстоятельства, вызвавшие враждебность этих индейцев. Недалеко от места столкновения пилигримы нашли в заброшенной деревне

⁴⁵⁸ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 84.

железные предметы и в том числе большой котел. Местные жители уже вступали в контакт с европейцами (пассажирами выброшенного у этих берегов французского корабля), и они были не самыми удачными. Индейцы убили французов и, как утверждает Брэдфорд, напали на пассажиров «Мэйфлауэра» думая, что те приплыли отомстить⁴⁵⁹.

Таким образом, по сравнению с первыми контактами с индейцами на острове Роанок в конце XVI в. или в Джеймстауне в 1608 г., очевидно, что отношение к заокеанским путешественникам как к неведомым загадочным существам сменилось прагматическим подходом. Многие вожди стали понимать, какие преимущества несет союз с чужаками, какие блага от них можно получить, какую роль они могли бы сыграть в межплеменной дипломатии⁴⁶⁰. Не понимали они только опасности, которая исходила от европейцев и угрожала самому существованию племен.

Тем не менее индейцы были более подготовлены к контактам с европейцами, чем европейцы к контактам с индейцами. Так, отцам-пилигримам в первые годы основания Плимута посчастливилось столкнуться с тремя индейцами, знавшими английский язык. Одним из них был захваченный во время экспедиции Джона Смита Скуанто, другой, Самосет, выучил язык благодаря контактам с английскими моряками, приплывавшими из Ньюфаундленда.

Готовность пилигримов играть по правилам межплеменной

⁴⁵⁹ Там же. С. 101.

⁴⁶⁰ *Adolf L.A. Squanto's Role in Pilgrim Diplomacy // Ethnohistory. 1964. Vol. 11. No. 3. P. 247–261. P. 250.*

дипломатии, которая включала регулярные визиты, раскуривание табака, обмен подарками⁴⁶¹, привели к тому что, англичане воспринимались не как представители чуждой цивилизации с иной системой ценностей и общественных отношений, а как новое племя, одно из многих в Новой Англии. Племя сильное, непонятное, чаще всего враждебное, но с которым можно иметь дело и использовать его как одного из агентов межплеменной дипломатии. Первым мир с англичанами заключил сахем племени Вампаноаг Массасойт, а вскоре к нему присоединились и другие окрестные вожди, чьи люди сильно пострадали от болезни. Как оказалось, это миролюбие имело политический подтекст. Соседний племенной союз наригансетов намеревался захватить власть над другими племенами, и Массасойт уже стал склоняться к добровольному подчинению, но появление англичан изменило расклад сил⁴⁶².

Жители Нового Плимута охотно приняли эти правила игры. Когда наригансеты прислали с гонцом «пучок стрел, обвязанный большой змеиной шкурой, что... означало вызов и угрозу», пилигримы ответили им таким же символическим жестом, отправив шкуру обратно с вложенными в нее пулями⁴⁶³. Как и в случае с перестрелкой, пуля и стрела являются взаимозаменяемыми символическими предметами. Еще не было никакого превосходства в отношениях колонистов с индейцами. Скорее, первые годы существования Нового Плимута — это период взаимного ученичества. Так,

⁴⁶¹ Winslow E. Good Newes From New England. London, 1624. P. 28.

⁴⁶² Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 101.

⁴⁶³ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 101.

Скуанто научил плимутцев сажать маис и удобрять его рыбой, пилигримы подарили его племени более совершенные орудия труда. Идеи, которые излагал Уайт через свои гравюры, обрели развитие. Между пилигримами и индейцами начался обмен идеями и технологиями.

В изменившихся условиях, когда Новый Плимут оказался в определенной степени инкорпорирован в племенную структуру⁴⁶⁴, стали возможны постоянные торговые отношения. Фактически они были первостепенной заботой плимутцев, так как, по замечанию Фрэнсиса Бремера, «главным доходным предприятием колонистов была торговля»⁴⁶⁵. Поначалу плимутцы покупали маис для выживания. Затем, для покрытия долгов и окончательного разрыва отношений с купцами пилигримы стали продавать за океан бобровые шкуры и лес. Климатические изменения, затронувшие Европу в XVII в., способствовали росту спроса на меха, что обусловило благоприятную экономическую конъюнктуру для Нового Плимута⁴⁶⁶. Вся эта детальность была так или иначе связана с сотрудничеством с индейцами и процветала благодаря ним.

Часто идущие на поводу у Брэдфорда исследователи описывают становление Нового Плимута как некое противостояние и перманентную борьбу (цивилизаций, классов, конфессий). Однако пример взаимоотношений колонистов с индейцами, так же как и договор с «чужаками», говорит, что на

⁴⁶⁴ *Vaughan A.T., Richter D.K.* Crossing the Cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605–1763. Worcester, 1980. P. 19.

⁴⁶⁵ *Bremer F.J.* The Puritan Experiment. New England Society from Bradford to Edwards. New York, 1976. P. 54.

⁴⁶⁶ *Bunker N.* Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. New York, 2010. P. 232.

начальном этапе Плимут шел по пути не конфликтов, но договоров и компромиссов. Лидеры конгрегации, которые оставались лидерами и в поселении, смогли отказаться от крайностей при сохранении той религиозной основы, которой являлся сепаратизм. У пилигримов стремление к изоляции и самодостаточности, привычка к дихотомии, которая, казалось, делала полностью невозможным принятие другого, уравнивались прагматизмом и способностью к долговременному планированию. На эти качества повлиял опыт сосуществования с многочисленными протестантскими конфессиями в Лейдене и переговоры с Виргинской компанией, а также примиряющая теология преподобного Робинсона.

В отношениях с индейцами, которых пилигримы ни в коем случае не считали равными себе и даже не помышляли об их христианизации (единственный крещенный Брюстером индеец был одним из переводчиков и попросил об этом сам в конце жизненного пути)⁴⁶⁷, сепаратисты видели лишь средство для выживания и развития колонии. Все оговорки Брэдфорда о храбрости или благородстве того или иного местного жителя нивелируются постоянными напоминаниями о коварстве, ненадежности и низких моральных качествах людей, которым в будущем суждено было стать жертвами европейской миграции в Новый Свет⁴⁶⁸.

В последней части этой главы будет подробно рассмотрен контраст между отношением к индейцам губернатора Брэдфорда и Томаса Мортонa,

⁴⁶⁷ *Vaughan A.T., Richter D.K.* Crossing the cultural Divide. P. 238.

⁴⁶⁸ *Winslow E.* Mourt's Relation. Cit.: *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897. P. 497.

прямого конкурента Нового Плимута и основателя скандального поселения Мэрри-Маунт. Но интересен контраст между памфлетами Уинслоу и Брэдфордом, о котором мы уже упоминали. Уинслоу фактически берет на себя ту роль посредника, которой так гордился капитан Джон Смит, и которую Мортон использовал для своей успешной торговли с индейцами. Мы читаем подробные описания одежды и утвари коренных жителей. Разговоры переданы подробно с перечислением колоритных деталей, которые могут выставить коренных жителей Новой Англии неотесанными, но обаятельными дикарями⁴⁶⁹. Из ранних памфлетов становится понятно, что отношения с коренными жителями не были рядом эксцессов и договоров, но представляли собой цельную систему с регулярными визитами вождей и руководителей Плимута друг к другу.

Тем не менее Уинслоу, которому было важно передать в сообщениях в Англию надежность контактов с индейцами, использует свои экзотические описания для демонстрации превосходства колонистов, постоянно напоминая, что индейцы лишены истинных представлений о мире, они склонны к экзальтации и насилию. Так, передавая особенности речей Массосойта, Уинслоу не забывает уточнить, что сахем не может правильно произнести имя своего собеседника, и рассказывает, какие нелепые с точки зрения англичан советы дает вождь, услышав, что у английского короля только одна жена⁴⁷⁰. Все это сделано для того, чтобы показать отношения с

⁴⁶⁹ *Anderson D.* William Bredford's Books. P. 88.

⁴⁷⁰ *Winslow E.* Good Newes From New England. P. 67.

индейцами не как систему, а как курьез, анекдот, приключение, которое в конечном итоге закончится, и ситуация вернется в нормальное русло, где индейцам места просто не будет.

Словно напоминая о необычности индейцев, и Брэдфорд в своей «Истории», и Уинслоу в памфлетах постоянно говорят о творимом индейцами насилии, при этом насилии чрезмерном. Так, Брэдфорд об опасностях Нового Света пишет, что дикари «жестоки и коварны, страшны в ярости своей и беспощадны, когда побеждают; не довольствуясь умерщвлением врага, они с наслаждением подвергают его кровавым пыткам, как-то: с живых сдирают кожу острыми раковинами, отрезают понемногу конечности, поджаривают их на углях и поедают на глазах у еще живой жертвы...»⁴⁷¹. Ничего подобного пилигримы в Новой Англии не встретили, но продолжали верить в жестокость и беспощадность. Хотя на практике это англичане оказывались беспощадны к побежденным врагам, применяя против индейцев тактику тотальной войны сначала в Виргинии в 1610 г., а затем во время индейских войн — Пекотской 1636–38 гг. и войны короля Филлипа 1675–76 гг., когда англичане атаковали беззащитные деревни и никого не оставляли в живых⁴⁷².

Пилигримам не пришлось вести полномасштабных войн, но в спорных ситуациях для Плимута практически сразу главными инструментами в отношениях с коренными жителями стало насилие. Отчасти этому

⁴⁷¹ Брэдфорд У. История поселения в Новом Плимуте. С. 41.

⁴⁷² Слезкин Л.Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981. С. 92.

способствовало то, что первое столкновение с индейцами закончилось перестрелкой, а в 1622 г. пилигримов потрясли известия о «Виргинской резне» — восстании эксплуатируемых колонистами коренных жителей в другой английской колонии, Виргинии⁴⁷³. Но настороженность и предвзятое отношение с течением времени не исчезли у губернатора Брэдфорда и его людей.

Наладив дипломатические отношения с вождем племени Массосойтом, отцы-пилигримы оформили их в виде соглашения, одним из пунктов которого был запрет для индейцев приходить в Новый Плимут без приглашения⁴⁷⁴. В дальнейшем любые спорные моменты в отношениях с коренными жителями разрешались отправкой отряда во главе с военным капитаном Майлзом Стэндишем⁴⁷⁵. Так случилось в загадочной истории с поддержкой, которую оказали пилигримы в конфликте между английской факторией Томаса Уэстона в Уэссагасетсе и проживающим рядом племенем коренных жителей. Индейцы, разозленные действиями колонистов, по слухам, задумали их убить, на что отцы-пилигримы отреагировали незамедлительно, сразу расправившись с потенциальными заговорщиками.

Эта ситуация обеспокоила акционеров и, главное, преподобного Робинсона, который не на шутку опасался, что, спасаясь от соблазнов Голландии, пилигримы могут впасть в еще больший грех, взяв на себя роль

⁴⁷³ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 98.

⁴⁷⁴ Records of the Colony of New Plymouth. 1623–1682 / Ed. Pulsifer D. (1861) Boston, 1968. P. 216.

⁴⁷⁵ Zuckerman M. Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount // The New England Quarterly. 1977. Vol. 50. No. 2. P. 264.

конкистадоров⁴⁷⁶. Описание Брэдфорда схематично и бесстрастно, он не дает оценки действиям пилигримов, кратко описывая инцидент и приводя неодобрительную реакцию друзей из метрополии. Уинслоу же рассказывает подробнее, его памфлет «Добрые вести из Новой Англии» сконцентрирован на событии в Уэссагасетсе⁴⁷⁷.

Уинслоу красочно описывает, как, узнав о болезни дружественного вождя Массасойта, он направился ему на помощь. При помощи хорошо приготовленной, консервированной еды и гигиенических процедур ему удалось наладить пищеварение сахема и в конце концов облегчить его муки. В благодарность за мудрость «белого человека» сахем открывает Уинслоу глаза на заговор, направленный на жителей Уэссагасетса, который не только мог погубить тамошних колонистов (людей бесчестных и грубых, по мнению пилигримов), но и привести к тому, что, опасаясь мести, тамошние индейцы немедленно нападут и на пилигримов. Для предотвращения насилия Массасойт, чьи интересы в этот момент, когда он находился на пороге смерти, были бескорыстны и продиктованы искренним желанием помочь своему спасителю, предлагает пилигримам напасть первыми⁴⁷⁸.

Угрожающие пилигримам и поселенцам Томаса Уэстона индейцы не менее колоритны, чем благодарный лидер Массасойт. В частности, один из них признается, что любит убивать белых при помощи одного особенного ножа и что у него есть другой подобный нож, которым он тоже хочет

⁴⁷⁶ *Anderson D.* William Bredford's Books. P. 77.

⁴⁷⁷ *Anderson D.* William Bredford's Books. P. 103.

⁴⁷⁸ *Winslow E.* Good Newes From New England. P. 29.

воспользоваться. Таким образом, проявление пилигримами насилия переходит в пространство авантюрного романа с красочным злодеем, благородными союзниками из числа дикарей, которые оправдывают это насилие, и суровым капитаном Майлзом Стэндишем, который ловко и неожиданно убивает заговорщиков. То, что могло показаться чрезмерной жестокостью, оправдывается красочными деталями, а Стэндиш предстает как необходимое зло, и сразу за описанием его военной операции следует описание покаяния⁴⁷⁹.

Ключевое в этом описании — его экстраординарность, экзотичность, призванная должна показать Робинсону, что, с одной стороны, такое вряд ли повторится, а с другой — что это событие связано напрямую с новой ситуацией Америки, справляться с которой пастор сам их когда-то призывал.

В этой истории интересно и поведение колонистов, которое вызвало такую агрессию индейцев. Они прибыли по приказу Томаса Уэстона для того, чтобы наконец принести этому амбициозному купцу прибыль и начать работу над рыбными промыслами, которыми не спешили заниматься пилигримы. Но колонисты, которые были подобраны для этого предприятия, кажется, воплощали в себе все пороки ранней колонизации: они были плохо мотивированы, необразованны, непригодны для выполнения тех работ, на которые подписались. Практически сразу у них обнаружились проблемы с продовольствием, и хотя часть им удалось купить у пилигримов, но в итоге они стали выпрашивать его у индейцев, наниматься к ним в работники, а

⁴⁷⁹ *Anderson D. William Bredford's Books. P. 102.*

потом и просто воровать⁴⁸⁰.

Таким образом, незадачливые колонисты совершали тяжелейшее с точки зрения английской колонизации преступление — обратную колонизацию, когда они не просто перенимали какие-то знания индейцев, но становились как они, а в некоторых случаях ставили себя в подчиненное положение. Нам ничего неизвестно, правда ли, заговорщики хотели убить попрошаек и, если хотели, повлияло ли бы это на безопасность Нового Плимута. Но после инцидента колонисты Уэстона уехали. Для пилигримов было важно избавиться от англичан, что разрушавших образ «белого человека», давали понять, что с колонистами можно строить отношения на равных. Также жители Нового Плимута устраняли тех, кто претворял в жизнь конкурирующую модель колониального предприятия, где отношения с индейцами не были столь дистанцированы. С другой стороны, с точки зрения Массосойта, ему было важно лишить соседнее племя поддержки англичан, которые могли делиться оружием и технологиями и могли снова изменить баланс в межплеменной дипломатии.

Но показательны не эти экстремальные ситуации, когда применение насилия могло быть оправдано соображениями безопасности. Стремление представить индейцев как экзотичных полулюдей в Новом Плимуте наиболее ярко проявлялись в отношениях с индейцами-переводчиками, которые выполняли важные функции посредников между племенами и пилигримами. Отношения с переводчиками были выгодны отцам-пилигримам. Судя по

⁴⁸⁰ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С.115.

упоминаниям Брэдфорда, этих индейцев также было трудно обвинить в нелояльности⁴⁸¹. Тем не менее их история у Брэдфорда — это история манипуляции, недоверия, разжигания конкуренции между собой и, главное, почти полное игнорирование одной из «целей» переселения в Новый Свет, распространения христианства. Как уже было сказано, лишь один из них был обращен, и в его предсмертной речи, которую приводит Брэдфорд, говорится больше о могуществе англичан и их бога, чем об истинах сепаратистского учения.

Таким образом, путем отстранения, экзотических или риторически описаний, которые превращали индейцев из реальной силы Новой Англии в литературных персонажей, а также точечного систематического насилия пилигримы отстаивали свою культурную гегемонию в регионе. Это происходило в тех условиях, когда Новый Плимут находился в полной зависимости от торговли и от знаний коренных жителей. Руководители поселения пользовались услугами переводчиков, которые знали английский язык, но почти никто из колонистов его не знал и не стремился изучить. Однако победив индейцев в своих текстах, англичане постепенно достигли и реальной гегемонии, вытеснив коренных жителей на периферию экономической, политической и культурной жизни Новой Англии.

⁴⁸¹ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 119.

3. Две модели английского колониального предприятия:

Мэрри-Маунт и Новый Плимут

В завершающем разделе этой главы мы рассмотрим, как отцы-пилигримы отреагировали на появление в Новой Англии конкурирующего проекта, поселения Мэрри-Маунт Томаса Мортон. История Мортон не только важна для понимания развития региона, но и позволяет более выпукло отразить своеобразие колониальной политики, которую выстраивали пилигримы и которую впоследствии взяли на вооружение массачусетские пуритане.

Другие английские поселения воспринимались руководителями Нового Плимута крайне болезненно. Если же колонисты претендовали на независимость и отказывались мириться с навязываемыми общиной нормами, то противостояние могло быть весьма жестоким.

Не стоит думать, что лишь пилигримы были инициаторами противостояния. Существование сепаратистской колонии, конечно, не устраивало тех, кто был отвергнут или претендовал на то, чтобы вести независимую политику в регионе. Напряжение существовало и между Советом Новой Англии и Плимут. Пусть посланцы совета, согласно словам Брэдфорда и некоторым независимым сообщениям, радовались успехам поселения⁴⁸², лидер совета Фердинанд Горджес был противником пуританизма и в 1630-е гг. стал делать все, чтобы осложнить жизнь

⁴⁸² *Porry J. Three Visitors to the Early Plymouth. P. 38.*

религиозным диссидентам в английских колониях⁴⁸³.

Первыми конкурентами Нового Плимута стали поселенцы Томаса Уэстона в Уэссагасетсе, отчаявшегося получить прибыль от сепаратистов и рассорившегося с другими акционерами. Однако, как уже было описано в предыдущем разделе, его фактория, основанная в 1623 г., быстро пришла в упадок. И настоящее противостояние развернулось с 1624 г., когда в Новую Англию приплыл Томас Мортон. С 1624 по 1628 гг. его поселение Мэрри-Маунт составляло серьезную экономическую и идеологическую конкуренцию Новому Плимуту, что нашло свое отражение в «Истории поселения в Плимуте».

В описаниях пилигримов Мортон предстает бунтарем и безбожником, подвергающим весь регион страшной опасности, беспробудным пьяницей, который проклинал короля и влиятельных особ, продавал огнестрельное оружие индейцам и плясал с ними вокруг майского шеста⁴⁸⁴. За эту деятельность он был отослан в Англию силами пилигримов сначала в 1628-м, а затем в 1635-м гг. Но это не был типичный для ранней колонизации бунт контрабандиста и смутьяна. В действительности Мортон был доверенным лицом Фердинанда Горджеса⁴⁸⁵.

Под защитой Совета Мортон вел успешную торговлю пушниной, поддерживал дружественные отношения с коренными жителями и его

⁴⁸³ *Bunker N.* Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. New York, 2010. P. 53.

⁴⁸⁴ *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. М., 1987. С. 188–189.

⁴⁸⁵ *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955. P. 9.

«преступления» не находили никакого осуждения в Англии. Будучи блестяще образованным человеком⁴⁸⁶, во время своего пребывания в Англии в 1637 г. Мортон издал книгу «Новый Английский Ханаан»⁴⁸⁷, в которой изложил свою версию конфликта с пилигримами, выступил как защитник коренных жителей против действий пуритан и представил свой колониальный проект. Мортон смотрел на Новую Англию как на улучшенную версию «старой доброй Англии» феодальных поместий. Его Мэрри-Маунт представлял собой образец модели аристократического колониального предприятия, авторами которой были Уолтер Рэйли, Джон Смит и Фердинанд Горджес⁴⁸⁸.

Лидерства в фактории Мортон добился в результате авантюры. В 1624 г. Мортон стал одним из пайщиков в фактории Маунт-Уолластон. Это поселение по большей части состояло из сервентов. Дела Маунт-Уолластон шли неважно. Руководитель поселения капитан Уолластон перебрался в Виргинию и собирался продать там труд своих кабальных слуг. Воспользовавшись тем, что слуги не желали менять свою судьбу охотников за пушным зверем на полурабский труд на табачной плантации, Мортон отстранил управляющего и сам стал распоряжаться поселением.

Вот как дальнейшая деятельность Мортонa описывалась его главным противником Уильямом Брэдфордом: «Захватив немало товаров и выгодно

⁴⁸⁶ *Zuckerman M.* Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount // *The New England Quarterly*. 1977. Vol. 50. No. 2. P. 259.

⁴⁸⁷ *Morton T.* New English Canaan. 1632 (1637).

⁴⁸⁸ *Hill D.* The English to New England. London, 1975. P. 14–15.

продав их индейцам, стали они все это расточать... как говорят некоторые, пропивая по 10 фунтов за день. <...> Поставили они также майский шест и много дней вокруг него пили и плясали и приводили индейских женщин себе в подруги, и вместе плясали и резвились (точно феи, а вернее сказать, фурии)»⁴⁸⁹.

В первую очередь бросается в глаза зависть к торговым успехам Мортонa, вплоть до того, что называются точные суммы его доходов. В середине 1620-х гг. руководители Нового Плимута как раз заключили с жителями поселения договор, что они списывают долги поселения на себя в обмен на монополию на торговлю пушниной. Таким образом, Мортон составлял серьезную конкуренцию Брэдфорду и его ближайшим помощникам.

Неизвестно, действительно ли Мортон украл проданные индейцам товары, ведь он был одним из владельцев поселения и вполне мог иметь свои собственные запасы. Упоминание о краже дополняет другие характеристики «авантюриста», которые Брэдфорд дает ему, прежде чем рассказывает о преступлениях. Среди них такие фразы, как «уважения не снискавший даже среди слуг...» и «человек лукавый и бесчестный...»⁴⁹⁰. Брэдфорд редко использовал такое количество негативных характеристик даже для прямых противников колонии вроде Томаса Уэстона или преподобного Лайфорда. Учитывая, что до определенного момента Мортон и пилигримы даже не

⁴⁸⁹ Брэдфорд У. История Поселения В Плимуте. С. 189.

⁴⁹⁰ Там же.

пересекались, эта ненависть, скорее всего, была вызвана длительной идеологической и экономической конкуренцией.

Возмущившие Брэдфорда пляски вокруг шеста тоже не были чем-то необычным. Это был слегка модернизированный Мортон (он проводил параллели с античными культами и приглашал к танцам индейцев⁴⁹¹) традиционный английский праздник первого мая. Яков I не только поддерживал, но и насаждал (указом 1616 г.) танцы вокруг столба во время своей борьбы с радикальными протестантами, которые видели в праздновании отголоски языческих времен. Также, если верить Мортону, танцы проводились не все время, как утверждали недоброжелатели, а только в особенные дни⁴⁹².

Последним и главным, судя по хронике Брэдфорда, преступлением Мортон была продажа огнестрельного оружия индейцам. Это действие, если верить губернатору Нового Плимута, подвергало опасности весь регион и делало Мортон предателем в глазах других колонистов. Здесь необходимо учитывать два обстоятельства: продажа индейцам оружия, скорее всего, реальная, со стороны Мортон не была новым явлением ни для Новой Англии, ни для всей Северной Америки. Европейцы продавали оружие коренным жителям, начиная с XVI в., и до и после пребывания Мортон в Новой Англии, мало кто из коренных жителей владел им, но оценить его они

⁴⁹¹ *Dempsey J.* Reading the Revels: The Riddle of May Day in "New English Canaan" // *Early American Literature*. 1999. Issue: 3. Vol. 34. P. 283–312.

⁴⁹² *Morton T.* *New English Canaan: Text, Notes, Biography & Criticism* / Ed. J. Dempsey. Digital Scanning Inc, 2000. P. 89.

могли по достоинству. Вряд ли этот человек мог изменить баланс сил в регионе, продав партию из 20 ружей⁴⁹³. Бурную реакцию отцов-пилигримов трудно объяснить только этим фактором. Тем более что продажа оружия индейцам не являлась преступлением в метрополии, король лишь выпустил осуждающий эдикт⁴⁹⁴.

Действия отцов-пилигримов против Мортонa удивительны своей поспешностью. Брэдфорд, описывая бедствия от продажи оружия индейцам, апеллирует к более поздним временам, а также фактически проговаривается, что прямой угрозы Плимуту от Мэрри-Маунта не существовало: «главные жители мелких, разбросанных поселений, собравшись, решили просить плимутцев... объединиться с ними и... расправиться с Мортоном и пособниками его, пока не вошли они еще больше в силу...»⁴⁹⁵ Все эта упреждающая поспешность напоминала поведение пилигримов во время устранения заговорщиков в Уэссагасетсе.

В конце концов, в 1628 г. пилигримы попытались оказать давление на Мортонa, сначала отправили гонцов с увещеванием, затем военный отряд. Вот как «История поселения в Плимуте» передает реакцию лидера Мэрри-Маунта: «Он отвечал... что королевский указ не закон... ...заявил нагло, что король в могиле, и там же немилость его, и далее в таком роде»⁴⁹⁶. Этот эпизод в версии пилигримов вызывает наибольшие сомнения. Мортон

⁴⁹³ Брэдфорд У. История Поселения в Плимуте. С. 189.

⁴⁹⁴ Zuckerman M. Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount. P. 241.

⁴⁹⁵ Брэдфорд У. Указ. соч. С. 190.

⁴⁹⁶ Там же. С. 192.

был агентом Фердинандо Горджеса, близкого к королю придворного, и во время революции и Мортон, и Горджес были лоялистами. Оскорбление короля (от имени которого выдавались хартии и патенты на территории) было вообще не свойственно колонистам, они скорее прибегали к его авторитету для борьбы друг с другом. Обвинение отцов-пилигримов похоже на стандартную форму доноса.

О дальнейшей судьбе Мэрри-Маунт Брэдфорд отвечает уклончиво. Мортон же, напротив, приводит подробности, которые свидетельствовали против руководителей Нового Плимута. Перед тем как выслать Мортон на корабле в Англию, отцы-пилигримы оставили его на безлюдном острове без теплой одежды и припасов. Лишь помощь коренных жителей спасла колониста от голодной смерти⁴⁹⁷. За время пребывания Мортон в Англии жители Сейлема разграбили запасы поселения. Когда Мортон вернулся во второй раз, его вновь арестовали по обвинению в неподчинении местным властям и снова отправили в метрополию.

Долгие годы Мортон продолжал работать на Совет Новой Англии и Фердинандо Горджеса. «Новый Английский Ханаан» сделал его знаменитостью в Англии, а его активная деятельность как юриста лишила Массачусетскую компанию формальных прав на колонию. В метрополии Мортон стал представлять для своих старых врагов большую опасность, чем во время своего пребывания в Новой Англии. Но последнее возвращение в Новый Свет окончилось для него трагически. В 1643 г. Мортон сбежал в

⁴⁹⁷ *Morton T. New English Canaan. P. 107.*

Новую Англию. Бостонские власти обвинили Мортон в пропаганде лоялистских настроений, вспомнили о его клеветнической книге и бросили в тюрьму на время следствия. Процесс так и не начался, но несколько лет в тюрьме подорвали здоровье Мортон, и он вскоре умер⁴⁹⁸.

Несмотря на то, что Уильям Брэдфорд пытается в «Истории поселения в Плимуте» придать своему противостоянию с Мэрри-Маунтом форму рассказа об усмирении опасных смутьянов, речь шла о конфликте с конкурирующим поселением, которое основывалось на совершенно иных принципах (как экономических, так и культурных), чем проект отцов-пилигримов. Это становится ясно, если рассмотреть произведение Мортон «Новый Английский Ханаан». Памфлет разделен на три части, две из них описывают природные богатства и коренных жителей Новой Англии. Лишь в третьей части, посвященной тому, «как не надо колонизировать», Мортон излагает свои обвинения против пилигримов, которые угнетали местных жителей, подавляли любое свободомыслие и стремление к автономии среди колонистов и разрушили его Мэрри-Маунт.

При сравнении произведения Брэдфорда и Мортон бросается в глаза резкий контраст между условно англиканским и пуританским стилем письма. Мортон, как до него сэр Уолтер Рэйли, Роберт Харкорт и Джон Смит⁴⁹⁹, описывает прежде всего новые неизведанные земли, местных жителей, полезные ресурсы и животных. Мортон добавляет в эту традицию элементы

⁴⁹⁸ *Morton T.* New English Canaan. P. 17.

⁴⁹⁹ См.: *Raleigh W.* The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana. London, 1596; *Harcourt R.* A Relation of a Voyage to Guiana. London, 1613; *Smith J.* A Description of New England. London, 1614.

приключенческой литературы. Противостояние с отцами-пилигримами описано как авантюрный роман с аллюзиями на «Дона Кихота»⁵⁰⁰. И даже критика колонизации пилигримов преподнесена в виде басни про невежественного святошу торговца по имени Баббл (Биллингтон), который затерялся в лесах, потому что не знал языка индейцев, и злого капитана Устрицу (Shrimp), пародию на капитана Стэндиша, третировавшего коренных жителей до тех пор, пока те не спасли незадачливого торговца⁵⁰¹. Вот как военная дипломатия пилигримов могла выглядеть со стороны для современников.

Если у Брэдфорда в описаниях Новой Англии мы читаем лишь о трудностях первых тяжелых лет, то Мортон на каждой странице славит страну, в которой оказался. «Чем больше я смотрел на эту землю, тем больше она мне нравилась», пишет он в начале своей книги⁵⁰² и дальше приводит подробный перечень природных богатств, которые не только представляли выгоду для колониального предприятия, но и приносили радость и удовольствие.

Коренных жителей Мортон описывает с восторженностью, свойственной скорее XVIII столетию с представлениями о «добрых дикарях»: «Встретил я в Новом Свете два вида людей, христиан и язычников, и последние оказались гораздо лучше»⁵⁰³. Мортон, так же как и другие авторы,

⁵⁰⁰ *Morton T.* New English Canaan. P. 95-97.

⁵⁰¹ *Morton T.* New English Canaan. P. 80–84.

⁵⁰² *Ibid.* P. 12.

⁵⁰³ *Ibid.* P. 20.

которые писали отчеты о путешествиях и колонизации, искал и находил в Новом Свете приключения, сокровища и новых подданных для английской короны, а не пустынные земли для укрепления церковной дисциплины.

Управление крошечным поселением Мортон строилось на диаметрально противоположных принципах, чем Новый Плимут. Во-первых, Мэрри-Маунт давал колонистам свободу личной жизни и убеждений, которых так не хватало в Плимуте. Оно также явно обеспечивало более выгодные условия труда для сервентов, что было одной из причин для возмущения Уильяма Брэдфорда: «Увидели также, что нельзя будет держать слуг, ибо Мортон переманит к себе всех, даже самых беспутных...»⁵⁰⁴ Выгода заключалась не только в более высоких доходах за счет успешной торговли, но и в распределении прибыли. Мортон не держался за отношения хозяин-сервент, пусть и управлял поселением в стиле старой доброй Англии.

Для поддержания дисциплины использовалось не исключение и принуждение, а принятие. Брэдфорд пишет, что Мортон не снискал уважения «даже среди слуг», но именно это он и сделал, управляя поселением не при помощи договоров и контрактов (как отцы-пилигримы договорились с индейцами или чужаками), а за счет доверительных отношений с участниками предприятия. На короткий период Томас Мортон реализовал ту утопию, которую Совет Новой Англии и сэр Фердинандо Горджес сочиняли в своих проектах устройства американских колоний⁵⁰⁵.

⁵⁰⁴ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. С. 191.

⁵⁰⁵ Gorges F. The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth: Together with the Charter of the Council at Plymouth, and an Appendix, Containing the Articles of Confederation of the United Colonies of New

Совет Новой Англии ставил своей целью разделение земли по средневековым принципам и создание общества, свободного от разлагающего влияния купцов, места, где джентри и аристократия могли бы управлять своими подданными (колонистами и индейцами), не гоняясь за прибылью и не теряя своего аристократического статуса. Томас Мортон смог на время реализовать мечты о старой доброй Англии, где хозяин и работник объединены патриархальными связями, а жизнь размеренна и зависит не от мануфактур и торговых предприятий, а от сельскохозяйственного цикла.

Мортон сопереживает потерям коренных жителей в результате ужасной болезни, завезенной европейскими моряками, случившейся около 1617 г. В «Новый Ханаан» включено стихотворение, в котором через образы из римской и греческой мифологии рассказывается о борьбе с эпидемией. Стихотворение было адресовано всем, кто присутствовал на празднике в честь возведения майского шеста: и индейцам, и колонистам. И, как пишет Мортон, содержание было понятно коренным жителям⁵⁰⁶. Расточительный праздник Мортон оказывался своеобразным обрядом исцеления, а сам он занимал в обществе коренных жителей место фигуры шамана или целителя. Такое поведение не было вызвано только бескорыстной симпатией. Позиция целителя была одной из самых уважаемых в культуре коренных жителей, и позволяла улаживать противоречия между колонистами и индейцами.

В модели отношений с местными жителями, предложенной Мртоном,

England, and Other Valuable Documents: Published Agreeably to a Resolve, Passed April 5, 1836.

⁵⁰⁶ *Morton T.* New English Canaan. P. 302.

не было ничего нового. Она применялась сначала испанцами и португальцами, а затем французами, которые не отгораживали себя от коренного населения, но это все были тактики, использовавшиеся католиками. Подобно тому, как иезуиты собирали данные о коренных жителях, обращали их в католицизм и обучали владению европейскими технологиями, Мортон стремился изменить индейцев при помощи их знакомства с английскими технологиями. Он обучал их владению оружием, изготовлению гвоздей, шурупов и болтов, а также использованию соли⁵⁰⁷. Лишь у Уолтера Рэйли и его агента Джона Уайта можно найти схожие идеи, которые они воплотили в серии знаменитых портретов пиктов и жителей Роанока⁵⁰⁸.

Может показаться, что модель, по которой строилось поселение Мортонна, модель подданных, модель империи, модель включения, была гораздо прогрессивнее, чем громоздкая и жестокая система управления колониального предприятия пилигримов. Но в действительности мы имеем обратную ситуацию. Отцы-пилигримы и впоследствии массачусетские пуритане, зная о воззрениях Рэйли и Смита, намеренно выстраивали совершенно иные отношения. Они основывались не на утопических взглядах аристократии и не на примерах колониальных успехов испанцев и опыте французов, но на опыте выживания закрытой религиозной общины. Залогом выживания такой общины была тактика исключения, как способа

⁵⁰⁷ Ibid. P. 47.

⁵⁰⁸ Sloan K. A New World: England's First View of America. London, 2007. P. 57.

поддержания единства. Исключения из поля зрения всех, кто не входил в общину, и демонизации тех, кто мог представлять опасность или претендовал на независимое суждение. В таких условиях индейцы просто не входили в сферу интересов колонии, если, конечно, не были источником опасности. Отсюда полное отсутствие миссионерских устремлений. Миссионерство отцов-пилигримов было направлено на самих себя и на тех, кто был необходим для выживания общины.

Самым эффективным способом взаимодействия с конкурентами и коренными жителями стало насилие. Оно шло вразрез с миролюбивой риторикой пилигримов, но насилие эффективно сплачивало религиозную группу, обеспечивало ее безопасность и, как это ни парадоксально, каждый раз подтверждало установку об избранности отцов-пилигримов. Эта сектантская и даже милитаристская тактика освоения Нового Света имела свои недостатки, главным образом из-за конфликтов с коренными жителями, но помогала бороться со слишком открытыми и разобщенными конкурентами, такими как поселение Томаса Мортонa. В долгосрочной перспективе пуританская ортодоксия оказалась не нужна для развития Новой Англии, постоянные битвы за единство выталкивали из колонии непокорных, что послужило развитию соседних колоний: Род-Айленда, Коннектикута, Вермонта и других. Но для начальных этапов колонизации она показала наибольшую эффективность и неспособность других сил и проектов помешать тому, что Новая Англия превратилась в очаг радикального протестантизма.

В заключительной главе мы постарались раскрыть ключевую проблему диссертации — взаимоотношение проверенного временем опыта Старого Света и шокирующей новизны Америки. Если в первой главе было показано, как сепаратисты из деревни Скруби, руководствуясь религиозными и экономическими представлениями, решились на переселение в Новый Свет и соединили свою церковную дисциплину с колониальной теорией, а во второй — анализировались структурные элементы этой теории, то здесь мы рассмотрели, что произошло с культурным багажом Старого Света в условиях враждебного окружения и опыта Новой Англии.

С одной стороны, согласно меткому замечанию Даниэля Бурстина о том, что Америка была «местом крушения идей Старого Света»⁵⁰⁹, эти теории и чаяния пилигримов потерпели поражение. С другой стороны, несмотря на то, что конечный результат кардинально отличался от первоначальных планов, а провалы и ошибки определяли первые годы существования Нового Плимута, отцам-пилигримам удалось достичь впечатляющих результатов.

В тяжелых условиях они победили многочисленных конкурентов и стали примером для масштабной миграции пуритан в 1630-е гг. И более того, несмотря на крушение своих идей, пилигримы запустили мощный механизм адаптации экзотики Нового Света к английским представлениям и протестантским религиозным нормам и при помощи своих памфлетов

⁵⁰⁹ Бурстин Д. Американцы: Демократический опыт. М., 1993. С. 13.

колонизировали Новую Англию гораздо успешнее и быстрее, чем в материальном.

Заключение

Англия вошла в период колонизации Нового Света одной из последних европейских держав на фоне социально-экономических изменений, связанных с огораживаниями, революцией цен и вовлечением замкнутого аграрного мира в глобальную экономику. Религиозная Реформация охватывала все большие слои населения и была тесно связана с противостоянием с Испанией. Это привело к патристическому подъему и росту национального самосознания, к желанию основать собственные колонии в Новом Свете, с которыми англичане связывали мощь и могущество иберийской монархии. Наконец, Реформация привела в действие еще один процесс: стремление части мирян и духовенства продолжить религиозную реформу, исправить молодую англиканскую церковь. Это стремление принимало различные формы и привело к возникновению пуританизма. Пуританами двигало стремление добиться большей самостоятельности в церковных делах, самим трактовать писание, очистить церковные ритуалы от остатков католицизма.

Англия начала XVII в., периода возникновения первых колоний, представляется страной, находящейся в поиске своей идентичности, ареной борьбы различных групп, которые желали эту идентичность определить раз и навсегда. Дворяне были недовольны ростом влияния городов с их корпорациями и акционерными компаниями, крестьяне-копигольдеры — повышением платы за пользование землей, англиканские иерархи — растущей критикой церкви, пуритане — тем, что их высокие идеалы

невозможно было претворить в жизнь в стюартовской Англии. Королевская власть на фоне борьбы различных социальных слоев пыталась реализовать свои представления об абсолютной власти.

Все эти противоречия нашли свое разрешение в Английской революции, но также они определили те чаяния, которые люди хотели реализовать посредством колонизации. Дворяне хотели воплотить в Новом Свете свои рыцарские идеалы, королевская власть — обрести надежных подданных среди туземцев, пуритане видели в Америке ключ к тому, чтобы провести свой эксперимент по построению истинной очищенной церкви.

Первыми на этот эксперимент решились сепаратисты. Они не удовлетворялись попытками исправить отдельные злоупотребления внутри церкви Англии, а хотели создать новые автономные церкви на месте единой «испорченной». Сепаратисты мотивировали свое решение тем, что церковь Англии не была добровольным союзом верующих, а навязанным сверху установлением и не удовлетворяла требованиям раннехристианских церквей

510

Поддержание церковной дисциплины всегда считалось одной из главных обязанностей церкви. Англиканские епископы подходили к этому вопросу формально, надеясь на церковные суды и доносчиков, большинство пуритан полагалось на петиции королю и парламенту. Сепаратисты же считали, что ее основой является особая система контроля и самоконтроля членов

⁵¹⁰ *Pagitt E. Heresiography: or a description of the Hereticks and Sectaries of These Latter Times. London, 1645. P. 53.*

конгрегации⁵¹¹.

Эта идея контроля — вместе с идеей об автономной церкви-конгрегации — взаимной опеке всех ее членов, перед лицом Бога, породила учение, наилучшим образом подходившее для колонизации. Тем более что нетерпимость к ереси сепаратистов как со стороны англикан, так и большинства пуритан вынуждала диссидентов уезжать из Англии. Сепаратисты бежали в основном в Голландию, но одна из первых попыток создания колонии на реке Святого Лаврентия в Америке также была предпринята участниками этого движения.

Идея сплоченной конгрегации, заключившей ковенант, договор с Богом, и связавшей себя узами взаимного контроля, с трудом уживалась с мирной жизнью в Голландии, полной разнообразных возможностей, как экономических, так и религиозных. Многие общины разваливались под влиянием противоречий, другие радикализировались и еще больше отдалялись от англиканства, теряя сторонников. Уникальность опыта отцов-пилигримов, которых мы сделали главным объектом исследования, заключается в том, что им удалось преодолеть это противоречие сепаратизма.

С одной стороны, история отцов-пилигримов до отплытия в Голландию кажется типичной для общины сепаратистов. Сформировавшись вокруг почтмейстера Брюстера в деревне Скруби, пилигримы были вытеснены из Англии и переселились в Амстердам. Там, однако, их поведение было гораздо менее типичным. Сепаратисты из Скруби, в отличие от многих

⁵¹¹ *Robinson J.* Justification of Separation from the Church of England. Amsterdam, 1610. P. 38.

других церквей, ясно осознали разрушительное воздействие интеграции в голландскую культуру для единства конгрегации. После многочисленных попыток остановить распад общины пилигримы приняли решение о переселении в Новый Свет и стали частью колониального предприятия группы купцов-авантюристов.

Если проанализировать путь общины пилигримов, то их отличие от других сепаратистских церквей состояло в нескольких ключевых особенностях. Сельское происхождение общины привело к тому, что у пилигримов было ограниченное количество лидеров, которые не боролись между собой за власть. Идеалы сельской Англии поддерживали желание сохранить единство общины, а не бороться за радикализацию пуританской теологии.

Свою роль сыграла теология преподобного Робинсона. Если другие проповедники, вроде Джона Смита, со временем становились все более требовательными к своей пастве и укрепляли ковенант, исключая несогласных, то Робинсон стремился к компромиссам не только между различными церквями сепаратистов, но даже с англиканами. Более того, теология Робинсона предполагала принятие нового опыта, что было редкостью для пуританской мысли XVII в. Пастор пилигримов считал, что истина еще не до конца открылась людям, и новизна Нового Света предполагает и новизну в подходах пилигримов.

Наконец, свою роль сыграло воздействие колониальной литературы на пилигримов. Из нее, а также из опыта Голландии, отцы-пилигримы

восприняли позитивный опыт компромиссов, поиска добрососедских отношений с индейцами и важность договоров и хартий для успешного существования колонии⁵¹².

Именно основные принципы английской колонизации подсказали пилигримам выход из создавшегося в Голландии положения, которым затем во времена «великого исхода» массово воспользовались пуритане. Идеи английской колонизации опирались на опыт испанцев, португальцев и голландцев, которые опережали англичан в освоении Америки. Идеологи колонизации предполагали, что во время освоения Нового Света необходимо распространять христианство, завоевывать новых подданных и земли, способствовать развитию торговли.

Если тезис о распространении христианской веры использовался для оправдания колонизации в целом, перед лицом всей христианской Европы, то другие пункты взяли на вооружение различные слои английского общества. Джентри восприняли идею завоевания, которое должно было обеспечить короне прямое управление над территориями и коренными жителями. Купцы, главным образом из лондонского Сити, избрали своим путем торговую модель колонизации, целью которой было скорейшее получение прибыли.

Распространение христианства оставалось на втором плане, оно должно было легитимировать завоевания и дать обоснование торговле. На деле Англия не имела возможности проводить настоящую миссионерскую

⁵¹² *Dexter H.M.; Dexter M. England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905. P. 216.*

политику, так как внутри страны не было церковного единства и возможностей унификации церковной жизни. Впрочем, и планы по завоеванию, и планы по торговле, пусть и чаще претворялись в жизнь, не приносили желаемых результатов. Непрочные союзы с индейцами часто оборачивались катастрофой, и чем дальше, тем больше жители Англии теряли интерес к коренным жителям как к подданным. Торговля также была зачастую убыточна, и люди, которые вкладывали свои деньги в коммерческие предприятия, руководствовались мотивами не менее идеалистическими, чем те, кто ратовал за христианизацию или завоевание индейцев.

Столь малые успехи в выполнении намеченных целей могут быть объяснены особенностями английских акционерных компаний, хартий и колонистов. Компаниям удалось привлечь средства на экспедиции и поселения в Америке, но они не смогли создать рычаги управления ими. Компании пытались контролировать людей в Новом Свете из метрополии, не обладая знаниями об Америке. Это вело к просчетам в управлении и конфликтам с колонистами.

Хартии, которые выдавала корона, могли успешно справиться с задачей определением тех земель, которые предстояло колонизировать, но они все равно были слабым инструментом контроля. Несмотря на то что те, кому выдавались эти документы, брали на себя многочисленные обязательства, колонизаторы не всегда могли или хотели их выполнять. Все, чего добились составители хартий, это выработка принципов колонизации.

Одним из главных принципов стала переориентация с управления коренными жителями на контроль и обучение колонистов. Колонисты сами стали объектом колониального воздействия, так как они набирались из низших слоев населения, пострадавших от революции цен и огораживаний. Их мотивация заключалась в размытом желании лучшей жизни, а молодость и оторванность от привычной среды оборачивалась плохой дисциплиной и низким моральным духом. Но, учитывая слабость колониальных институтов, для успешной колонизации требовались другие колонисты, которые могли существовать автономно, не зависеть от советов и хартий, иметь четкую мотивацию и внутреннюю систему поддержания дисциплины. Именно здесь интересы религиозных диссидентов пересеклись с задачами освоения Нового Света.

Благодаря деятельности Лондонской и Плимутской Виргинских компаний к 1620 г., когда пилигримы прибыли в регион, им было известно достаточно много об этих территориях и проживающих там коренных жителях, которые долгое время были основным препятствием для колонизации. Эпидемия 1617 г. опустошила индейские деревни на побережье — эта трагедия оказалась на руку пилигримам и последующей волне переселенцев-пуритан.

Однако пилигримы ничего бы не добились без принципиально новых методов организации поселения. Эти методы возникли благодаря соединению идеи божественного ковенанта, договора всей общины перед Богом, и традиционного для английской колонизации повышенного

внимания к хартиям и договорам. Однако если до этого колонии были устроены на обязательствах, которые колонисты давали королю и купцам, остававшимся в метрополии, то пилигримы предложили иную форму договора. Колонисты принимали взаимные обязательства друг перед другом. Таким образом, «договор на Мэйфлауэр» включил чужаков и пилигримов в новую систему отношений, в которой постепенно стала доминировать церковная дисциплина сепаратистской конгрегации.

Эта система включала взаимопомощь, но также взаимный надзор, деление колонистов на своих и чужих: свои получали еще большую поддержку общины, а чужаки, если они не желали подчиняться сепаратистским догматам, постепенно оттеснялись на периферию экономической и социальной жизни, а зачастую и изгонялись. Губернатор Брэдфорд, ближайший помощник старейшины сепаратистской церкви Брюстера, стал символом контроля пилигримов над всем Новым Плимутом и не только писал, но и творил историю сепаратистского проекта.

Экономическая политика пилигримов также представляла собой сплав сепаратистских идей о простом и честном ведении хозяйственной жизни и опыта Лондонской Виргинской компании в Джеймстауне. С одной стороны, они использовали форму акционерной компании для переселения и включились в торговлю пушниной, для того чтобы расплатиться с долгами. С другой стороны, они подчинили атлантическую торговлю нуждам поселения. Однако, включившись в глобальную торговлю, пилигримы постепенно стали утрачивать свое единство, и стремление к индивидуализму со стороны тех,

кто был включен в эту экономику, впоследствии разрушило гегемонию сепаратистов.

Политика пилигримов в отношении коренных жителей тоже была колониальной инновацией. Пилигримы нуждались в помощи индейцев для добычи бобровых шкур, выращивания маиса, коммуникации и разведке. Используя информацию из колониальной литературы, пилигримы встроились в систему межплеменной дипломатии, добились заключения мирных договоров с вождями и поддерживали взаимовыгодное сотрудничество.

В то же время, для того чтобы держать индейцев на расстоянии и не допустить ассимиляции, пилигримы постоянно отстранялись от них, применяя насилие в случае конфликтов и создавая образ индейцев как экзотических, получеловеческих существ, аномалии Новой Англии. Сосуществование объяснялось как временная мера, от которой пилигримы собирались отказаться. Идеология конгрегации подразумевала сосуществование с чужаками, но никогда не их принятие.

Успехи Нового Плимута проявились в конкурентной борьбе с другим колониальным предприятием, которое основывалось на ином опыте, чем опыт пилигримов, и восходило к Уолтеру Рэйли и идеям джентри о колонизации. Томас Мортон в своей фактории (торговом поселении) Мэрри-Маунт сделал коренных жителей полноправными членами поселения, вел прибыльную торговлю и разработал серию ритуалов и праздников, которые объединяли колонистов. В его проекте полностью воплотилась идея

о коренных жителях как о добрых дикарях и потенциальных подданных короля и о Новом Свете как особом пространстве, где люди могут быть свободны от моральных и социальных ограничений Англии. В результате в Новой Англии разгорелось противостояние двух типов колонизации.

С одной стороны выступала «кавалерская» колонизация Мортон, основанная на мечте о Старой доброй Англии, буколической фривольной идиллии, свободной от требований пуритан и экономических изменений и влияния купцов. Ему противостояли скованные дисциплиной жители Нового Плимута, которые не желали терпеть грех, а заодно и конкуренцию на своих территориях и под первым же предлогом избавились от Мортон. В итоге амбиции религиозной общины одержали победу над утопическим проектом джентри.

Пилигримов скрепляли не только религиозные идеи. Идея конгрегации, общины, управляющей своими церковными делами, общины, где каждый выполнял пасторские функции по отношению к самому себе и другим, где все члены заключили договор с Богом, оказывалась созвучна жизненному укладу сельской Англии. Для англичан был важен их локальный, замкнутый на себе мир, и любые попытки вторжения извне, будь то огораживания, королевские налоги или постановления церковных судов, воспринимались исключительно негативно. Современный исследователь Фрэнсис Диллон использует для описания этого феномена термин «провинциализм» и говорит, что этот локальный патриотизм подкреплялся наличием огромного количества диалектов и стереотипов поведения людей в разных областях

страны⁵¹³. Сепаратистская церковь с ее идеями автономности и сплоченности работала на укрепление «провинциализма».

Опыт пилигримов восприняли и участники «великого исхода» 1630-х гг. Этому предшествовали разгон парламента Карлом I в 1628 г., полоса неурожаев и упадок экономики в восточной Англии, которая была «рассадником» английского пуританизма⁵¹⁴. В континентальной Европе бушевала Тридцатилетняя война. Пуритане воспринимали ее как борьбу католиков и протестантов, в которую Англия упорно не хотела вмешиваться⁵¹⁵. Эти тревожные сигналы подтолкнули пуритан-конгрегационалистов (по своим взглядам менее радикальных, чем сепаратисты-пилигримы) к организованной иммиграции.

Значительное количество пуритан бежало на Бермудские острова и на Барбадос. Благодаря ним наконец получила развитие английская Гвиана⁵¹⁶. Тем не менее наиболее благоприятным направлением стал Массачусетс. Колониальные компании, многократно преобразованные и лишенные инструментов контроля, были в этом регионе крайне слабы. Представители Совета Новой Англии прибывали в Новый Плимут и вскоре отбывали в Виргинию, туда, где было кем и чем управлять.

Безусловно, в формировании привлекательного образа региона свою роль сыграли памфлеты и письма, распространяемые сепаратистами. Из них

⁵¹³ *Dillon F.* The Pilgrims. New York, 1976. P. 3–4.

⁵¹⁴ *Anderson V.D.* New England's Generation: The great Migration and the Formation of Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1991. P. 97.

⁵¹⁵ *Langdon G.D.* Pilgrim Colony: A History of New Plymouth 1620–1691. London, 1966. P. 38.

⁵¹⁶ *Newton A.P.* Colonizing Activities of English Puritans. New Haven (Conn.), 1914. P. 76.

руководители «великого исхода» могли узнать о климате, весьма похожем на климат старой Англии, чего нельзя было сказать о жарких и влажных Карибских островах или болотистой Виргинии. В памфлетах содержались отчеты об экспедициях к различным индейским племенам и сообщения об удачной торговле мехами. Новый Плимут выгодно отличался от Виргинии тем, что сумел сохранить мир с индейскими племенами и активно участвовал в их политике⁵¹⁷.

В памфлетах не говорилось, как именно сепаратисты взяли под контроль внутренние и внешние дела колонии или об отношениях с купцами-авантюристами. Однако эта информация могла быть передана через частные, не предназначенные для публикации письма. К тому же Эдвин Сэндис, влиятельный придворный и пуританин, помогавший пилигримам, наверняка мог распространить подобную информацию. Это подтверждает, что если финансовые возможности пуритан во время «великого исхода» были значительно выше, чем у небольшой общины сепаратистов, то действия их были весьма схожи⁵¹⁸.

Точно так же, как пилигримы использовали форму акционерной компании под покровительством Совета Новой Англии для создания своего сепаратистского проекта, массачусетские пуритане использовали свою компанию, состоявшую как из влиятельных пуритан, так и из лояльных королю и епископам англикан для того, чтобы придать легальный статус

⁵¹⁷ Winslow E. Good Newes From New England. London, 1624. P. 31.

⁵¹⁸ Bremer F.J. The Puritan Experiment. New England Society from Bradford to Edwards. New York, 1976. P. 16.

своему предприятию⁵¹⁹. Руководители пуритан даже сделали то, на что никогда не согласились бы сепаратисты — принесли присягу о супрематии. Они во всеуслышание демонстративно осуждали сепаратизм с его отношением к переселению, как бегству из страны и церкви, которые уже было невозможно спасти.

Однако, прибыв в Новую Англию, пуритане фактически восприняли сепаратистскую церковную организацию и начали проводить жесткую политику давления на тех, кто придерживался англиканского вероисповедания⁵²⁰. Руководители Массачусетса часто практиковали изгнание как средство поддержания единства своей колонии. Возможности массачусетских пуритан проявились и в политике по отношению к тем колонистам, которые не разделяли пуританских взглядов, но также желали поселиться в этом месте. Таких было немало, они нанимались в качестве сервентов или прибывали за собственный счет в надежде получить землю. В их отношении также проводилась репрессивная политика. Дело не ограничивалось запретом на «языческие праздники» — речь шла о постоянном контроле за нравственным обликом колонистов-сервентов, о системе наказаний вплоть до изгнания и смертной казни по отношению к более радикальным пуританам или настаивавшим на равенстве англиканам. Проступки не только осуждались магистратом, но и обсуждались в церкви, делались достоянием публичного осуждения. Лидеры Нового Плимута не

⁵¹⁹ Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд 1630-1642. М., 1980. С. 26.

⁵²⁰ Foundations of Colonial America: A Documentary History. ew York, 1973. P. 104.

могли и думать о том, чтобы реализовать у себя нечто подобное, хотя идеологические предпосылки к установлению подобного режима у них были

521

Подводя итог, необходимо еще раз вернуться к «триаде колонизации» Ричарда Хаклюйта-старшего: христианство, завоевание, торговля⁵²². Уже было сказано, что миссионерский аспект в начальный период колонизации не был реализован, действовали лишь сторонники превращения индейцев в поданных английской короны и торговцы, целью которых было создание сети факторий. Можно утверждать, что в Новом Плимуте впервые на практике проявилась миссионерская составляющая колонизации. Но направлена она была не на индейцев, а на самих религиозных диссидентов. В условиях Нового Света, свободные от ограничений метрополии, они могли углублять свое учение и строить более совершенное общество, распространяя влияние на обычных англикан, которых церковь Англии оставила без надзора и дисциплины. Сначала этот эксперимент проявился в Новом Плимуте, а затем в больших масштабах пуританская самоколонизация создала ту Новую Англию, о которой мы знаем.

⁵²¹ Deetz J., Deetz P.S. *The Times of Their Lives : Life, Love, and Death in Plymouth Colony*. New York, 2000. P. 75.

⁵²² *The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyt's* / Ed. by Taylor E.G.R. London, 1935. P. 204.

Библиография

Документы официального характера

1. Calendar of State Papers, Colonial Series: America & West Indies 1574–1660 / Ed. by W.N. Sainsbury, Sir J.W. Fortescue. London, 1860.
2. The Compact with the Charter and Laws of the Colony of New Plymouth: Together with the Charter of the Council at Plymouth, and an Appendix, Containing the Articles of Confederation of the United Colonies of New England, and Other Valuable Documents: Published Agreeably to a Resolve, Passed April 5, 1836.
3. Foundations of Colonial America: A Documentary History. New York, 1973.
4. Plymouth Probate Records of Mayflower Passengers [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт] URL: <http://mayflowerhistory.com/probate-records> (дата обращения: 09.09.2014).
5. Probate Inventory of the Mayflower (1624) [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Сайт]. URL: <http://mayflowerhistory.com/probate-inventory-of-the-mayflower> (дата обращения: 09.09.2014).
6. Peirce Patent of 1621 [Электронный ресурс] // MayflowerHistory.com [Офиц. сайт]. URL: <http://mayflowerhistory.com/pierce-patent> (дата обращения: 09.09.2014).
7. Plymouth Church Records, 1620–1859. Plymouth, 1920.
8. Records of the Council For New England 1622–1638. Cambridge, 1867.
9. Records of the Colony of New Plymouth. 1623–1682 / Ed. Pulsifer D. (1861) Boston, 1968.
10. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies. Cambridge, 1910.
11. Nonconformist church records. The University of Nottingham's Manuscripts and Special Collections [Электронный ресурс] // The University of Nottingham [Сайт]. URL: <http://www.nottingham.ac.uk/manuscriptsandspecialcollections/collectionsindepth/non-conformistchurches/introduction.aspx> (дата обращения: 09.09.2014).

Хроники

1. *Bradford W.* History of Plymouth Plantation. Boston, 1856.
2. *Morton N.* New England's Memorial (1669). Boston, 1826 .
3. *Брэдфорд У.* История поселения в Плимуте. М., 1987.
4. *Prince Th.* A Chronological History of New-England in the Form of Annals. Boston, 1736.
5. *Hutchinson Th.* The History of Massachusetts: From the First Settlement Thereof in 1628 Until the Year 1750. Salem, 1764.

Памфлеты

1. *Bacon F.* Of plantations (1597) // Essays. Chicago, 1883.
2. *Hakluyt R.* The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation (1589). London, 1905.
3. *Hakluyt R.* A Discourse Concerning Western Planting Written in the Year (1584) / Ed. by Ch. Deane. London, 1831.
4. *Harcourt R.* A Relation of a Voyage to Guiana. (London, 1613). Boston, 1926.
5. John White's Planters plea. London, 1630.
6. *Purchas S.* Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others. Vols. 1–4. London, 1625.
7. *Raleigh W.* The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana. London, 1596.
8. *Smith J.* A Description of New England (1614). Boston, 1865.
9. The Original Writings and Correspondence of the Two Richard Hakluyt's / Ed. by Taylor E.G.R. London, 1935.
10. Travels and Works of Captain John Smith. Vols. 1–3 | Ed. by Arber E. Edinburgh, 1910.
11. *Winslow E.* Good Newes From New England. London, 1624.
12. *Winslow E.* Mourt's Relation. (1622) Boston, 1865.
13. *Morton T.* New English Canaan: Text, Notes, Biography & Criticism / Ed. J. Dempsey. Digital Scanning Inc, 2000.

Теологические работы

1. *Edwards T.* Gangraena: or A catalogue and discovery of many of the errors, heresies, blasphemies and pernicious practices of the sectaries of this time. London, 1646.
2. *Dexter H.M.* The Congregationalism of the Last Three Hundred Years as Seen in Its Literature New York, 1880.
3. *Foxe J.* The Acts and Monuments of John Foxe: A new and complete edition / Ed. by S.R. Cattley. [in 8 vols.]. London, 1837–1843.
4. *Pagitt E.* Heresiography: or a description of the Hereticks and Sectaries of These Latter Times. London, 1645.
5. *Robinson J.* Justification of Separation from the Church of England. Amsterdam, 1610.
6. *Robinson J.* Of Religious Communion, Private and Public. Leiden, 1614.
7. *Smith J.* Principles and Inferences Concerning the Visible Church. Amsterdam, 1607.
8. *Smith J.* The Differences of the Churches of the Seperation. Amsterdam, 1612.
9. The Works of John Robinson: Pastor of the Pilgrim Fathers. Vols 1–3. London, 1851.
10. *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере. В 4 т. М., 1998.

Сборники документов

1. *Arber E.* The Story of Pilgrim Fathers. Boston, 1897.
2. Three Visitors to the Early Plymouth (1963). Amherst, 1997.
3. *Dexter H.M.; Dexter M.* England and Holland of Pilgrims. Boston, 1905.
4. *Young A.* Chronicles of the Pilgrim Fathers of the Colony of Plymouth: From 1602–1625. Massachusetts, 1844.

Литература

1. *Adair J.* Founding Fathers: The Puritans in England and America. London, 1982.
2. *Adams Ch.F.* Massachusetts: Its Historians and Its history. Boston, 1895.
3. *Adams J.T.* The Founding of New England. Boston, 1921.
4. *Adolf L.A.* Squanto's Role in Pilgrim Diplomacy // *Ethnohistory*. 1964. Vol. 11. No. 3. P. 247–261.
5. *Anderson D.* William Bradford's Books: Of Plimmoth Plantation and the printed word. Baltimore, London, 2003.
6. *Anderson V.D.* New England's Generation: The great Migration and the Formation of Society in the Seventeenth Century. Cambridge, 1991.
7. *Andrews Ch.M.* Colonial Period of American History. Vols. I–IV. Vol. I. New Haven, 1937.
8. *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge; New York, 2000.
9. *Ashton R.* Radical Puritans in England, 1550–1660. London; New York, 1990.
10. *Austin J.G.* Standish of Standish. Boston, 1890.
11. *Bach R.A.* Colonial Transformations: The Cultural Production of the New Atlantic World, 1580–1640. New York, 2000.
12. *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.), 1955.
13. *Becker C.* Beginnings of the American People. New York, 1915.
14. *Brachlow S.* The Communion of Saints: Radical Puritan and Separatist Ecclesiology, 1570–1625. Oxford, 1988.
15. *Breen T.H.* Puritan and Adventurers. Change and Persistence in Early America. New York, Oxford, 1980.
16. *Bremer F.J.* The Puritan Experiment. New England Society from Bradford to Edwards. New York, 1976.
17. *Breslow M.A.* A Mirror of England. English Puritan's Views of Foreign Nations (1618–1640). Amherst, 1970.
18. *Bridenbaugh C.* Vexed and Troubled Englishmen. New York, 1968.
19. *Bunker N.* Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. New York, 2010.

20. *Burnham M.* Merchants, Money, and the Economics of “Plain Style” in William Bradford’s *Of Plymouth Plantation*. // *American Literature*. 2000. No 72 (4). P. 695–720.
21. *Cabbot J.S.* Miles Standish, the Puritan Captain. 2009 (1898).
22. *Caffrey K.* *The Mayflower*. New York, 1974.
23. *Callcott G.H.* *History in the United States 1800–1860: Its Practice and its Purpose*. The Johns Hopkins University Press, 1970.
24. *Carroll J.* *Puritan, Paranoid, Remissive. A Sociology of Modern Culture*. London; Boston, 1977.
25. *Carroll P.N.* *Puritanism and the Wilderness. The Intellectual Significance of the New England Frontiers 1629–1700*. New York; London, 1969.
26. *Cohen M.* *The Networked Wilderness Communication in Early New England*. University of Minnesota Press, 2010.
27. *Collinson P.* *Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism*. London, 1983.
28. *Craven W.F.* *The Legend of the Founding Fathers*. New York, 1956.
29. *Cressy D.* *Coming over. Migration and Communication between England and New England in the Seventeenth Century*. Cambridge (Mass.), 1987.
30. *Curtis M.H.* *The Alienated Intellectuals of Early Stuart England // Past & Present*. 1962. No. 23. P. 25–43.
31. *Deetz J., Deetz P.S.* *The Times of Their Lives : Life, Love, and Death in Plymouth Colony*. New York, 2000.
32. *Demos J.* *A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony*. New York, 1970.
33. *Dempsey J.* *Reading the Revels: The Riddle of May Day in “New English Canaan” // Early American Literature*. 1999. Issue: 3. Vol. 34. P. 283–312.
34. *Dillon F.* *The Pilgrims*. New York, 1976.
35. *Earle A.M.* *Home Life in Colonial Days*. New York, 1898.
36. *Finch M.L.* *Dissenting Bodies: Corporealities in Early New England*. New York, 2010.
37. *Finch M.L.* “Fashions of Worldly Dames”: Separatist Discourses of Dress in Early Modern London, Amsterdam, and Plymouth Colony // *Church History*. 2005. Vol. 74. No. 3. P. 494–533.
38. *Fiske J.* *Beginnings of New England*. Massachusetts, 1889.

39. *Games A.* Migration and the Origins of the English Atlantic World. Cambridge (Mass.); London, 1999.
40. *Gay P.* A Loss of Mastery: Puritan Historians in Colonial America, University of California Press, 1966.
41. *George T.* John Robinson and the English Separatist Tradition. Georgia, 1982.
42. *Gordon C.* New Worlds for All: Indians, Europeans, and the Remaking of Early America Calloway. The Johns Hopkins University Press, 1998.
43. *Graham J.S.* Puritan Family Life. The Diary of Samuel Sewall. Boston, 2000.
44. *Hill D.* The English to New England. London, 1975.
45. *Hilton Ch.* Mayflower: The Voyage That Changed the World. Sutton, 2005.
46. *Howe H.F.* Prologue to New England. Boston, 1969.
47. *Hugh T.* Lefler, Promotional Literature of the. Southern Colonies // Journal of Southern History. 1967. No 33.
48. *Hunter J.* The Founders of New Plymouth. London, 1854.
49. *Hutchinson T.* The History of Massachusetts: From the First Settlement Thereof in 1628 Until the Year 1750. Salem, 1764.
50. *Jenkins T.* Captain Myles Standish. Boston, 1905.
51. *Jones H.* The Colonial Impulse: An Analysis of the “Promotion” Literature of Colonization. New York, 1984.
52. *King J.* The Mayflower Miracle. The Pilgrim’s Own Story of the Founding of America. London, 1987.
53. *Klaus E.* Knorr British Colonial Theories 1570–1850. Toronto, 1994.
54. *Langdon G.D.* Pilgrim Colony: A History of New Plymouth 1620–1691. London, 1966.
55. *Laslett P.* The World We Have Lost. New York, 1967.
56. *Lindsay D.* Mayflower Bastard: A Stranger among the Pilgrims. New York, 2002.
57. *Miller P.* The New England Mind, The Seventeenth Century. Hayward, 1967.
58. *Morgan E.S.* Virginians at Home: Family Life in the 18th Century. Williamsburg, 1952.
59. *Morgan E.S.* Visible Saints. The History of a Puritan Idea. Ithaca; New York, 1965.

60. *Morrison S.E.* The Intellectual Life of Colonial New England. New York, 1980.
61. *Newton A.P.* Colonizing Activities of English Puritans. New Haven (Conn.), 1914.
62. *Nickerson W.S.* Land Ho! — 1620. A Seaman's Story of the Mayflower Her construction, Her Navigation and Her First Landfall. New York, 1997.
63. *Noyes E.* The Women of the Mayflower and Women of Plymouth Colony (1921). Detroit, 1974.
64. *Oberg M.L.* Dominion and Civility: English imperialism and native America, 1585–1685. New York, 1999.
65. *Osgood H.L.* The Corporation as a Form of Colonial Government // Political Science Quarterly. 1896. Vol. 11. No. 2.
66. *Osgood H.L.* The American Colonies in Seventeenth Century. Vols 1–3. New York, 1904–1907.
67. *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France 1500–1800. Ashgate / Variorum, 1998.
68. *Perry T.W.* New Plymouth and Old England: A Suggestion // The William and Mary Quarterly. Third Series. 1961. Vol. 18. No. 2. P. 251–265.
69. *Philbrick N.* Mayflower: A story of Courage, Community, and War. New York, 2006.
70. *Powell S.Ch.* Puritan Village. The Formation of a New England Town. Middletown, 1963.
71. *Powicke F.J.* Henry Barrow, Separatist and the Exiled Church of Amsterdam. London, 1900.
72. *Priestly H.J.* The Coming of the White Man 1492–1848. New York, 1928.
73. *Prince T.* A Chronological History of New-England in the Form of Annals. Boston, 1736.
74. *Rabb T.K.* Investment in English Overseas Enterprise, 1575-1630 // The Economic History Review. New Series. 1966. Vol. 19. No. 1.
75. *Rev A.S.* Chief of the Pilgrim. Philadelphia, 1857.
76. *Rutman D.B.* Husbandmen of Plymouth. Farms and Villages in the Old Colony, 1620–1692. Boston, 1967.
77. *Sailors Narratives of Voyages along New England Coast 1524–1624* / Ed. Winship G.P. Boston, 1905.

78. *Sargent M.L.* The Conservative Covenant: The Rise of the Mayflower Compact in American Myth // *The New England Quarterly*. 1988. Vol. 61. No. 2. P. 233–251.
79. *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640. Cambridge, 1995.
80. *Silva C.* Miraculous Plagues: Epidemiology on New England's Colonial Landscape.
81. *Sloan K.* A New World: England's First View of America. London, 2007.
82. *Stone L.* History and Postmodernism // *Past and Present*. 1991, No 131.
83. *Tolmie M.* The Triumph of the Saints. The Separatist Churches of London, 1616–1649. Cambridge, 1977.
84. *Tomlins C.* The Legal Cartography of Colonization, the Legal Polyphony of Settlement: English Intrusions on the American Mainland in the Seventeenth Century // *Law & Social Inquiry*. 2001. Vol. 26. No. 2. P. 315–372.
85. *Usher R.G.* Pilgrims and Their History. New York, 1918.
86. *Vaughan A.T., Richter D.K.* Crossing the Cultural Divide: Indians and New Englanders, 1605–1763. Worcester, 1980.
87. *Warner Ch.D.* Captain John Smith. Boston, 1881.
88. *Weaver J.* The Red Atlantic: Transoceanic Cultural Exchanges. UNC Press Books, 2011.
89. *Weir D.A.* Early New England: A Covenanted Society. Cambridge, 2005.
90. *Wertenbaker T.J.* The First Americans: 1607–1690. New York, 1927.
91. *White B.R.* The English Separatist Tradition. From the Marian Martyrs to the Pilgrim. Oxford, 1971.
92. *Woodward W.* Captain John Smith and the Campaign for New England: A Study in Early Modern Identity and Promotion // *New England Quarterly. A Historical Review of New England Life and Letters*. 2008. No 81 (1). P. 91–125.
93. *Ziff L.* The Social Bond of Church Covenant // *American Quarterly*. 1958. Vol. 10. No. 4. P. 454–462.
94. *Zuckerman M.* Pilgrims in the Wilderness: Community, Modernity, and the Maypole at Merry Mount // *The New England Quarterly*. 1977. Vol. 50. No. 2.
95. *Адамова Н.Э.* Колонии Новой Англии и метрополия в XVII в.: проблемы идентичности // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2*. 2010. Вып. 4. С. 61–65.

96. *Акимов Ю.Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII вв. СПб., 2005.
97. *Бурстин Д.* Американцы: Колониальный опыт. М., 1993.
98. Национальная идея в Западной Европе в Новое Время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005.
99. *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли: Система взглядов колониального периода. В 3 т. Т. I. М., 1962.
100. *Самойло А.С.* Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М., 1963.
101. *Савин А.Н.* Лекции по истории Английской революции. (1905). М., 2001.
102. *Слезкин Л.Ю.* Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981.
103. *Слезкин Л.Ю.* У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978.
104. *Слезкин Л.Ю.* У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд 1630-1642. М., 1980.
105. *Туманов М.А.* Роль религиозно-этических принципов кальвинизма в повседневной жизни американской колонии Новый Плимут в первой половине XVII в. М., 2010.
106. *Туманов М.А.* Учение Ж. Кальвина и колонисты Нового Света // Новый исторический вестник. 2008ю №1 (17). С. 154–160.
107. *Хилл К.* Английская Библия и революция XVII века. М., 1998.
108. *Хрулева И.Ю.* Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.
109. *Хрулева И.Ю.* Влияние эпохи «Славной революции» на развитие политических институтов Британских колоний в Северной Америке // Исторический опыт Америки: взгляд американских и российских историков.
110. *Хрулева И.Ю.* Идеино-политический и духовный кризис пуританской Новой Англии в конце XVII века и сейлемская «охота на ведьм» // Русское открытие Америки. Москва, 2002.

111. *Хрулева И.Ю.* У истоков американской демократии: политическая доктрина новоанглийского радикального пуританизма // США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004.